

ДЕНЬГИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА, ОБРАЩЕНИЯ, БЫТОВАНИЯ

Выпуск I

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «ГОЗНАК»
Выставочный комплекс

ДЕНЬГИ
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА,
ОБРАЩЕНИЯ, БЫТОВАНИЯ

Выпуск I

Сборник материалов
Первой международной научной конференции
(18–19 октября 2018 г., Санкт-Петербург)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

УДК 929.652; 94(47)
ББК 63.2; 63.3(2)
Д 34

Ответственный редактор *А. А. Богданов*

Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Вып. 1 / Сб. материалов Первой международной научной конференции (18–19 октября 2018 г., Санкт-Петербург). — СПб.: АО «Гознак», 2018. — 280 с. [текст], ил., табл., XXIV с. ил. [вкл.].

Сборник содержит материалы научной конференции, впервые проведенной в Музее истории денег АО «Гознак», который работает в Санкт-Петербурге с 2016 г. В сборнике рассматриваются актуальные вопросы истории производства, обращения, бытования монет и банкнот в России с древнейших времен до наших дней. В нем представлены практически все направления современной нумизматики, бонистики, истории денежного обращения, опубликованы ранее неизвестные материалы — документы, проектные рисунки бумажных денег и пр.

Сборник будет интересен научным и музейным работникам, нумизматам и бонистам, а также всем интересующимся историей экономики, культуры, техники России.

ISBN 978-5-6041299-1-3

© Акционерное общество «Гознак», 2018
© Коллектив авторов, 2018
© А. А. Богданов, составление, предисловие, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Летом 2016 г. в Аннинском кавальере Петропавловской крепости был открыт Музей истории денег АО «Гознак». Это крупнейшая экспозиция, посвященная истории денежного обращения в России с древнейших времен до наших дней. Она основана на богатейшем собрании Гознака, которое включает в себя не только все основные типы российских монет и банкнот, но и их проектные рисунки, пробные оттиски, утвержденные образцы с автографами государственных деятелей, инструменты для их изготовления. Кроме того, в 2017 и 2018 гг. в музее были проведены две временные выставки. Первая была посвящена 100-летию событий 1917 г., вторая — 200-летию Гознака. Организовывать временные выставки и модернизировать постоянную экспозицию музея планируется и дальше. Эта работа невозможна без осмысления и изучения собрания Гознака, значение которого для исторической науки трудно переоценить.

Поэтому руководством Гознака было принято решение организовать на базе музея историческую конференцию, которая стала бы существенным дополнением к уже сложившейся в России традиции проведения периодических научных симпозиумов по нумизматике, бонистике и смежным дисциплинам.

Название конференции, — «Деньги в российской истории: вопросы производства, обращения, бытования», — отражает идею, заложенную в основу конференции. Это обсуждение не только собственно нумизматических и бонистических вопросов (в узком смысле), но и проблем, связанных с историческим контекстом обращения и бытования денег, рассмотрение монет и банкнот как важного элемента российской повседневности.

При обсуждении программы конференции мы решили в качестве эксперимента отказаться от традиционного для нумизматических конференций деления на секции по территориально-хронологическому принципу. Схожим образом построена и структура настоящего сборника.

Сделано это по нескольким причинам. Во-первых, потому что конференция посвящена в основном российским монетам и банкнотам, и необходимость выделения «античной», «восточной», «западной» секций отпала за их отсутствием. Во-вторых, мы считаем более логичным разделить доклады на те, которые посвящены *производству* монет и банкнот и те, где рассматриваются вопросы, связанные с их *обращением и бытованием*, отказавшись от традиционного деления по хронологическому принципу. Это, на наш

взгляд, позволит лучше понять закономерности и тенденции, определить общее и особенное в истории российских денег на протяжении их тысячелетней истории. В-третьих, мы старались уйти от необходимости выделить в отдельную секцию доклады по бонистике, особенно те, которые касаются истории обращения банкнот. Начиная со второй половины XVIII в., бумажные деньги становятся неотъемлемой частью денежного обращения, и «раздельное» изучение банкнот и монет существенно обедняет наши знания.

Для нас является знаковым то обстоятельство, что конференция проводится в юбилейном для Гознака году. Двести лет назад, — 21 августа 1818 г., — император Александр I собственноручно утвердил «Учреждение» Экспедиции заготовления государственных бумаг — первой фабрики в России, осуществлявшей весь цикл производства бумажных денег. С этого дня ведет свою историю современный Гознак.

Мы рассматриваем конференцию также как дань памяти трем замечательным ученым, без которых российская нумизматика не была бы такой, какая она есть сегодня.

Первый из них — Василий Васильевич Уздеников (1919–2008), исследователь российских монет XVIII — начала XX в., автор их фундаментального каталога, — настольной книги для всех, кто интересуется монетами этого периода. Второй — создатель и организатор научной нумизматики в Белоруссии, ученик И. Г. Спасского Валентин Наумович Рябцевич (1934–2008). Третий — архивариус Санкт-Петербургского монетного двора Михаил Иванович Смирнов (1953–2008), так много сделавший для изучения истории Гознака в целом и его старейшего предприятия в частности.

В дальнейшем мы планируем проводить конференции регулярно и надеемся, что они станут еще одним важным центром обсуждения и изучения проблем нумизматики и бонистики. В перспективе на основе конференции планируется создание постоянного научного журнала, посвященного истории российских монет и банкнот.

В заключение, считаю долгом сказать слова благодарности всем, кто участвовал в организации конференции: сотрудникам выставочного комплекса Гознака, — в первую очередь — Н. В. Ипатовой и Р. С. Сусорову, много сделавшим для организации конференции; Н. С. Чернышёвой и Е. А. Жданковой, осуществившим техническое редактирование настоящего сборника. Отдельно считаю необходимым поблагодарить В. А. Березину, участвовавшую в редактировании сборника и принявшую на себя многотрудные обязанности ответственного секретаря конференции.

А. А. Богданов.

Раздел I

ИСТОРИЯ МОНЕТНОГО
ПРОИЗВОДСТВА

К АТРИБУЦИИ ОДНОГО ИЗ РАННИХ ТИПОВ МОНЕТНЫХ НАДЧЕКАНОК ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКОГО

В. В. Зайцев (Москва)

Среди русских надчеканок, использовавшихся в последней четверти XIV в. для контрамаркирования джучидских дангов и подражаний им, существуют три группы типологически близких клейм, основу которых составляет буква «Д» особой формы (состоящая из трех неравных треугольников, образованных пересекающимися линиями). Несмотря на типологическое сходство, клейма этих групп имеют различные области распространения, несовпадающую датировку, отличия в форме и стилистике начертания знака, а значит, проставлялись в трех разных центрах.

Находки монет с надчеканками первой разновидности концентрируются в районе Коломны, где, очевидно, и располагался центр контрамаркирования. По своим очертаниям надчеканки коломенской группы повторяют форму заключенной в них буквы «Д». Сама буква выполнена ровными линиями с плавными изгибами на углах (*Цв. вкл. I, 1*). Монеты, служившие основой для надчеканивания, всегда аккуратно обрезаны по кругу, их средний вес составляет чуть более 1 г.

Надчеканки в виде буквы «Д» коломенской группы следует считать наиболее ранними. Они встречаются преимущественно на старых джучидских дангах, отчеканенных во времена правления ханов Узбека (1313–1341) и Джанибека (1341–1356), изредка на дангах, появившихся в период Великой замятни, и русских подражаниях, но неизвестны на монетах Токтамышша, захватившего власть в Орде в 1380 г. Появление таких надчеканок, по всей видимости, относится к концу 1370-х гг., а уже в середине 80-х гг. XIV в. их сменяют так называемые надчеканки коломенского типа¹.

Вторая группа клейм с изображением буквы «Д» связана с Переславлем-Залесским. Основным отличием надчеканок переславской группы является их круглая форма. Буква «Д», вписанная в круг, как правило, начертана небрежно и передана прямыми нередко пересекающимися на углах линиями (*Цв. вкл. I, 2*). Первоначально клейма

¹ Зайцев В. В., Амосов М. А. Клад серебряных монет с надчеканками из Коломенского района Московской области (80-е гг. XIV в.) // СНВЕ. Вып. 6. М., 2017. С. 90.

проставлялись на обрезанные по кругу джучидские данги 20–60-х гг. XIV в. Позднее в качестве заготовок для контрамаркирования использовались двусторонние подражания, одна из сторон которых имитировала оборотную сторону дангов хана Джанибека, чеканенных в Гюлистане в 752–756 гг. х. Вес монет, снабженных клеймами переславской группы, как правило, существенно ниже нормативного и составляет в большинстве случаев от 0,5 до 0,8 г.

В конце 1380-х гг. круглые надчеканки с буквой «Д» сменяются в Переславе-Залесском прямоугольными клеймами с изображением четвероногого хищника («барса»), влево, с повернутой назад головой и резко изогнутым над спиной «пушистым» хвостом (*Цв. вкл. II, 4*). При этом тип надчеканиваемых подражаний остается прежним (одна или обе их стороны, как правило, имитируют данги хана Джанибека, чеканенные в Гюлистане), но вот вес монет с новыми надчеканками существенно возрастает, стремясь соответствовать весовой норме «именных» московских денег Дмитрия Ивановича Донского (1362–1389)¹.

Центр клеймения надчеканками в виде буквы «Д» третьей группы находился, предположительно, во владениях великого князя Дмитрия Донского, располагавшихся на правобережье Оки². Эти земли отошли к Москве в соответствии с договором между великими князьями Дмитрием Ивановичем Московским и Олегом Ивановичем Рязанским, заключенным в 1381 г. Здесь вплоть до начала XV в. продолжали обращаться джучидские данги и близкие им по весу русские подражания. Московские денги, вес которых был значительно ниже, а заключенное в них серебро сильно переоценено, на территорию Верховских княжеств и на земли, принадлежавшие Великому княжеству Рязанскому, не поступали. Именно поэтому великий князь Московский был вынужден пойти здесь на выпуск монет, весовые данные которых соответствовали требованиям местного рынка. Для этого попросту надчеканивались его знаком и пускались в оборот полновесные золотоордынские дирхемы, не подвергавшиеся предварительной обрезке, как это делалось на левобережье Оки (в Коломне).

Типологически заокские надчеканки, несомненно, подражают аналогичным клеймам коломенской группы, а значит, появились позднее последних. Будучи внешне весьма схожими с коломенскими, заокские клейма все же отличаются от них низким качеством исполнения изображений (*Цв. вкл. II, 3*). К тому же заокские надчеканки проставлялись на целые

¹ Зайцев В. В., Титов Г. А. Клад серебряных монет с надчеканками из Переславского района Ярославской области (рубеж 80–90-х гг. XIV в.) // СНВЕ. Вып. 6. М., 2017. С. 95, 97.

² Зайцев В. В. Русские монеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М., 2016. С. 18.

(необрезанные) данги, среди которых присутствует большое количество монет Токтамышша. Даты на клейменных монетах показывают, что надчеканки в виде буквы «Д» заокской группы, в отличие от коломенских, продолжали использоваться и во второй половине 1380-х гг. Однако среди них нет монет, отчеканенных позднее 1389 г.

Поскольку два центра контрамаркирования надчеканками с изображением буквы «Д» располагались непосредственно на территории Великого княжества Московского (при этом один из них — Коломна — являлся домениальным великокняжеским владением), а датировка всех разновидностей данного типа клейм не выходила за рамки 1380-х гг., все они были ранее отнесены мной великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому. При этом подразумевалось, что изображенная на надчеканках буква «Д» является инициалом имени великого князя¹.

Для двух групп надчеканок — коломенской и заокской — типологически наиболее близких между собой, а также однотипных одной из наиболее распространенных разновидностей великокняжеских клейм, встречающихся на платежных слитках 1380-х гг.², это утверждение является вполне обоснованным. Однако оно вряд ли справедливо в отношении надчеканок переславской группы (*Цв. вкл. I, 2*). Дело в том, что именно в 80-е гг. XIV в. (с 1380 по 1388 г.) великий князь Дмитрий Иванович не получал доходов с Переслава, а следовательно, у него не было потребности организовывать там денежную мастерскую.

В это время город принадлежал Дмитрию Ольгердовичу Брянскому — литовскому князю, перешедшему на службу к великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому. Когда зимой 1379/80 гг. московское войско, «воюя» порубежные литовские города и волости, подошло к Трубчевску, находившийся там князь Дмитрий Ольгердович не стал оказывать сопротивление, а выйдя из города вместе с семьей и своими боярами, «отъехал» в Москву. Как свидетельствует летопись, великий князь «прия его съ чстью великою и съ многуо любовию, и дасть ему градъ Переяславъ, и съ всеми его пошлинами»³.

Замечание летописца о том, что Переславль был отдан Дмитрию Ольгердовичу «со всеми его пошлинами» позволяет утверждать, что именно этим князем осуществлялось там контрамаркирование обрезанных по кругу джучидских дангов и подражаний. Выпуск этих монет князем Дмитрием Ольгердовичем подтверждается и их выраженной легковес-

¹ Зайцев В. В. Русские монеты XIV–XVII вв. ... С. 14–16.

² *Он же*. Русские клейма на рублях и полтинах XIV–XV вв. М., 2018. С. 24. № 14–17.

³ ПСРА. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 129.

ностью. Продукция «удельного» чекана почти всегда отличалась заниженным весом в сравнении с великокняжескими эмиссиями. В таком случае находит свое объяснение и факт смены в Переславле типа надчеканок, произошедшей в конце 1380-х гг., при сохранении типа надчеканиваемых подражаний (*Цв. вкл. II, 4*). Особое значение здесь имеет то обстоятельство, что эта смена сопровождалась резким повышением веса монетных заготовок. Именно в 1388 г. Дмитрий Ольгердович возвращается в Литву, и денежный чекан в Переславле переходит в руки великого князя.

Таким образом, близость типологии клейм, присутствующих на монетах Переславля-Залесского и Коломны, объясняется лишь тем, что их владельцы имели одинаковые имена. Князь Дмитрий Ольгердович, начиная выпуск своей монеты в Переславле, решил по примеру своего нового сюзерена также использовать в качестве денежного клейма заглавную букву своего имени. Справедливости ради следует отметить, что он позаботился и о том, чтобы его клейма были легко визуальны различимы с великокняжескими. Клейма Дмитрия Ольгердовича были круглыми, в то время как клейма Дмитрия Ивановича Донского, как на монетах, так и на платежных слитках имели фигурные очертания, повторявшие форму заключенного в них инициала великого князя.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕНЕЖНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ТВЕРСКОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА: МОНЕТЫ С ИМЕНАМИ ФЕДОТА И ОРЕФИЯ

В. Л. Лейбов (Москва)

Русская нумизматика «удельного» периода переживает сейчас, вне сомнений, эпоху расцвета. Активно публикуются кладовые комплексы этого периода, рассматриваются самые различные группы памятников денежного обращения русских земель, изучаются вопросы метрологии. Круг письменных источников, из которых можно получить информацию об организации денежного дела, о процессе монетной чеканки на Руси в XIV–XV вв., весьма ограничен. За редкими исключениями, лишь сами монеты могут предоставить нам достоверные сведения о том, каким об-

Рис. 1. Монеты «Орефия» (а) и «Федота» (б). Увеличено в 2 раза

разом была организована их чеканка. В этой связи интересно рассмотреть один из частных вопросов нумизматики Великого княжества Тверского, а именно две группы денег Михаила Борисовича, на которых, помимо имени князя и его титула, помещены загадочные имена «Федот» и «Орефий» (Рис. 1).

Эти монеты давно известны исследователям и неоднократно публиковались. Впервые А. Д. Чертков в 1834 г. высказал мнение, что буквы «ОРЕФ» на некоторых денгах последнего тверского князя обозначают «конечно, имя денежника» Орефия¹. А. В. Орешников придерживался такой же точки зрения, а на иной группе монет² читал имя денежника Федота. Эта точка зрения в дальнейшем была принята всеми исследователями, расходившимися иногда лишь в предпочтениях относительно формы написания имен. Так, М. П. Сотникова считала, что «судя по почерку копииста, собственное имя этого резчика штемпелей было Орефа или Орефьев», а применительно к другой группе полагала, что «копиист из эпохи Михаила Борисовича поместил в легенду свое имя: Федот или Федотов»³.

Рассмотрим подробнее два типа монет, на части которых помещены имена Орефия и Федота.

¹ Чертков А. Д. Описание древних русских монет. М., 1834. С. 89. № 181.

² Орешников А. В. Императорский Российский исторический музей имени императора Александра III. Описание памятников. Вып. 1. Русские монеты до 1547 года. М., 1896. С. 50. № 310, 311.

³ Сотникова М. П. Художественное мастерство тверских денежников XV века // Хранитель Эрмитажа. Сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И. Г. Спасского (1904–1990). СПб., 2004. С. 129, 130.

Тип I. А. с.: изображение воина в рост, анфас, с мечом в одной руке и круглым предметом (державой?) в другой. Круговая надпись: «ДЕНЬГА ТВЕРСКАЯ» или «ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО МИХАИЛА». О. с.: Четырехстрочная надпись. Выявлены 23 варианта, образованные сочетаниями 12 лицевых и 12 оборотных штемпелей, на трех из которых читается «ОРЕФ» или «ОРЕФИ».

Тип II. А. с.: изображение двуногого крылатого дракона, вправо. Круговая надпись: «ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО МИХАИЛА». О. с.: Четырехстрочная надпись. Зарегистрирован 21 вариант, образованный сочетаниями 9 «лицевиков» и 13 «оборотников», на трех из которых присутствует имя «Федот» (в полном или сокращенном вариантах).

Встает вопрос: почему «копиисты» (по выражению М. П. Сотниковой) периода правления Михаила Борисовича поместили на штемпели некие загадочные имена, явно не имеющие отношения к княжеской титулатуре?

Оба типа чеканились синхронно, с самого начала правления великого князя Михаила Борисовича, как представляется, в течение достаточно длительного периода. Об этом свидетельствует сравнение рассматриваемых монет с чеканом предыдущего князя. Если тип с воином находит прямые аналогии в поздних выпусках Бориса Александровича¹, хотя пока и не связан с его монетами поштемпельно, то для типа с драконом зарегистрированы прямые технологические связи с аналогичным типом денег Бориса Александровича (*Рис. 2*). Перед нами, как представляется, продукция двух различных «монетных дворов», а точнее — денежных мастерских.

Рассматриваемые оборотные стороны с загадочными именами нельзя привязать к каким-то конкретным «лицевикам»: как наглядно демонстрируют схемы соотношения штемпелей, о. с. и «Орефия», и «Федота» связаны с несколькими вариантами л. с. Технологических связей друг с другом монеты этих типов не имеют. Но при тщательном визуальном сравнении обнаруживается удивительное сходство в манере исполнения некоторых оборотных штемпелей двух рассматриваемых типов. Оно проявляется не только в компоновке надписей, разделении их на строки, но и в мельчайших палеографических деталях. Особенно ярким примером являются штемпели № 8 а группы «Орефия» и № 11 группы «Федота». Мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: часть инструментария для чеканки денег в двух различных мастерских с очень большой

¹ Орешников А. В. Русские монеты до 1547 года... С. 31–32. № 155–166; табл. II. № 73, 74.

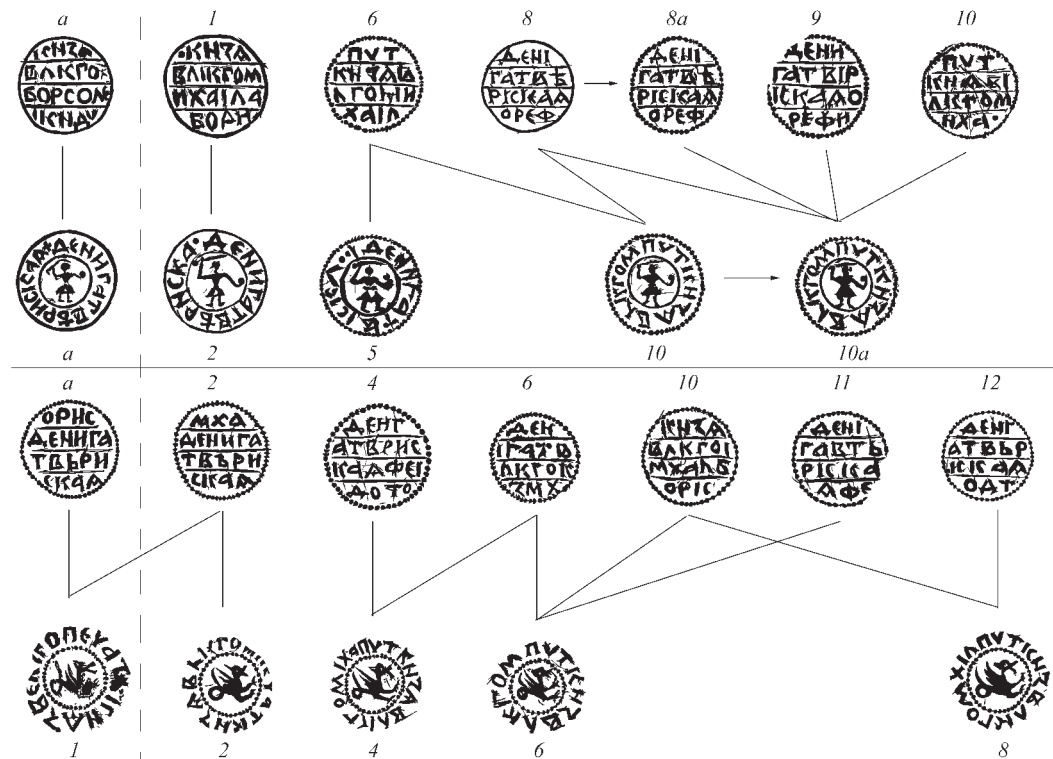

Рис. 2. Фрагменты штемпельных связей двух типов денег Михаила Борисовича Тверского. Графические реконструкции штемпелей приведены в натуральную величину

долей вероятности была изготовлена одним человеком. И при этом на штемпелях он поместил различные (некняжеские!) имена.

Единственным, на мой взгляд, объяснением этого факта может быть следующее: некий тверской резчик в третьей четверти XV в. был задействован организаторами двух различных монетных производств. И в таком случае имена «Орефий» и «Федот» не могут принадлежать денежным мастерам, а передают нам, скорее, информацию о каких-то лицах, ответственных за денежное производство. Может быть, это владельцы мастерских; может быть — какие-то княжеские чиновники, контролировавшие выпуск платежных средств. Так или иначе, перед нами — крайне интересный факт, дающий новую информацию об организации монетной чеканки в «удельный» период, не фиксирующуюся ни по каким другим источникам.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ МОНЕТНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ ПРИ ИВАНЕ III

И. В. Волков (Москва)

Двенадцать лет назад увидела свет монография В. В. Зайцева «Русские монеты времени Ивана III и Василия III», ставшая итогом многолетнего изучения огромного количества русских монет 1460-х — начала 1530-х гг. Впервые нумизматы, археологи, экономисты смогли увидеть обрисованную в общих чертах картину денежного производства в эпоху сложения единого государства — Великого княжества Всея Руси — и использовать нумизматические данные в общесторических исследованиях.

Между тем, автор специально отметил, что «работа не может претендовать на исчерпывающее раскрытие всех проблем, связанных с изучением истории денежного обращения и монетного дела Руси времени Ивана III (1462–1505) и Василия III (1505–1533). Напротив, она должна стать основанием для новых исследований»¹. Наименее изученными нумизматическими памятниками времени Ивана III следует признать монеты, чеканенные в Великом Новгороде сразу после окончательного вхождения города в состав Великого княжества Всея Руси (1478 г.).

¹ Зайцев В. В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев, 2006. С. 10.

В настоящее время ранние новгородские монеты Ивана III с изображением всадника разделяются нумизматами на несколько «типов» по сугубо формальным признакам: это новгородки, на которых всадник развернут влево или вправо, а среди последних дифференциация производится по буквам, помещенным под конем. Таких дифферентов всего три: **о**, **м** и **га** (**▲**). В процессе поштемпельного изучения доступных к весне 2018 г. монет выяснилось, что все денги со всадником, развернутым влево, а также новгородки со всадником, развернутым вправо, несущие дифференты **о** и **м**, объединяются в единую группу (далее — группа I). В настоящее время в ее составе выделено 56 вариантов, образованных различными сочетаниями 19 лицевых и 32 оборотных штемпелей. Внутри данной группы прослежена развитая система штемпельных связей (Рис. 1). Можно уверенно говорить, что все эти денги производились в одной мастерской.

Очень важно, что наиболее ранние из рассматриваемых новгородок (с изображением всадника влево, без буквы под конем) по оборотным сторонам связываются с наиболее поздними денгами, несущими на лицевой стороне двухфигурную композицию, характерную для независимой чеканки Великого Новгорода. Помимо этого, некоторые монеты с двухфигурной композицией отчеканены с применением оборотных штемпелей I группы. То есть денги I группы изготавливались в той же мастерской (на том же «монетном дворе»), что и новгородки с двухфигурной композицией, и непосредственно сменили последние.

В свою очередь, наиболее поздние монеты рассматриваемой группы (л. с. № 18, о. с. № 28–30) связываются поштемпельно с новгородками, штемпели для которых изготавливались с помощью маточника. Этот факт уже неоднократно отмечался исследователями¹.

Совершенно иная ситуация выявляется, если рассматривать новгородки со всадником, несущие дифферент **га** (**▲**) (далее — группа II). Во-первых, эти денги не имеют связей с более ранними новгородками с двухфигурной композицией. Во-вторых, они не связаны и с более поздними монетами, чеканенными с помощью штемпелей, переведенных с маточников. В третьих, не выявлено штемпельных связей с монетами группы I (за единственным исключением), хотя обработано уже достаточно внушительное (около 400 экз.) количество новгородских денег с литерой **га** (**▲**) под конем. При этом в количественном

¹ Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 4-е изд. Л., 1970. С. 107; Рис. 18; Калинин В. А. Новгородский денежный двор в начале 1480-х годов // СГЭ. [Вып]. 36. Л., 1973. С. 81, 82, табл. II; Зайцев В. В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III... С. 49, 122, 123, № 104, 105.1, 105.2.

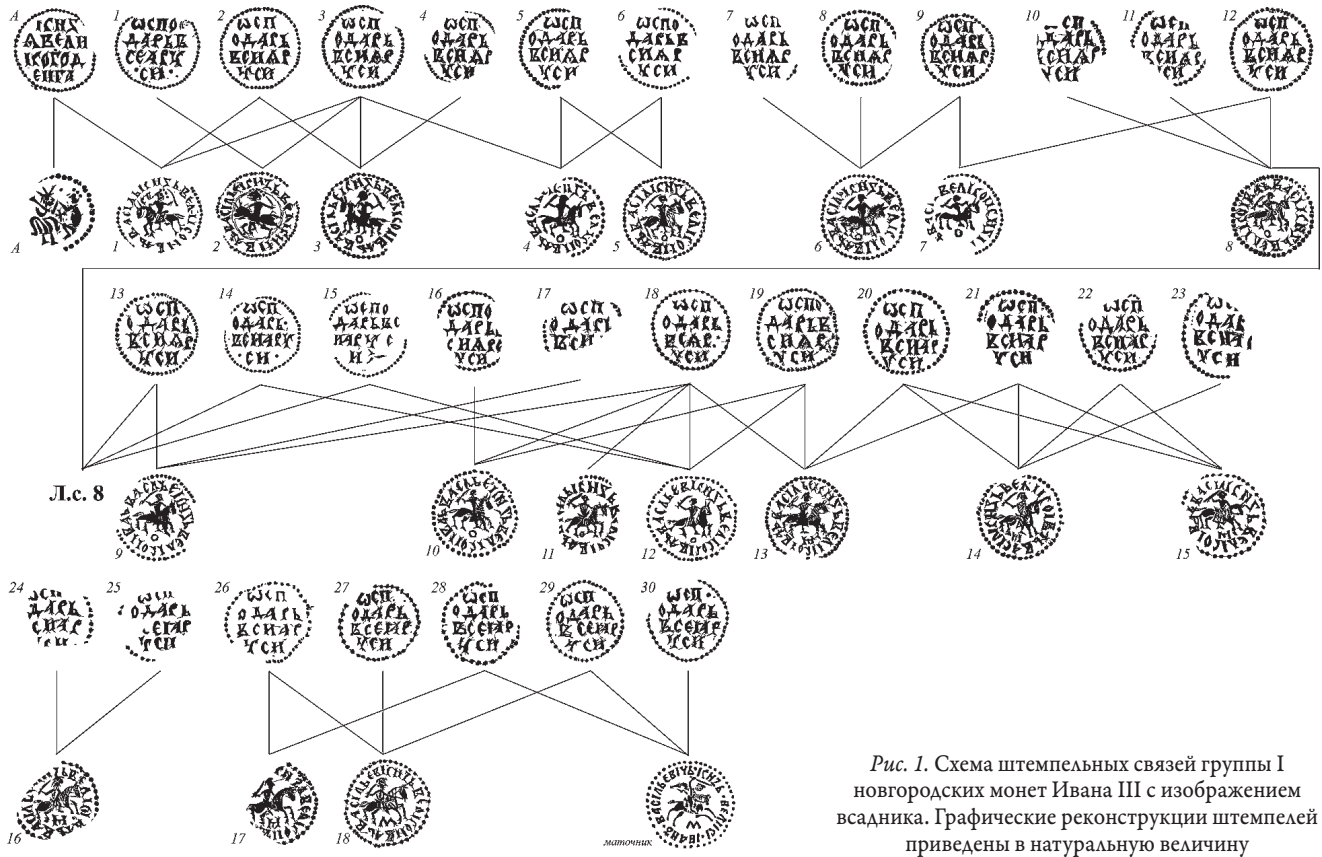

Рис. 1. Схема штемпельных связей группы I новгородских монет Ивана III с изображением всадника. Графические реконструкции штемпелей приведены в натуральную величину

отношении она, эта вторая группа, в несколько раз превосходит первую как по числу известных экземпляров, так и по числу штемпелей, использовавшихся в процессе чеканки. Как и в группе I, непрерывной цепочки штемпельных связей пока не выявлено, но представляется очень вероятным, что все денги этой группы (или их подавляющее большинство) объединятся в единую «сетку» при дальнейшем накоплении материала.

Исследователи новгородских монет Ивана III пришли к совершенно оправданному выводу о том, что буквенные «дифференты», имеющиеся на л. с. большинства новгородок этого правителя, «обозначают не имя денежника, работавшего над изготовлением штемпелей, а имя лица (чиновника), ответственного за выпуск монеты»¹. Соответственно, монеты с различными дифферентами должны были появляться в какой-то определенной хронологической последовательности, а не чеканиться в произвольном порядке. Принимая во внимание это наблюдение, В. А. Калинин, а вслед за ним — В. В. Зайцев, постарались выстроить относительную хронологию появления рассматриваемых денег с различными дифферентами. Согласно предложенной систематизации, после монет с двухфигурной композицией был начат выпуск денег с буквой **га** под всадником, которые затем последовательно сменяются монетами сначала без литер, а затем с литерами **о** и **м**². По мнению В. А. Калинина, «в схеме соотношения штемпелей отчетливо прослеживается переход от штемпелей наиболее многочисленного типа «А» через штемпели типа «М» к штемпелям, переводимым с маточников»³. Но, как показано выше, монеты со всадником влево, без букв и с буквой **о** непосредственно связаны по штемпелям с поздними великокняжескими денгами «независимого» типа, а им на смену, в свою очередь, приходят новгородки с буквой **м**, что неоспоримо доказывается схемой штемпельных связей.

Итак:

1. Ранние новгородские денги Ивана III с изображением всадника, отчеканенные с применением резанных от руки штемпелей, неравномерно распределяются между двумя группами (I и II).

2. Внутри каждой из этих групп прослежена развитая система штемпельных связей, тогда как связи между группами — за единственным пока исключением — отсутствуют.

¹ Зайцев В. В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III... С. 49.

² Там же. Каталог, № 94.1–105.2.

³ Калинин В. А. Новгородский денежный двор... С. 81.

3. Монеты группы I связаны поштемпельно как с поздними вариантами «великокняжеских новгородок» с двухфигурной композицией, так и с ранними вариантами денег со всадником, чеканившихся с применением маточника.

4. Деньги группы II, в свою очередь, не имеют штемпельных связей с какими-то иными серебряными монетами (за исключением единственного штемпеля о. с., использовавшегося и при чеканке позднейших денег группы I). Наличие этой технологической связи свидетельствует, что монеты обеих групп производились одновременно (или в течение очень краткого отрезка времени).

На мой взгляд, единственным возможным решением хронологических и типологических противоречий, возникающих с выявлением огромной изолированной группы денег, имеющих дифферент **га** (**Λ**), является следующее: в рассматриваемый период в Великом Новгороде существовал не один, а два «монетных двора», которые функционировали параллельно. При этом первый из них — тот же самый, на котором производилась чеканка поздних «независимых» новгородок и великокняжеских денег «новгородского» типа. А второй — начал свою работу совершенно независимо, без использования какого бы то ни было штемпельного инструмента предыдущего периода, причем осуществлял более обильную чеканку, нежели первый.

СЕВСКИЕ ЧЕХИ 1686 ГОДА. ВАРИАНТЫ ОФОРМЛЕНИЯ И ИХ АВТОРЫ

С. В. Зверев (Москва)

После присоединения Малороссии в ходе Русско-польской войны 1654–1667 гг. началась «экспансия» биллонных польских монет в приграничные русские области и на юго-западе Русского государства сложился ареал смешанного денежного обращения¹. Это привело в 1677 г. к узакониванию обращения в регионе польских мелких мо-

¹ Зверев С. В. Роль и значение монет Речи Посполитой в Русском государстве в 17 веке // Tarptautine numizmatikos konferencija: Vilnius, 2006 = International Numismatics Conference: Vilnius, 2006 = Международная нумизматическая конференция, посвященная 150-летию Национального музея Литвы: Вильнюс, 2006. Vilnius, 2010. S. 333–346.

нет, и в 1683–1686 гг. к ограничению использования в платежах только «чехов» — монет $1\frac{1}{2}$ гроша¹ — и попытке ввода в обращение в 1686 г. низкопробных «севских чехов», которые позднее были девальвированы до $\frac{3}{8}$ копейки² и в октябре 1689 г. запрещены³.

Севский монетный двор функционировал в 1686–1689 гг. и был крупной казенной мануфактурой, где применялся необычный для русского денежного дела способ изготовления монет вальцовкой. Серебро плавил с медью и отливали в изложницах слитки из сплава низкой пробы. Более 30 волочильщиков изготавливали проволоку, которую рассекали на прутки, и более 500 кузнецов вручную проковывали их в тонкие полосы металла. Затем мастера осуществляли вальцовку монет и вырубали готовые монетные кружки из полосы. Весь период работы на монетах продолжали ставить дату начала выпуска — 1686 г.

На л. с. «севских чехов» вокруг двуглавого орла была помещена латинская аббревиатура: «I. A. P. A. D. G. C. & M. D. T. M & P & A. R. A» (Iohannes Alexiewicz, Petrus Alexiewicz Dei Gratia Caesares Et Magni Duces Totius Magnae et Parvae et Albae Russiae Autocratores — «Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич Божией милостью цари и великие князья всея Великие и Малые и Белые России самодержцы»), а на о. с. вокруг державы: «MON. NOV. FACTA. SIEV. A. 1686» (Moneta Nova facta Sievsk Anno 1686 — «Монета новая делана в Севске. Года 1686»). Прототипом лицевой стороны, видимо, стал драйпёлькер Священной Римской империи, а держава на оборотной стороне осталась как традиционный элемент оформления монет этого номинала, используемый поляками и многими другими эмитентами⁴.

Причем штемпели на валах набивали отдельными пунсонами с изображениями и литерами. Опись Севского «чехового денежного» двора 1689 г. фиксирует различные «чеховые снасти и всякие припасы», среди

¹ Зверев С. В. Региональные денежные реформы на юго-западе Русского государства в 1677 и 1683–1686 гг. // Вестник РГГУ. № 3 (24). Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». М., 2017. С. 59–67.

² Зверев С. В. Материалы о Севском «чеховом денежном» дворе 1686–1689 гг. // Тринадцатая ВНК. Москва, 11–15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 125–126; Он же. Ареал обращения и рыночный курс севских чехов в 1686–1689 гг. // Пятнадцатая ВНК. Ростов-на-Дону. 20–25 апреля 2009 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2009. С. 159–161.

³ Зайцев В. В. Некоторые вопросы чеканки и обращения севских чехов // Нумизматика в Историческом музее. НС ГИМ. Ч. 14 (Труды ГИМ. Вып. 115). М., 2001. С. 230–248.

⁴ Зверев С. В. Севский «чех» 1686 г. Монетные прототипы и геральдическое оформление // Гербовед. № 80. М., 2005. (Сборник статей Геральдического семинара ИАИ РГГУ. Вып. 4) С. 80–93.

которых отмечены: «Пять снастей чеховых. Два орла. Две державы. Срок слов латынских целых и ломаных. Четыре снасти, по одному валу в снасти, печатей не резано. Шесть снастей, печатей на них не резано. Двенадцать снастей худых». Также отмечены поломавшиеся детали станков Walzwerk, среди которых зафиксировано «девяноста семь валов чеховых снастей худых» с выполненными на них лицевыми и обратными штемпелями севских чехов. Вместе с тем отмеченные в списке 16 «ключей, чем печатают чехи» и 16 «шурупов чеховых снастей» позволяют предполагать применение в Севске станка Taschenwerk со сменными штемпелями на валах. Такие штемпели имели зажимный шип, который устанавливали в специальном «кармане» на валу. Видимо, применение нового станка в Севске и было недолгим¹.

Большое количество валов позволяет оценить число разновидностей по штемпелям, поскольку на каждом валу помещалось не менее шести штемпелей, а применение пунсонов приносило в каждый штемпель индивидуальные особенности, особенно заметные в размещении букв в круговых надписях, наличии и отсутствии разделительных точек, положении корон над орлом и звездочек на державе.

Вместе с тем следует выделить три варианта оформления «севских чехов» с заметными различиями в размерах державы, разными изображениями двуглавого орла, формах латинских букв. Эти различия указывают на разных мастеров, изготавливавших пунсоны.

Наиболее характерный для «севских чехов» тип «лапчатого» двуглавого орла, небольшую державу с «лучистым» крестом и почти квадратные латинские литеры с утолщенными мачтами и перекладинами (Рис. 1 а) следует связать с мастером Яном Гранковским (? — не ранее 1690), который сделал «карьеру» от фальшивомонетчика на службе гетмана П. Д. Дорошенко до чина полковника на русской службе, полученного как раз за организацию «чехового дела»². Среди севских неокладных расходов за 1686–1687 гг. отмечено, что по указу «дано Великих государей жалованья полковнику Яну Гранковскому полковничью дачю по розчету к прежней ево даче, которая ему дана в нынешнем во 195-м году, рейтарского строю подполковничя статья, в додачю

¹ Зверев С. В. Опись Севского монетного двора 1689 г. = Opis mincovne v Sevsku z roku 1689. = Description of the mint of Sevsk from 1689//Иконография пенези в Средней и Восточной Европе = Иконография денег Средней и Восточной Европы = Iconography of money in Central and East Europe. Международный нумизматический симпозиум. Тезисы докладов. Numenne, 2007. С. 49–51.

² Рябцевич В. Н. Российско-«польские» монетные эмиссии эпохи Петра I. Тольятти, 1995. С. 35–62.

Рис. 1. Севские чехи 1686 г. Штемпели работы Я. Гранковского (а), С. Ялинского (б), Ф. Павлова (в).

к 72 рублем, 31 рубль 5 алтын 3 денги, да за чеховую ево работу и установку в приказ 30 рублев»¹.

Также известно, что в организации монетного производства в Севске принимал участие гравер и печатник Семен Ялинский (?– после 1698)², ранее создававший по поручению архиепископа Л. Барановича типографию в Новгород-Северском и Чернигове и имевший опыт изготовления отдельных металлических литер для печатания книг. К работе этого мастера можно отнести штемпели с крупной державой со штриховкой (Рис. 1 б), на которой вместо звездочек помещены овалы и точки», и изображением двуглавого орла с пышными перьями, который имеет аналоги в книжных иллюстрациях.

Севские расходные книги 1686–1687 гг. отмечают начало его работы: «В нынешнем во 195-м году сентября в 27 день писал из Батурина войска Запорожского обоих сторон Днепра гетман Иван Самойлович в Севеск к околичному и воеводе Леонтью Романовичю Неплюеву и прислал чехового дела мастера черниговского жителя Семена Ялинского» и далее указывают характер оплаты: «Великих государей денежного жалованья тому присланному чехового дела мастеру Семену Ялинскому приездного рубль да поденного корму сентября з 27-го числа

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп 6-ж. № 9. Л. 615.

² Рябцевич В. Н. Российско-«польские» монетные эмиссии... С. 58–59.

октября по 1-е число по шти денег на день, итого три алтына, ис таможенных и кобацких доходов ему дано»¹.

Документы фиксируют использование в Севске в октябре 1686 г. станков Walzwerk со штемпелями на валах работы С. Ялинского².

Еще один основной вариант оформления «севских чехов» 1686 г. с довольно грубым изображением двуглавого орла и державой, где вместо звездочек помещены крупные точки (*Рис. 1 в*) показывает «руку» еще одного, менее талантливого мастера. Сведения по севским неокладным расходам 1686–1687 гг. позволяют раскрыть его имя. Среди записей за 14 января 1687 г. помечено: «Того ж числа по приказу околничего и воевод Леонтия Романовича да столника Семена Протасьевиича Неплюевых с товарищи присланному от гетмана Ивана Самойловича, которой прислан в Севеск для чехового дела, мастеру Федору Павлову приезного корму дватцать шесть алтын четыре денги ему дано. У подлинной дачи пишет: Федор Павлов дватцать шесть алтын четыре денги взял, а в ево место севской площадной подьячей Васка Токорев по ево веленью руку приложил»³.

Также в Севск еще в конце лета 1686 г. были направлены «денежного двора резец Илья Ермолаев да Оружейные палаты мастера Иван Андропов, Емельян Иванов». Воеводе А. Р. Неплюеву предписывалось «велеть тем мастером чехового дела на снастях резат рези, как к тому чеховому делу надобно. А покаместа у того чехового дела в Севску они мастера будут, давать им кормовые денги ис таможенных и кабацких доходов Илье по осми денег, Ивану и Емельяну по шти денег человеку на день»⁴.

Отправка в Севск единственного резчика Московского денежного двора показывает заинтересованность правительства в скорейшей организации производства региональных монет европейского образца. Но пока не известны «севские чехи», изготовленные с помощью вырезанных на валах штемпелей, а не набитых пунсонами. Видимо, И. Ермолаев работал в Севске недолго, как и другие московские мастера из Оружейной и Серебряной палат⁵. Работа Севского «чехового денежного» двора требовала специалистов, которые имели хотя бы некоторое представление о европейском монетном деле.

¹ РГАДА. Ф. 210. Оп 6-ж. № 9. Л. 343–344.

² *Рябцевич В. Н.* Российско-«польские» монетные эмиссии... С. 60.

³ РГАДА. Ф. 210. Оп 6-ж. № 9. Л. 578.

⁴ Там же. Л. 327–327 об.

⁵ *Зверев С. В.* Мастера Оружейной и Серебряной палат на Севском монетном дворе в 1686–1687 годах // Филлимоновские чтения. М., 2004. Вып. 1. С. 216–224.

«ЧЕТВЕРУГОЛЬНЫЕ ЖЕРЕБЕЙКИ» ДЛЯ ДЕЛА ФАЛЬШИВЫХ ПОЛУШЕК ОБРАЗЦА 1718 ГОДА

А. В. Храменков (Москва)

В 1718–1722 гг. в Москве выпускали полушки по монетной стопе 40 рублей из пуда меди. Они находились в обращении до конца 1730 г.; все это время их активно подделывали фальшивомонетчики — «денежные воры». Высокая прибыль при стоимости пуда меди от 8 рублей, малые размеры монет, их крайне простое оформление и гладкий гурт — все это привело к появлению в обращении огромного количества фальшивых полушек.

Технология изготовления «воровских» полушек известна по архивным документам: изготовление монетных кружков, отжиг и ручная чеканка парой штемпелей¹. Сырьем служила медь в слитках, штыках, крохах, но чаще использовали не требующую предварительной расковки медь — листы и изделия подходящей толщины. Фальшивомонетчики разделяли листовую медь на кружки с помощью «обреза» (трубки с заточенным торцом) или ножниц: «обрезом» кружки вырубали, а ножницами вырезали.

Понятно, что вырезать кружки непосредственно из целого листа затруднительно, поэтому его сначала разрезали на «четвероугольные жеребейки», то есть на квадратные кусочки. Затем углы «жеребейков» обрезали ножницами, получая готовые к чеканке полушечные кружки, имеющие форму многоугольников.

Упоминаний квадратных заготовок в документах Берг-коллегии, в 1720-х гг. занимавшейся сыском «денежных воров», немного (см. *Приложение 1*). Федор Михайлов принес сообщникам «четвероугольные медные жеребейки», из которых они вырезали полушечные кружки². У Федора Садовникова были найдены «медные полушечные четверугольные жеребейки, которых щетом явилось на девяноста четыре копейки»³. Федор Тарухтан резал из меди «ножницами для полушечного дела четверугольные жеребейки и полушечные крушки»⁴. Алексей Шульгин задержан с «четвероугольными медными крушками, да с ножницами и с молотом»⁵.

¹ См.: Храменков А. В. Производство и обращение фальшивых полушек образца 1718 г. //НС ГИМ. Т. 18. (Труды ГИМ. Вып. 171). М., 2007. С. 195–218.

² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 122. Л. 58–60. См. *Приложение*, документ № 1.

³ Там же. Кн. 152. Л. 66–67. См. *Приложение*, документ № 2.

⁴ Там же. Кн. 153. Л. 81–82 об. См. *Приложение*, документ № 3.

⁵ Там же. Кн. 170. Л. 77–78. См. *Приложение*, документ № 4.

В 2015 г. в Серпуховском районе Московской области были найдены артефакты, подтверждающие использование фальшивомонетчиками «четвероугольных жеребейков»: фальшивая полушка (вес 1,15 г, диаметр 14,1–14,4 мм, *Цв. вкл. III, а*) и прямоугольные медные пластины с оттисками на обеих сторонах «воровских» полушечных штемпелей (размеры 14,4 × 14,8 мм, вес 1,37 г, *Цв. вкл. III, б*; размеры 14,1 × 14,6 мм, вес 1,01 г, следы чистки, *Цв. вкл. III, в*). Л. с. отчеканены одним штемпелем, о. с. — тремя разными.

По-видимому, фальшивомонетчики сначала разрезали медный лист на квадратные заготовки, затем их зачеканивали и вырезали полушки по контуру изображения. Такая техника менее эффективна, чем та, которая упомянута в документах: лист — заготовка — кружок — полушка. Действительно, при зачеканке квадратов сложнее соблюдать соосность штемпелей, что и подтверждают найденные предметы, отчеканенные со смещением.

Собственно, отклонение от технологии и привело к находке в настоящее время квадратных заготовок с изображениями на обеих сторонах. Гладкие «четвероугольные жеребейки», будь они найдены, сложно связать с деятельностью фальшивомонетчиков. Хотя в XVIII в. не только заготовки, но и медные обрезки обязательно ассоциировались с «денежным воровством», рассматривались как «поличное» и служили серьезными уликами¹.

Нельзя исключать, что оттиски на квадратных заготовках были сделаны для пробы штемпелей или проверки металла на пластичность. Именно таким, по предположению ученых, могло быть назначение медных пластинок с оттисками фальшивых копеечных штемпелей с именем царя Алексея Михайловича, найденных ранее в Московской области².

Приложение 1

Документы публикуются впервые, большинство из них воспроизводятся полностью, опущенные места обозначаются отточием, заключенным в квадратные скобки³.

¹ Храменков А. В. Обрезки воровских денег (Очерки по истории фальшивомонетничества первой половины XVIII в.)//Нумизматический альманах. М., 2005. № 2. С. 38–42.

² Зайцев В. В. Следы мастерской фальшивомонетчиков середины XVII в. в Подмосковье//Зайцев В. В. Русские монеты XIV–XVII вв.: Очерки по нумизматике. М., 2016. С. 246–258.

³ Здесь и далее тексты документов передаются по правилам публикатора, без редактирования — *Прим. ред.*

Документ № 1. 1726 г. апреля 20. — Протокол Берг-коллегии о решении колодников за дело воровских денег.

(л. 58) По указу Ея Императорского Величества Берг коллегия слушали доношения Манетной канторы и при том статейного списка о денежных ворах, которыя держатца в Москве в Манетной канторе, приговорили учинить следующее: <...> (л. 59)

на (5) Гостиного двора сторожева сына Ивана Иванова, учиня наказанье бив кнутом, и для ссылки в галерную работу прислать в Санкт Питер бурх в Берг коллегию, и по присылке ево в Санкт Питер бурх за показанные ево вины сослать в галерную работу на семь лет, для того (л. 59 об.) что оной Иван Иванович с вышеписанными Федором Михайловым и Филипом Ипатовым для дела полушек в ызбе в подполье был, и в том подполье ис приносных ево, Федоровых, четвероугольных медных жеребеиков вырезал полушечных крушков на две копейки, да положил на чекан полушечных крушков на три копейки;

(6) вологжанина посацкого человека Филипа Ипатова за вырезание из четвероугольных медных жеребеиков вышеозначенного ж Михайлова полушечных крушков, учиня наказанье бив кнутом, и для ссылки в галерную работу прислать в Санкт Питер бурх в Берг коллегию, по присылке сослать в галерную работу на пять лет, для того он, Ипатов, тех крушков только вырезал на две копейки, а на чекан не подметывал. <...> (л. 60)

А движимое и недвижимое их имение и протчих, которые выше сего показаны, велеть из канторы Манетной отписать на Ея Императорское Величество и, оценив, продать с торгу и о том в Манетную кантору послать указ¹.

Петр Хоньков, В. Райзер, Алексей Зыбин.

По листам: секретарь Василей Неронов.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 122. Л. 58–60.

Документ № 2. 1728 г. октября 16. — Протокол Берг-коллегии о подьячем Садовникове

(л. 66) По указу Его Императорского Величества Берг Коллегия, слушав выписки, учиненной из розыскного дела Правянской канцелярии о по-

¹ В дальнейшем, в 1727 г., из доноса денежного вора Василья Стрыкова выяснилось, что Иван Иванов и Филипп Ипатов «с товарищи, всего шесть человек, тех полушек зделали з дватцать пять рублей», поэтому наказание было ужесточено: Иванова приговорили к каторжным работам на 20 лет, Ипатова — на 15 лет. (*РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 140. Л. 15–15 об.*).

дьячем Федоре Садовникове, приговорили: оным Садовниковым чинить указные розыски, для того в прошлом 726-м году июля 9 дня в Московском Обер Берг Амте денежного дела вор Клинского уезду вотчины Чюдова монастыря села Петровского деревни Сметаниной крестьянин Михайло Краснополов, он же и Кудрявой, в роспросе и з дву пыток показал, что вырезал он, Михайло, пару полушечных чеканов — гербовик да словесник, и отдал ему, Садовникову, и взял у него за ту пару ходячих денег рубль.

По которому оговору для сыску и взятя оного Садовникова из оно-го Обер Берг Амта с вышеписанным Краснополовым по инструкции послан был копеист Иван Ивашов, которой при доношении объявил ево, Садовникова, с медными полушечными четвероугольными жеребейками, которых щетом явилось на девяноста четыре копейки, да две пилки, куски малые железные.

А роспросом он, Садовников, показал: в сентябре де месяце того 726-го году переправливал он, Федор, в доме своем, ис которого его взяли, звено забору, и при том звене во дворе вырыл он из земли приносные с ним медные четвероугольные жеребеики (*л. бб об.*) в трепичном узлу и, розвязав, усмотрил, что те жеребейки годные на дело воровских полушек и, принесчи де их в избу, никому не объявля, всыпол в черепок и поставил в подпечик, а по публичному де указу тех жеребейков нигде он не объявил забвением и простотою своею. И как он, Ивашов, с салдаты и с колодником в дом к нему пришли, вышеписанной черепок с теми жеребейками бросил он тайно в печь, убоясь себе привоуду. И как он, подьячей, в доме ево обыскивал, и в тот де обыск нашли и вышеписанные жеребейки в той печи. А вышеписанные две пилки и куски держал де он, Федор, для домовных своих нужд. А полушечных де дву чеканов у него, Михайла, никогда не покупывал и воровских денег не дельывал и воровскими денгами не торговывал и денежного дела воровского не знает.

А потом, хотя по взяти оного Садовникова на очной с ним ставке оной Краснополов говорил, что вышеписанные чеканы резал шурину ево, Садовникову, комнатному истопнику Михайлу Васильеву сыну Гнусе. И слышал де он, Краснополов, от него, Гнусы, что те чеканы отдал он вышеписанному зятю своему Садовникову. Да он же де, Гнуса, сказывал ему, Краснополову, что делал де он со оным зятем своим Садовниковым воровские полушки вместе. А он де, Краснополов, оному Садовникову вышеписанных чеканов не отдавал и денежного дела как за ним, Федором, так и за шуриным ево, Гнусою, не знает.

А в уложение в двадесят первой главе в пятдесятом пункте напечатано: которого человека приведут с поличным, а поличное у него вынут

с приставом и с понятыми, а тот человек того поличного не очистит и отводу ему не даст, и того приводного человека по поличному пытаться и указывать до чего доведется. (л. 67) Да в указе блаженные и вечнодостойные памяти Ея Императорского Величества, каков опубликован из Манетной канторы прошлого 726 году марта 17 дня, написано: ежели кто воровские инструменты или фальшивые денги, или иное что к денежному делу приличное найдет, и те б люди того ж часа объявили на съезжих дворах, которые от полиции. А оной Садовников поличное не токмо объявил, но и от посланных в печь бросил.

И для того по розметке на статейном списке действительного статского советника и президента господина Зыбина велено оным Садовниковым розыскивать, токмо того розыску за болезнь ево не чинено. А ныне он, как о том показано во учиненной об нем выписке, от болезни свободен. Того ради по силе вышеписанного уложенного пункта и опубликованного в народ указу им, Садовниковым, и розыскивать.

Георгий Николев, Алексей Зыбин.

Мое мнение: при розыске оного Садовникова вышеписанному Краснополову в застенке надлежит дать очную ставку в том: роспросом из двух розысков показал он, Краснополов, что сделал вышеписанному Садовникову пару полущечных чеканов, а после того на очной ставке те свои роспросные и пыточные речи переменил, а сказал, что те чеканы делал шурина ево Гнуса, а не ему, Садовникову. И по той очной ставке надлежит и им, Краснополовым, тако ж розыскивать трижды и огнем жечь¹.

Алексей Зыбин, Георгий Николев.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 152. Л. 66–67.

Документ № 3. 1728 г. ноября 29. — Протокол Берг-коллегии о колодниках Торухтане Кудрявом и Ларионове

(л. 81) По указу Его Императорского Величества Берг коллегия по присланной промемории ис Преображенского приказа о колодниках Федоре Торухтане, Михайле Кудрявом, Егоре Ларионове, при которой присланы

¹ В дальнейшем, «в роспросе, и на очной с оным Кудрявым ставке, и с трех пыток, и с огня он, Садовников, в покупке у него, Кудрявого, пары полущечных чеканов не винился». Михайло Кудрявый же «в застенке, на очной с ним, Садовниковым, ставке и с третьей пытки» показал, что Садовникова ранее не знал и об его участии в деле фальшивых полущек знает только со слов Михайла Гнуса; «и по том розыске он, Кудрявой, умре». Гнуса допросить было нельзя, поскольку он умер еще до задержания Садовникова. 11 марта 1729 г. Берг-коллегия приговорила освободить Садовникова на поруки. (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 158. Л. 35–36.)

оние колодники для учинения им указа, и слушав об них учрежденной из розыскных дел выписки, которою показано, что из них Федору Тарухтану за покупку меди и за резбу ис той меди ножницами для полушечного дела четвероугольных жеребейков и полушечных крушков и за отдачу тех крушков для клеймения полушечными чеканы, Михайлу Кудрявому за резбу полушечных десяти чеканов гербовых да шести чеканов словесных, и за резбу для клеймения серебряных цепочек четырех чеканцов гербовых, и за продажу тех чеканов разных чинов людем, по указных розысках по определению (л. 81 об.) Берг коллегии велено оным Тарухтану и Кудрявому учинить смертную казнь отсечь головы. А Егору Ларионову за покупку дву пар полушечных чеканов да полушечного железного обреза, и за дело теми инструменты ис купленной меди воровских полушек, и за издершку тех полушек в росход определено: вырвав ноздри, сослать в галерную работу вечно.

Только оной экзекуции не учинено за взятъем их в Преображенской приказ для следствия по денежному ж воровскому делу. И показано оною ис Преображенского приказу промеморию, что из них Тарухтан в том Преображенском приказе в роспросе винился сверх вышеписанного воровства в деле воровских отливных медных больших копеек дву рублев.

А в нынешнем 728-м году в указах Его Императорского Величества из Высокого Сената в Берг коллегию написано. В первом, февраля де 24-го дня, в указе Его Императорского Величества из Верховного Тайного Совета в Сенат написано: Его Императорское Величество пожаловал для дни коронования своего, (л. 82) милосердуя, которые колодники держатца в разных воровствах, кроме касающихся дел к первым трем пунктом и смертных убивств и неоднократных разбоев, за которые вины надлежат смертной казни или ссылки вечно в каторжную работу, тем, учиня наказание, послать в сибирские города на вечное житье, которых губернатору определить в службу по своему рассмотрению. Во втором, апреля 17-го дня, которые колодники по силе состоявагося февраля 24-го дня Его Императорского Величества милостивого указа надлежат вместо жестоких казней послать в сылку в Сибирь, а еще не отправлены, тех как наискорые отправить в том числе по делам в деле воровских денег. Самих воров, кои посланы или пошлются в сылку в Сибирь, тем быть при Аргунских серебряных заводах в работе, чтоб оные живучи празно в сибирских городех паки на прежнее воровство не обратились.

Того ради приговорили: по силе оных указов вышеписанным колодникам Тарухтану, Кудрявому, Ларионову учинить наказанье бив кнутом и для ссылки в Сибирь на серебряные заводы с протчими колодники

отослать в Московскую губернскую канцелярию, (л. 82 об.) понеже они в означенные воровства впали и осуждены были: Тарухтан и Кудрявой — к смертной казни, а Ларионов — с вынятием ноздрей в галерную работу вечно, до оных милостивых указов. И о приеме их в губернскую канцелярию послать указ.

А сколько оным колодником и другим таким же, которые посылаются в Сибирь, надлежит быть в даче кормовых и прогонных денег, о том учинить особливой экстракт и предложить коллегии немедленно¹.

Георгий Николев, Алексей Зыбин, секретарь Михайло Волков.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 153. Л. 81–82 об.

Документ № 4. 1730 г. марта 16. — Протокол Берг-коллегии о содержавшемся по воровскому денежному делу колоднике

(л. 77) По указу Ея Императорского Величества Берг коллегия, слушав экстракта, учиненного из розыскного дела о содержавшемся во оной коллегии по воровскому денежному делу колоднике Таболского полку драгуне Алексее Шулгине, которой ис команды капитана Теприцкого прислан в Полицмейстерскую канцелярию медных дел с мастером Алексеем Артемьевым с четвероугольными медными крушками, да с ножницами и с молотом. На которого денежного дела вор Алексей Грош в Преображенском приказе показал, что в прошлом де 726-м году жил он, Грош, у оного Артемьева в углу и присмотрил, что он, Артемьев, льет в опоки медные болшие копейки. И по тому ево Грошеву оговору, а по требованию Преображенского приказу оные Артемьев и Шулгин ис Полицмейстерской канцелярии присланы во оной приказ.

А в роспросе означенной Артемьев в литье помянутых воровских медных болших копеек (л. 77 об.) не запырался, а о присланных с ними полшечных жеребейках, ножницах и молоте сказал, что то все помянутого Алексея Шулгина, которой купил у него воровских отливных болших медных восемьдесят копеек заведомо, да за взятые у него, Шулгина, взаим денги взял он, Шулгин, у него, Артемьева, ево ж дела воровских денег заведомо ж з дватцать алтын, да он же де Шулгин продавал ему, Артемьеву, медь на полшечное дело заведомо ж.

¹ Ранее, в 1723 г., Федор Тарухтанов «по денежному воровскому делу в приводе и в розыску был и в роспросе винился в деле воровских полшечек четырех рублей пятидесят копеек, и по милостивому указу в 725-м году, привесчи к присяге, освобожен». (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 135. Л. 73–73 об.).

А в роспросе в Преображенском приказе означенной Шулгин говорил: к помянутому де Алексею Артемьеву по прозвищу Топорков для взятых долговых своих денег дватцать алтын он, Шулгин, приходил и в платеж де помянутых долговых денег брал он, Шулгин, у него, Артемьева, большими медными и серебряными мелкими копейками по гривне и по алтыну за ходячие и незаведомо что воровские, и воровских де отливных медных болших осмидесят копеек у него, Топоркова, и ни у кого не покупывал, и меди никакой на полушечное дело заведомо ему, Топоркову, не продаывал. А присланные с ним, Шулгиным, и с вышеписанным Топорковым в Полицмейстерскую канцелярию четверугольные медные жеребейки, (л. 78) и ножницы, и молоток ево, Шулгина, которые де купил он на площади у прохожева человека для продажи из барыша бес поруки.

А на очной ставке в застенке и с указных розысков означенной Топорков драгуна Шулгина очистил, что вышеписанное все показал на него, Шулгина, напрасно, и за воровство свое определен в ссылку в Сибирь.

А по уложению 21 главы 50 пункта которого человека приведут с поличным, а поличное у него вынут с приставом и с понятым, а тот человек того поличного не очистит и отводу ему не даст, и оного приводного по поличному пытатъ и указ чинить до чего доведется. Того ради приказали по силе оного пункта вышеписанному Шулгину чинить указные розыски¹.

Алексей Зыбин, Георгий Николев, князь Роман Горчехов, Иван Телепнев, von Fr. Blüher, секретарь Михайло Волков.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 170. Л. 77–78.

ПЕРВЫЕ МОНЕТНЫЕ ДВОРЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В. А. Калинин (Санкт-Петербург)

В 1949 г. в издательстве Государственного Эрмитажа был опубликован небольшой очерк И. Г. Спасского «Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX века», посвященный истории появления в новой столице России монетного двора, в короткие сроки став-

¹ В дальнейшем, «с трех розысков и с огня» Шульгин вины не признал, поэтому 26 июня 1730 г. Берг-коллегия приказала его «свободить на поруки, для того что воровства ево в денежном деле, как выше показано, не явилось». (РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 173. Л. 76–76 об.).

шего ведущим предприятием страны в области монетного и медального производства¹. Вероятно, по причине своей молодости история Петербургского монетного двора привлекала внимание исследователей в значительно меньшей степени, нежели монетные дворы Москвы. Очерк И. Г. Спасского, выпущенный в связи с 225-летием предприятия, в определенной степени восполнил этот пробел. Следует особо отметить, что издан он был Государственным Эрмитажем. При подготовке работы автор использовал все доступные ему на тот момент источники — работы предшественников, а также немногочисленные архивные материалы. К сожалению, в тот период для И. Г. Спасского был недоступен основной массив документов Берг-коллегии, хранящийся в РГАДА. Автору удалось представить содержательный очерк истории Санкт-Петербургского монетного двора до его модернизации в начале XIX в. В последующие годы И. Г. Спасский неоднократно возвращался к этой теме, опубликовав в 1970-х — 1980-х гг. целую серию статей и став, по сути дела, официальным историографом старейшего промышленного предприятия нашего города². В дальнейшем эту работу продолжили коллеги из Петербурга и Москвы. В частности, в 1994 г. ученик И. Г. Спасского, архивариус СПМД, М. И. Смирнов опубликовал книгу «Со знаком «С. П. Б»...»³. В 2009 г. к 285-летию Санкт-Петербургского монетного двора был издан богато иллюстрированный юбилейный том, посвященный истории завода от основания до наших дней⁴.

Тем не менее, к настоящему времени остается еще немало белых пятен, связанных с историей Петербургского монетного двора, особенно с начальным этапом его возникновения. Так, долго не было ясности о его первоначальном местоположении и точной дате начала чеканки. Как полагал И. Г. Спасский, Петр I вынужден был временно устроить монетный двор в Трубецком бастионе Петропавловской крепости⁵. Однако позже ему удалось в РГАДА найти выписку из протоколов Берг-коллегии из которых следовало, что «манетное дело в Санкт-Петербурге апреля в 21 число сего 724 году немецким инс-

¹ Спасский И. Г. Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX века. Л., 1949.

² См. статью Е. В. Лепехиной в настоящем сборнике — *Прим. ред.*

³ Смирнов М. И. Со знаком «С. П. Б»...: Очерки истории Санкт-Петербургского монетного двора. 1724–1994. Тольятти, 1994.

⁴ Орлов С. В., Бакарев А. В. Монетный двор. История и современность. К 285-летию Санкт-Петербургского монетного двора Гознака. СПб., 2009.

⁵ Спасский И. Г. Петербургский монетный двор... С. 14–15.

трументом под смотрением минцмейстера Бера начато» в Берг-коллегии¹. До настоящего времени официальной датой открытия монетного двора в Петербурге считается 12 декабря. Основанием для этого послужило документально не подтвержденное предположение некоторых исследователей о начале чеканки в Трубецком бастионе крепости в декабре 1724 г.² Недавно на несоответствие этих дат обратил внимание М. М. Глейзер³. По его мнению, официальные торжества, связанные с 200-летием Ленинградского (Петербургского) монетного двора руководство Народного комиссариата финансов и дирекция монетного двора смогли организовать и провести только в декабре, а не в апреле юбилейного, 1924 г.

Как писал И. Г. Спасский, мечта о хорошо оснащенном монетном дворе зародилась у Петра I вскоре после переноса столицы в Петербург, где он планировал построить два монетных двора: основной в Петропавловской крепости — для чеканки золотой и серебряной монеты и вспомогательный в Шлиссельбургской крепости — для чеканки медной монеты⁴. В последующие годы эти планы неоднократно менялись, а монетный двор в Шлиссельбурге так и не был построен⁵.

Известные на сегодняшний день архивные документы довольно скупо освещают начальную историю возникновения собственно Петербургского монетного двора. Весной 1723 г. Правительствующий Сенат распорядился командировать ассессора Берг-коллегии Багарета в Германию, чтобы он договорился об изготовлении и поставке в Петербург оборудования для оснащения монетного двора. Годом ранее, в 1722 г., туда уже был послан ассессор этого ведомства Винцет Разер для найма специалистов горного и монетного дела. В Петербург приехали всего семь мастеров, заключивших контракты с Берг-коллегией — бергмейстер, плавильщик, пробирные мастера, механик и монетный кузнец. Среди них оказался минцмейстер Бер, назначенный вскоре руководителем (вардейном) монетного передела в Петербурге. Одновременно Берг-колле-

¹ Спасский И. Г. Первое трехлетие Петербургского монетного двора (1724–1727)// Нумизматика. [Вып.] 6. (Труды ГЭ. [Т.] 26). Л., 1986. С. 42.

² Орлов С. В., Бакарев А. В. Монетный двор... С. 23.

³ Глейзер М. М. Из истории юбилейной даты основания Санкт-Петербургского монетного двора//Девятнадцатая ВНК. Великий Новгород 18–22 апреля 2017 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2017. С. 182–183.

⁴ Спасский И. Г., Юхт А. И. Финансы. Денежное обращение//Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 141. (Раздел «Денежное обращение», с. 131–151).

⁵ Калинин В. А. О пробных пятикопеечниках 1723 г. //НС [ГЭ]. 2003. Памяти А. А. Быкова (1896–1977). СПб., 2003. С. 176–177.

гии предписывалось откомандировать на время или перевести на постоянное жительство в Петербург необходимых специалистов и мастеровых людей с московских монетных дворов¹.

В 1723 г. в Петербург было доставлено закупленное в Германии оборудование для монетного производства, однако разместить его, как выяснилось, было негде, поскольку подходящее место было найдено только в декабре 1724 г.², а активные работы по его устройству в Трубецком бастионе Петропавловской крепости продолжались еще в июле 1725 г.³ В результате доставленное из Нюрнберга оборудование Берг-коллегия установила в своих помещениях. Так в Петербурге возник временный монетный двор, получивший название Коллежского.

Что касается его первоначального расположения, по мнению И. Г. Спасского, временный Коллежский двор располагался в усадьбе на левом берегу Невы около церкви Воскресения⁴. Как позднее установил В. В. Уздеников, это было помещение временного двора, оборудованного не ранее 1736 г. в бывших палатах князя А. Н. Прозоровского⁵. По мнению М. И. Смирнова, монетный передел велся на подворье Берг-Мануфактур-Коллегии, разместившейся в бывшем доме царевича Алексея⁶.

В действительности временный Коллежский двор располагался в непосредственной близости от Литейного двора на Московской стороне⁷. Это засвидетельствовал французский путешественник Пьер Дешизо, побывавший в Петербурге в 1724 и 1726 г., по сообщению которого Монетный двор располагался за Летним дворцом, рядом с домом возглавлявшего Берг-коллегию генерала Я. В. Брюса⁸. Подтверждение этому имеется в документах, обнаруженных нами в СПбФ АРАН. Так,

¹ Калинин В. А. О начале монетной чеканки в Санкт-Петербурге (временный монетный двор в Берг-коллегии 1724–1727 гг.)//Материалы и исследования отдела нумизматики [ГЭ]. СПб., 2005. С. 133; *Он же*. Рубли 1723–1724 годов с точкой над бровью императора//Материалы и исследования отдела нумизматики (Труды ГЭ. [Т.] 31). СПб., 2006. С. 49.

² Протокол Берг-коллегии от 1 июля 1725 г.//СПбФ АРАН. Ф. 95. Оп. 5. Д. 49. Л. 83–84 об.

³ Там же. Л. 79–80 об.

⁴ Спасский И. Г. Первое трехлетие Петербургского монетного двора... С. 38.

⁵ Уздеников В. В. Временные монетные дворы Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века//Уздеников В. В. Монеты России XVIII — начала XX века. Очерки по нумизматике. Факты, предположения, рекомендации. 3-е изд., исправл. и доп. М., 2004. С. 207–211.

⁶ Смирнов М. И. Со знаком «С. П. Б»... С. 9.

⁷ Калинин В. А. О начале монетной чеканки в Санкт-Петербурге... С. 139.

⁸ Дешизо П. Путешествие в Петербург (1724–1726 гг.)//Русская культура первой четверти XVIII века. Дворец Меншикова/Предисл., пер. с фр., примеч. Ю. Н. Беспятых. СПб., 1992. С. 134–150.

в заслушанном в Берг-коллегии доношении артиллерии копииста Алексея Нилова рассказывается о найденном полтинном кружке на улице, «против полат, где делают монеты, между крылец которые на Монетный двор и в Артиллерию»¹.

Монетное производство в Петербурге начиналось с большими трудностями, поскольку в новой столице ощущался недостаток самого необходимого, включая жилье для размещения переведенных из Москвы монетных мастеров. Тем не менее, с 21 апреля по 28 июня 1724 г. на Коллежском монетном дворе было изготовлено 264 рублевика с аббревиатурой «СПБ». А всего за этот год было отчеканено по данным В. В. Узденикова 35 204 рублевика².

Привезенные из Нюрнберга монетные прессы оказались более пригодными к чеканке медалей, чем монет. Уже после установки оборудования выяснилось, что для организации бесперебойного монетного производства не хватает некоторых «потребных инструментов» — плацильных машин и монетных прессов, которые Берг-коллегия распорядилась в срочном порядке изготовить на монетных дворах Москвы и доставить в Петербург, но перевозившая их баржа затонула в Ладожском озере. По предположению И. Г. Спасского, чеканка рублевых монет перевезенными из Берг-коллегии прессами все еще на обжатых талерах началась в Трубецком бастионе в конце января 1725 г, когда во дворце на другом берегу Невы умирал Петр I³. Однако архивные документы опровергают его мнение. Насколько можно судить, чеканка монет на Коллежском дворе, а после смерти Петра и в крепости производилась по полному циклу (а не на обжатых талерах), включая плавку металла, прокатку полос при помощи ручных вальцов («плащится ручными плащил[ь]нами, а не лошада[ь]ми, что весьма медленно») и вырубку кружков. Постройка специальной конной машины для плацильни в Трубецком бастионе затянулась до следующего, 1725 г. Известно, что к ее созданию был привлечен токарный мастер Андрей Нартов, в помощь которому Берг-коллегия определила четырех слесарей и двух плотников⁴.

Вероятно, во второй половине 1725 г. работы по устройству помещений в Трубецком бастионе Петропавловской крепости были завершены,

¹ Калинин В. А. О начале монетной чеканки в Санкт-Петербурге... С. 139.

² Уздеников В. В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах. 1700–1917. М., 1995. С. 39.

³ Спасский И. Г., Юхт А. И. Финансы. Денежное обращение... С. 141.

⁴ Калинин В. А. О начале монетной чеканки в Санкт-Петербурге... С. 134.

и начался монтаж производственного оборудования. Надо полагать, только после этого в Трубецком бастионе начался монетный передел, хотя точную дату начала работы крепостного двора установить пока не удалось. Но в любом случае это произошло не ранее февраля 1726 г., о чем свидетельствует документ, в котором Левкин просит о подряде на чеканку монет и сообщает, что «ежели инструментов будет довольно, и в крепости двор совершитца, то обещает он в год переделывать по три тысячи пуд серебра»¹.

Насколько можно судить по дошедшим до нас документам, временный монетный двор в Берг-коллегии наравне с крепостным оставались действующими монетными дворами столицы вплоть до переезда императорского двора в Москву в 1728 г.²

Петербургские рублевики 1724–1725 гг. типологически и по своим размерам заметно отличаются от рублевиков, выпускавшихся в эти же годы в Москве. На столичных монетах император изображен в европейских латах со звездой ордена Святого Андрея Первозванного на кирасе, портрет зрелого Петра в целом соответствующий его действительному возрасту, резко контрастирует с молодежью обликом российского императора на золотых и серебряных монетах московской чеканки³. Монограмма оборотной стороны петербургских рублевиков, образованная из четырех букв «П» (Петр), получившая в среде коллекционеров жаргонное название «солнечников», на самом деле представляет собой стилизованное изображение косоугольного Андреевского креста, в центре которого находится крохотное изображение звезды ордена Святого Андрея Первозванного. На московских рублевиках эта же монограмма изображена в виде стилизованного прямого креста Святого Константина⁴.

В Петербурге, ставшем к этому времени основным морским портом России, к началу работы Коллежского монетного двора был накоплен солидный запас привозного серебра в монете (европейских талерах) и слитках. Медь, добавлявшаяся в серебряный расплав для прочности, доставлялась в Петербург с уральских и сибирских заводов. Иногда она оказывалась с примесью чугуна или железа, что требовало предва-

¹ Храменков А. В. Хроника чеканки рублевиков Екатерины I // НС ГИМ. Т. 17 (Труды ГИМ. Вып. 151). М., 2005. С. 246.

² По мнению В. В. Узденикова, Коллежский двор функционировал в 1724–1725 гг. Уздеников В. В. Временные монетные дворы Санкт-Петербурга... С. 210.

³ Калинин В. А. Рубли 1723–1724 годов с точкой над бровью императора... С. 53–55.

⁴ Он же. О начале монетной чеканки в Санкт-Петербурге... С. 135.

рительной очистки. Вероятно, именно по этой причине, большая часть петербургских рублевиков Петра имеет мелкие трещины или отслоения металла. В отличие от московских рублевиков и полтин, имеющих выпуклую надпись по гуртовой окружности, петербургские рублевики Петра и его преемницы императрицы Екатерины Алексеевны несут на гурте косую насечку, очень схожую с гуртовой насечкой талеров, чеканившихся в Нюрнберге в начале XVIII в. Среди петербургских рублевиков Екатерины встречаются монеты с выпуклым узором на гуртовой поверхности. На хорошо сохранившихся экземплярах отчетливо видно, что этот узор образован цепочкой двуглавых орлов¹. Разница в оформлении петербургских и московских рублевиков, помимо очевидных идеологических мотивов, видимо, имела и чисто практическую цель — возможность по внешнему виду легко распознать монеты, выпускавшиеся в новой и старой столицах Российской империи. Эта процедура облегчалась еще и несколько большим диаметром и меньшей толщиной монетных кружков, на которых чеканились петербургские рублевики.

Как считал И. Г. Спасский, после смерти Петра петербургские и московский монетные дворы некоторое время продолжали чеканку монет с его портретом. Однако перед вступившей на престол Екатериной I возникла сложная проблема поиска нового монетного типа с изображением правящей императрицы. Самые ранние рублевики Екатерины I, получившие в литературе название «траурных», лишены каких-либо атрибутов императорской власти. На лицевой стороне монет этого типа помещен развернутый влево портрет императрицы в платье с глубоким вырезом, высоко зачесанными волосами, украшенными жемчужными нитями. Видимо, появление такого обыденного портрета было связано с проблемой легитимности новой императрицы, утвердившейся на российском престоле благодаря усилию всемогущего Александра Даниловича Меншикова, а учитывая, что руководителем Берг-коллегии в то время еще остался шотландец Брюс, можно согласиться с предположением А. В. Храменкова о заимствовании типа портрета на «траурном» рубле с золотых и серебряных монет английской королевы Анны².

Однако, как свидетельствуют документы Берг-коллегии, в начале июня 1725 г. обер-прокурор Правительствующего Сената распорядился «чтоб рублевия новыя монеты, которые печатаются на имя госуда-

¹ Калинин В. А. О начале монетной чеканки в Санкт-Петербурге... С. 136–137.

² Храменков А. В. Хроника чеканки рублевиков Екатерины I... С. 242–244.

рыни императрицы переправить и вырезать на штемпелях, где ее величества персона на голове лавровый венец, да ленту, и звезду где надлежит <...> а между тем на зделанной штемпель ее величества государыни императрицы покамест против вышеписанного нарисуетя, монет печатать не велеть и те штемпели хранить минцмейстеру Левкину до указу»¹. Однако почему-то упомянутый тип рублевика не пошел в массовую чеканку, а пошел тип портрета с изображением малой императорской короны на голове Екатерины. По нашему мнению, подобная малая корона, впервые появившаяся на портретных монетах Екатерины I в 1725 г., впоследствии послужила прототипом для реальной малой императорской короны, изготовленной, как выяснила Ю. И. Быкова, одновременно с большой короной для коронации Анны Иоанновны в 1730 г.² Используемая «для иных церемоний» малая императорская корона существовала в комплексе императорских регалий на протяжении почти всего XVIII в., став обязательным элементом на монетных портретах российских правительниц.

ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РОССИЙСКОГО МОНЕТНОГО ПЕРЕДЕЛА XVIII ВЕКА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

В. Н. Мещеряков (Москва)

К настоящему времени одной из наименее изученных и разработанных тем российской нумизматики императорского периода, по нашему мнению, остается тема техники и технологии монетного производства. В большинстве работ отечественных нумизматов, ее затрагивающих, содержатся сведения общего характера, не рассматриваются особенности проведения той или иной технологической операции, ее влияния на облик монеты. При этом в ряде случаев имеют место ошибки технического, технологического и терминологического характера.

¹ Выписки из Протокола Берг-коллегии июня месяца 1725. № 112//СПбФ АРАН. Ф. 95. Оп. 5. Д. 49. Л. 77 об.-78.

² Быкова Ю. И. Коронационные регалии императрицы Анны Иоанновны. К вопросу об авторстве и обстоятельствах создания//Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 23. М., 2015. С. 125–131.

Процитируем В. О. Ключевского: «Первое и самое большое затруднение при изучении наших памятников — это терминология...»¹. Проецируя это утверждение на нумизматику, нетрудно убедиться, что в современной нумизматической литературе технологические термины прошлых столетий, окончательно выпавшие из лексики современного технического языка, неверно сопоставляются с современными. Достаточно ярким примером здесь может служить оперирование исследователями терминами «пожег», «обжиг» и «отжиг» с однозначным соотношением их с современным понятием из области термической обработки металлов «отжиг», что далеко не верно. Другой пример. В «Словаре нумизмата» Х. Фенглера статья «Трещина на заготовке» содержит утверждение, лишенное технологического и физического смысла: «Причина (трещины — В. М.) в повышенной твердости монетного металла, вызванной недостаточной закалкой...»². Неправоммерно, на наш взгляд, и привнесение в нумизматику императорского периода терминов, не встречающихся в отечественных исторических источниках. Так термин «цан» в значении слитка из монетного металла для дальнейшего передела отсутствует в документах по монетному делу России. Отсутствует этот термин и в толковых словарях русского языка. В то же время в документах XVIII — начала XIX в. слиток меди имеет вполне определенное название — «штык». Еще пример. Термин «зейгеровка» в отечественных источниках XVIII в. фигурирует лишь как способ разделения полиметаллического сплава на составляющие, но не как «отбраковка монет». Ряд аналогичных примеров может быть продолжен.

Корректное оперирование специальной терминологией при описании монетного производства XVIII–XIX вв. — лишь одна сторона вопроса. Существует и другая, не менее важная. Это необходимость однозначного понимания информации, содержащейся в источнике. Еще раз обратимся к В. О. Ключевскому: «Историческое изучение сопряжено со многими техническими познаниями, которые сами по себе не имеют связи с историческими фактами. Эти предметы технического познания необходимы во всяком научном изучении. Нужду легко почувствовать, как только мы возьмемся за полное изучение какого-либо исторического факта...»³. Подтверждение справедливости этого высказывания нетрудно найти в источниках XVIII в., относящихся к технологии монетного

¹ Ключевский В. О. История России. Специальные курсы. М., 2003. С. 8.

² Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1982. С. 281.

³ Ключевский В. О. История России. Специальные курсы... С. 7.

дела, как говорится, сплошь и рядом. Например, при работе с документами Сузунского монетного двора (ГААК), среди прочих, автором были сделаны и такие выписки: «Для очистки той черной в красную медь на одном колесе два шплейсофена, для неоднократной перечистки...» или «Меди ныне на лицо состоит: красной приготовленной к зейгерование и красной же шплейсофенной и черной, которую надлежит еще многократно очищать на гармахерских горнах...». Думается, что далеко не все нумизматы смогут «с листа» дать развернутую трактовку этим выдержкам из источника. Между тем, по нашему мнению, в таких фразах находится ключ к пониманию вопроса о различии во внешнем виде («геометрия» гурта, соотношение диаметров отпечатков аверса и реверса и др.) медной монеты екатеринбургской и сузунской чеканки.

Именно с позиций правильного понимания технических и технологических терминов в контексте источников, корректного сопоставления их (в возможных случаях) с современной терминологией и было сделано первое приближение в формировании краткого словаря терминов монетного дела Российской империи.

Основной массив терминов был выделен из документов, помещенных в археографическую часть «Корпуса русских монет»¹ великого князя Георгия Михайловича, трудов И. А. Шлаттера², А. А. Нартова³, Н. П. Фоллендорфа⁴, Вильгельма де Геннина⁵, а также ряда источников, ныне хранящихся в ГАСО и ГААК.

Частично Словарь публиковался в книге по истории Екатеринбургского монетного двора⁶, а также при издании рукописи А. А. Нартова⁷.

¹ *Георгий Михайлович, вел. кн.* [«Корпус русских монет», репринтное изд-е]. В 11-ти т. М., 2003.

² *Шлаттер И. А., Нартов А. А.* Историческое описание до монетного дела принадлежащее, писанное по 1761 г. действит[ельным] стат[ским] советником, Берг-коллегии и Монетного департамента президентом Иваном Шлаттером, а с того по 1778 г. продолженное и дополненное с показанием числа денег, колико оных в царствование каждого монарха из тиснения выходило, статским советником и означенных присутственных мест членом Андреем Нартовым//*Горный журнал*. СПб., 1832. Ч. 3. Кн. 8. С. 233–257. Кн. 9. С. 415–434; Ч. 4. Кн. 10. С. 137–144. Кн. 11. С. 510–540.

³ *Нартов А. А.* Описание монетного производства со изображением плавильных печей и действующих махин (по рукописи 1779 г.) [Издание подготовили А. А. Богданов и В. Н. Мещеряков]. М., 2014.

⁴ *Фоллендорф Н. П.* Современное состояние монетного дела в России и Западной Европе СПб., 1883.

⁵ *Геннин В. И., де.* Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937.

⁶ *Григорьев Э. А., Мещеряков В. Н., Черноухов А. В.* Екатеринбургский монетный двор. История. Каталог. Документы. Екатеринбург, 2010. С. 141–168.

⁷ *Нартов А. А.* Описание монетного производства... С. 36–40.

О структуре и особенностях готовящегося к изданию Словаря.

Статьи в Словаре расположены в алфавитном порядке. Если термин имеет несколько значений, то они перечислены в одной статье с выделением каждого значения цифрой со скобкой. Если одно из значений термина в настоящее время очевидно и широко применяется, то, как правило, трактовка этого значения в Словаре не приводится. Поскольку в одной небольшой по объему статье не представлялось возможным достаточно полно изложить все относящиеся к ее теме вопросы, а многие термины взаимосвязаны, в Словаре используется система ссылок на другие статьи.

Термины, являющиеся заимствованиями из других языков, в подавляющем большинстве случаев снабжены этимологическими справками, полученными на основании авторитетных академических изданий. Для некоторых архаичных терминов, прямо заимствованных из немецкого языка, автор взял на себя смелость самостоятельного составления справки.

Совершенно очевидно, что первое приближение к формированию перечня терминов российского монетного передела не может носить исчерпывающего характера ни в части полноты перечня терминов, ни в части их объяснения. Наверняка, после издания Словаря в нем будут выявлены пробелы и определенные недостатки. Автор внимательно отнесется ко всем замечаниям. В заключение автор считает необходимым выразить благодарность:

— заведующему отделом нумизматики Государственного исторического музея к. и. н. И. В. Ширякову, поддержавшему в свое время намерение автора начать работу по составлению настоящего Словаря;

— А. В. Храменкову, предоставившему автору ряд копий источников и редких изданий по монетному делу в России;

— к. и. н. А. А. Богданову, Э. А. Григорьеву, д. и. н. А. В. Черноухову — моим уважаемым соавторам;

— руководителю издательства «Артефакт» (г. Екатеринбург) Н. Н. Корытину за материалы по технологическому оснащению Екатеринбургского монетного двора из фондов ГАСО.

МАТОЧНИКИ И РАБОЧИЕ ШТЕМПЕЛИ СУЗУНСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА В СОБРАНИИ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

А. О. Пронин (Новосибирск), Ю. А. Абрамова (Барнаул)

В 2016 г. в рабочем поселке Сузун Новосибирской области специалистами Новосибирского государственного краеведческого музея на своем историческом месте был торжественно открыт сузунский промышленный комплекс. Он возрожден в качестве крупного музейно-туристического объекта, в составе которого в настоящее время находится четыре музея: «Медеплавильный завод» (в реконструированном здании сохранившейся толчеи), «Монетный двор», «Дом и контора управляющего Сузунским заводом» (в подлинном здании) и «Музей сибирской народной иконы» (в здании бывшей церковно-приходской школы).

Для посетителей музейного комплекса разработана интерактивная экскурсия, подробно освещающая цикл производства монеты, с показом полноразмерных действующих макетов станков, выполненных по архивным чертежам. На глазах посетителей из медной полосы толщиной 2 мм последовательно изготавливается музейная монета. В этой связи изучение технологии производства монет на Сузунском монетном дворе приобретает еще и важное прикладное значение. Его результаты планомерно используются для совершенствования музейной экспозиции комплекса.

Важным источником для изучения сузунского промышленного комплекса как части Алтайских заводов в настоящее время являются материалы фондов АГКМ, представленные действующими масштабными макетами XIX в., предметами технологической оснастки и горнозаводского оборудования, а также уникальными инструментами для чеканки монет.

Еще в 1902 г. Главное управление Алтайских заводов по предписанию № 13603 от 26 октября того же года передало в Барнаульский музей «собрание форм, штемпелей, маточников и колец», а также штемпелей сибирской монеты на сумму 55 рублей 57 копеек¹. Из них «форм гербовых» 4 ед., «форм словесных» 4 ед., маточников «гербовых» 4 ед. и «словесных» 4 ед., штемпелей «гербовых» и «словесных» по 4 ед., колец 4 ед. и штемпелей сибирской монеты 6 «п.», предположительно «пар»².

¹ ГААК. Ф. 66. Оп. 1. Д. 13. Л. 55 об.; Там же. Оп. 1 доп. Д. 1. Л. 22 об.

² Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 72 об.; Там же. Оп. 1 доп. Д. 1. Л. 41 об.

В настоящее время в АГКМ сохранилось два набора инструментов, применявшихся для изготовления медных монет на Сузунском монетном дворе (Табл. 1)¹. Первый из них — маточники и штемпели реверсов сибирских монет 1770-х гг.² Второй — инструменты для чеканки общегосударственных монет 1830-х гг.³

Все 6 маточников и 6 штемпелей для изготовления сибирской монеты представляют матрицы оборотной стороны монеты, т. е. реверса. В набор вошли инструменты для чеканки сибирских медных монет всех 6 номиналов от полушки до 10-копеечника, по одному маточнику и штемпелю для каждого номинала. Все инструменты — восьмиугольные в основании.

Второй набор инструментов Сузунского монетного двора относится к 1830-м гг. Именной указ «О перемене прежней системы медной монеты» от 1 июня 1832 г. провозгласил чеканку общегосударственной медной монеты всех номиналов по новой монетной стопе в 36 рублей из 1 пуда меди⁴.

Медные монеты образца 1830 г. существовали в четырех номиналах: 1, 2, 5 и 10 копеек. Всего в наборе 7 маточников и 6 штемпелей аверса и реверса монет всех четырех номиналов.

Изготовление монет нового образца началось за год до обнародования указа⁵: в 1830 г. Екатеринбургский и Сузунский монетные дворы получили отправленные из Петербурга штемпельный инструмент и образцы монет⁶.

Маточники и рабочие штемпели из фондов АГКМ являются уникальными образцами оборудования монетных дворов XVIII–XIX вв., имеющими весьма важное значение для истории отечественного денежного обращения и монетного дела, а также для истории России в целом. Инструменты для чеканки провинциальных монетных дворов ранее практически не вводились в научный оборот. Известно о наличии штемпелей Екатеринбургского монетного двора в собрании

¹ См. каталог маточников в настоящем сборнике — *Прим. ред.*

² АГКМ. ОФ 226/1–12.

³ Там же. ОФ 226/13–25.

⁴ ПСЗ-2. Т. 7. СПб., 1833. № 5406. С. 346.

⁵ 1830 г. датированы только образцовые экземпляры, отчеканенные в Санкт-Петербурге (со знаком «СПБ»), и немногочисленные монеты Екатеринбургского двора (со знаком «ЕМ»). Медные монеты нового образца с датой «1830» и со знаками Сузунского монетного двора неизвестны. Возможно, инструменты с этой датой, сохранившиеся в фондах АГКМ, представляют собой образцовые маточники, изготовленные в Санкт-Петербурге; возможно, что маточники и штемпели реверсов (со знаком «СМ») относятся к более позднему времени, но до 1839 г., когда сменился монетный тип.

⁶ Семенов В. Е. Монетное дело Российской империи. СПб., 2010. С. 130.

СОКМ. Это штемпель аверса $\frac{1}{4}$ копейки образца 1839 г. и штемпель реверса трехкопеечной монеты 1842 г. Там же сохранились штемпели аверса и реверса копейки образца 1867 г. (из-за сохранности их дату установить невозможно)¹. Кроме того, штемпели медных монет Екатеринбургского двора образца 1867 г. сохранились в музее Санкт-Петербургского горного университета.

Хотелось бы отметить несколько моментов в изучении инструментов из фондов АГКМ. Долгое время на них не обращали внимания исследователи. Работа по их изучению была начата одним из авторов настоящей статьи в 2000-х гг. Экспонаты практически заново были атрибутированы. В этой работе автору помогло сотрудничество со специалистами Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль», Политехнического музея г. Москвы, Государственного исторического музея, Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова.

Важным шагом в изучении историко-технической коллекции АГКМ стала работа по ранжированию наших экспонатов, предпринятая по инициативе Политехнического музея (г. Москва). В результате проведенной работы наборы инструментов для чеканки монет Сузунского монетного двора были признаны памятниками науки и техники федерального значения².

Целью настоящей статьи является подробное рассмотрение чеканов из собрания Алтайского государственного краеведческого музея, их описание и введение в научный оборот.

В каждом из двух указанных комплектов инструментов можно выделить два основных типа инструментов:

- «маточники» для изготовления рабочих штемпелей, где изображение вырезано в таком виде, какой необходимо получить на монете;
- рабочие штемпели, непосредственно применявшиеся для производства монет, с характерными следами износа и высоких ударных нагрузок.

Хорошо заметны значительные конструктивные различия инструментов для чеканки сибирских монет 1766–1781 гг. и для чеканки монет общеимперского образца 1830 г.

Так, и рабочие штемпели, и маточники для чеканки сибирских монет выполнены на массивных восьмигранных металлических (сталь-

¹ Оубл. в кн.: Медная монета Екатеринбурга: Производство и коллекционирование. Екатеринбург, 2007. С. 124, [143].

² Выявление и ранжирование памятников науки и техники: Метод. рекомендации. М., 2000. С. 3.

ных?) болванках, отличающихся значительной высотой (82–92 мм) и весом (Табл. 1).

В свою очередь, все инструменты для чеканки монеты общеимперского образца (и маточники, и штемпели) выполнены на круглых в сечении металлических болванках — цилиндрах, имеющих значительно меньшие размеры и вес. При этом каждая болванка плотно закреплена в восьмигранной обойме. Размеры штемпелей (болванок и обойм) соответствуют размерам монет, для чеканки которых они изготовлены.

Упомянутые различия отражают изменения в технологии производства монет или разницу в отдельных производственных операциях и применявшемся оборудовании.

На штемпелях в обеих группах имеются следы использования. Так, на штемпелях «сибирской» группы эти дефекты представлены в основном в виде сколов и трещин небольших размеров.

На инструменте для чеканки монет общеимперского образца можно выделить трещины и сколы на маточнике аверса 10-копеечника, трещины на маточнике реверса 5-копеечника.

Дефекты рабочих штемпелей более значительны. Вероятно, это связано с тем, что такие штемпели использовались намного интенсивнее, вплоть до полного износа или разрушения от ударных нагрузок.

Примечательно, что на рабочих штемпелях трещины имеют не только сами болванки, но и их массивные восьмигранные обоймы, например, рабочий штемпель аверса 5-копеечника. Значительные трещины имеет рабочий штемпель реверса монеты того же номинала. Кроме того, рабочие чеканы имеют и значительные сколы, выкрашивание рельефа, например у рабочих штемпелей аверса 2- и 5-копеечников.

Следы износа, выкрашивания, трещины и т.п. на рабочих поверхностях штемпелей переносились на монеты в виде таких дефектов, как лишние «точки», «прожилки», непрочекан отдельных мелких деталей. Монеты сузунского производства разных периодов с подобными дефектами встречаются часто. Наличие следов износа штемпелей на монетах дает пищу для размышлений об особенностях контроля и критериях качества выпускаемой продукции на провинциальных монетных дворах. Вероятно, дорогостоящие и сложные в производстве штемпели интенсивно использовались в производственном цикле вплоть до полной их непригодности к чеканке, а их постепенное механическое разрушение отражалось на монетах. В ряде случаев такие следы на монетах могут служить маркерами для установления примерного количества и разновидностей штемпельных пар, применявшихся

Таблица 1.

Инструменты для чеканки монет в фондах АГКМ

№ п/п	Тип инструмента, сторона, номинал, дата	Учетное обозначение	Вес, г
<i>Сибирские монеты. 1770-е гг.</i>			
1	Маточник. Реверс. 10 копеек 17 г.	АГКМ. ОФ 226/1	4600
2	Штемпель. Реверс. 10 копеек 1770 г.	АГКМ. ОФ 226/2	3800
3	Маточник. Реверс. 5 копеек 17 г.	АГКМ. ОФ 226/3	3900
4	Штемпель. Реверс. 5 копеек 1770 г.	АГКМ. ОФ 226/4	2540
5	Маточник. Реверс. 2 копейки 177 г.	АГКМ. ОФ 226/5	3200
6	Штемпель. Реверс. 2 копейки 1776 г.	АГКМ. ОФ 226/6	2200
7	Маточник. Реверс. Копейка 1777 г.	АГКМ. ОФ 226/7	2400
8	Штемпель. Реверс. Копейка 1776 г.	АГКМ. ОФ 226/8	2000
9	Маточник. Реверс. Денга 17 г.	АГКМ. ОФ 226/9	2600
10	Штемпель. Реверс. Денга 1776 г.	АГКМ. ОФ 226/10	2400
11	Маточник. Реверс. Полушка 177 г.	АГКМ. ОФ 226/11	2200
12	Штемпель. Реверс. Полушка 1776 г.	АГКМ. ОФ 226/12	1980
<i>Общегосударственные медные монеты 1830-х гг.</i>			
13	Маточник. Аверс. 10 копеек 1830 г.	АГКМ. ОФ 226/13	2100
14	Штемпель. Аверс. 10 копеек 1830 г.	АГКМ. ОФ 226/14	2300
15	Маточник. Реверс. 10 копеек СМ.	АГКМ. ОФ 226/15	2030
16	Маточник. Аверс. 5 копеек 1830 г.	АГКМ. ОФ 226/16	1400
17	Штемпель. Аверс. 5 копеек 1830 г.	АГКМ. ОФ 226/25	?
18	Маточник. Реверс. 5 копеек.	АГКМ. ОФ 226/17	1900
19	Штемпель. Реверс. 5 копеек.	АГКМ. ОФ 226/18	1800
20	Штемпель. Реверс. 5 копеек. Круглый в основании	АГКМ. ОФ 226/19	1000
21	Маточник. Аверс. 2 копейки 1830 г.	АГКМ. ОФ 226/20	1220
22	Штемпель. Аверс. 2 копейки 1830 г.	АГКМ. ОФ 226/21	1200
23	Маточник. Реверс. 2 копейки.	АГКМ. ОФ 226/22	1120
24	Штемпель. Аверс. 1 копейка 1830 г.	АГКМ. ОФ 226/23	1200
25	Маточник. Реверс. 1 копейка.	АГКМ. ОФ 226/24	1300

в конкретный год на производстве¹. Изучение дефектов штемпелей, отраженных на монетах, может быть основанием для дальнейших исследований технологии монетного дела Российской империи.

Детальные характеристики и особенности представленных штемпелей представлены в каталоге, опубликованном в настоящем сборнике.

ИСТОРИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОНЕТНОГО ДВОРА ПАНАХАБАД (1794–1822) ДО И ПОСЛЕ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А. В. Акопян (Москва)

Источниковедческое изучение сложного периода вхождения закавказских ханств в состав России лишь недавно стало привлекать систематическое внимание исследователей, однако сведения о монетарной политике Российской империи в регионе и о выпуске здесь в российское время монет все еще не включаются в обзорные исследования по русской нумизматике. Совершенно очевидно, что такое положение настоятельно требует пересмотра.

Распад персидского государства, последовавший за смертью Надир-шаха Афшарида в 1747 г., запустил центробежные процессы и в Закавказье. Одной из областей региона, обособившегося от Персии, было беглербекство Карабах-и-Гянджа, в котором правили наследные ханы из рода Каджар. Неурядицы в Персии, вызванные смертью Надир-шаха, привели к военному противостоянию Афшаридов и Каджаров, что вынудило тебризского 'Адил-шаха Афшарида искать альтернативу гянджинским Каджарам. На эту роль был выбран малознатный, но воинственный Панах-'Али, кочевавший со своими отрядами в Куро-Араксинской степи, которому в 1748 г. 'Адил-шах даровал титул «хана». Впрочем, надо отметить, что ни Панах-'Али, ни его потомкам не суждено было овладеть всей областью Карабах-и-Гянджа, а подвластная им часть этой области стала известна как Карабахское (а с 1751 г. — Шушинское) ханство.

¹ Старовойт С. И., Леонтьев В. К. Сибирская монета: история производства и обращения сибирской монеты, отчеканенной с 1766-го по 1781 г. на Сузунском монетном дворе из колыванской меди. Омск; М., 2017.

Вначале Панах-‘Али (1748–1763) действовал в равнинном Карабахе, лишь постепенно продвигаясь в горы, где располагались пять армянских меликств (Хамса). Ускорению этого процесса поспособствовало образование союза с меликом Шахназаром, предоставившем в 1751 г. Панах-‘Али место для устройства укрепления внутри крепости Шуша.

В XVIII в. самостоятельная монетная чеканка оставалась важнейшим признаком независимости правителя согласно мусульманскому праву. После прекращения шахской власти это право осуществлялось в Закавказье в виде анонимной монетной чеканки (*jus monetæ cudendæ* или *хахк аз-зарб*). Взаимоотношения шушинских ханов с меликом Шахназаром и права ханов на крепость в Шуше до сих пор не до конца ясны, однако немаловажным в их прояснении является указание на тот факт, что серебряные монеты хан смог начать чеканить лишь после смерти мелика Шахназара в 1792 г., когда был выбран удобный для шушинского Ибрагим Халил-хана (1763–1806) мелик в Варанде. Таким образом, начало монетной чеканки в Карабахе существенно отстоит от появления местных монетных типов в других ханствах — например, Гянджинское и Ширванское ханства производили собственную монету уже с начала 1750-х гг.

Для названия монетного двора Ибрагим-Халил вместо топонима выбрал *лакаб* (почетное название) *Панахабад* (перс. «город Панаха»). На то, что «Панахабад» именно эпитет такого рода, бытовавший в канцелярском употреблении, указывает полное молчание о нем источников (в т. ч. тюркоязычных), синхронных строительству крепости.

Итак, с 1794 г. в Панахабаде начинают чеканиться местные серебряные монеты с шиитской калимой на л. с. и выпускными данными на о. с. (тип *A*). Анализ их текстуального содержания, каллиграфии и паттерна оформления, без сомнений, указывает на их связь с традициями персидской нумизматики. Монеты этого типа выпускались двух весов, в 1,48 г и в 1,89 г. Выпуск монет обеих групп был синхронен в 1209–1212 гг. х. (1794–1798 гг.)¹, а после 1212 г. х. (1797/98 гг.), судя по имеющимся данным, чеканились только тяжелые монеты. Эти монеты стали называться особым образом — *панахабади*², поскольку их веса были оторваны от весов предыдущих персидских аббаси (в отличие от плавно эволюционировавших весов аббаси Гянджинс-

¹ Это подтверждает состав Аскеранского клада (хранится в отделе нумизматики Музея истории Армении, инв. № 20013/1–16 и № 20014/1–63).

² *Акопян А. В.* Серебряные монеты Карабахского ханства. Типология, метрология, названия // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2016. С. 335–336.

кого и Ширванского ханств) и не имели аналогов в современной персидской монетной системе.

Панахабади легких весов оказываются 1/8 иранской рупии весом в 11,52 г, а панахабади тяжелого веса в 1,89 г очень близок к весу гривенников Екатерины II 1764–1796 гг., содержавших 1,78 г чистого серебра (позже российский стандарт несколько вырос при Павле I, выпускавшем в 1798–1801 гг. десятикопеечные монеты с содержанием серебра в них 1,80 г). Особых названий для легких и тяжелых панахабади неизвестно, и только условно можно предложить для них названия *рупиевые панахабади* и *рублевые панахабади*, соответственно.

Следование первых монет Панахабада за персидским и русским стандартами неудивительно. Известно, что Ибрагим-Хаил с одной стороны активно выражал свою пророссийскую ориентацию и вел переговоры с российскими представителями (в 1783–1784 и в 1797–1799 гг.)¹, а с другой стороны, находясь в поле персидской культуры и экономики, старался обеспечить удобство приема и обращения своего панахабади в Персии. Такую двойственность подтверждают и данные о двух карабахских счетных единицах — «карабахском манате»², т. е. рубле, в 6 панахабади и «карабахском тумане» в 8 панахабади³. Выбор русского стандарта подтверждается и переходом с русской монеты названия ее шестикратной счетной единицы — *манат*, т. е. «монета [рубль]», который был равен шести рублевым панахабади. Выбор персидского стандарта подтверждается переносом смысла персидского термина *туман*, который в Карабахе стал равен восьми рупиевым панахабади⁴.

Весной 1797 г. в Карабахе вторгся Ага-Мухаммад-хан Каджар. Ибрагим-Халил бежал в Джаро-Белокан, а Ага-Мухаммад-хан расположился в Панахабаде, где был убит осенью 1797 г. Воцарившийся в Персии Фатх 'Али-шах Каджар потребовал покорности от Ибрагим-Халила, что отразилось в выпусках 1800–1801 гг. типа В, несущих на себе имя шаха. Они чеканились на основе нового весового стандарта (со сред-

¹ Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XVII вв. Л., 1949. С. 147, 182–184.

² Этимологически слово *manat* происходит от первой части надписи на русских рублях «монета рубль».

³ Mirza Yusif Qarabaği. Tarixi-Şərif//Qarabağnamələg. II kitab. Bakı, 2006. S. 23.

⁴ Карабахский туман из 8 панахабади был равен персидскому риалу, который в свою очередь составлял 1/2 персидского тумана (*Album S. A Checklist of Islamic Coins*. 3rd ed. Santa Rosa (CA), 2013. P. 292, note 722). Налицо перенос смысла слова «туман» в значении восьмикратного мультипликатора.

ним весом 4,13 г), что чуть легче русского полуполтинника, содержащего 4,48 г чистого серебра. Согласно сведениям современников, их название было *сахибкирани*, по прозвищу Фатх 'Али-шаха Каджара *сахибкиран*, т. е. «властитель счастливых созвездий» (благодаря гороскопу его дня рождения).

В 1805 г. Ибрахим-Халил, предупреждая стремление армянских меликов самостоятельно вступить в российское подданство, добровольно вошел в состав России. Как и другие закавказские государства, перешедшие к России без боя, Шушинское ханство сохранило право чеканки собственной монеты. Любопытно отметить, что с этого времени, уже в составе Российской империи, шушинским ханом выпускались *сахибкирани*, называвшиеся по прозвищу правителя другой страны.

Монеты следующего типа *С* 1805–1816 гг. несли на себе шиитскую калиму на л. с. и выпускные данные на о. с. В 1807 г. были выпущены монеты памятного типа *D*, знаменующего признание прав нового хана Махди Кули (1806–1822). На их л. с. изображена городская корона (такая же как на российских монетах Тифлиса и Шеки) с пальмовыми ветвями и годом, а на о. с. шиитская калима с названием монетного двора. Последний монетный тип *E*, чеканившийся в 1816–1822 гг., на л. с. имеет уникальный для персидской нумизматики дистих: «именем любви Владыки времени¹ почтен штемпель *сахибкирани*», на его о. с. — выпускные данные.

Упразднение чеканки в Шушинском ханстве русским правительством произошло 31 июля 1823 г. Взятый за год до этого монетный откуп был сохранен до истечения своего срока, после чего был прекращен². По данным 1823 г. доход за право чеканки распределялся между несколькими лицами: из общей суммы годового откупа в 47 165 панахабади около 85 % (40 000 панахабади) поступало хану, а остальные 15 % отходили шести разным лицам³.

Сохранились сведения, что в начале чеканка была отдана на откуп Мирзахану, армянскому мелику Хндзристана⁴. Схожее положение зафиксировано и в последний год работы монетного двора Панахабад, когда он был на откупе у армян Ага-Хасана, Оганеса и Симона⁵. Имен

¹ Т. е. Махди — последний преемник пророка Мухаммада, который явится перед концом света — *А. А.*

² Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. 6. Ч. 1. Тифлис, 1874. С. 855. № 1305.

³ Там же. С. 852, 855.

⁴ *Мирза-Адигезаль-бек*. Карабаг-наме. Баку, 1950. С. 58.

⁵ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. 6. Ч. 1. Тифлис, 1874. С. 855.

иных управляющих монетного двора Панахабад разыскать в источниках не удалось. Можно заключить, что в Шушинском ханстве, как и в Османской империи¹, в Персии² и, тем более, в соседнем Ереване, исключительно высокой была вовлеченность армян в процесс монетного производства.

В то время как монеты Шушинского ханства, выпущенные до присоединения к России, весьма редки, монетная продукция ханства «русского периода», выпущенная после 1805 г. (не считая памятного типа *D*) гораздо более массовая. Кавказский главноуправляющий Г. В. Розен объяснял министру финансов Е. Ф. Канкрину этот факт тем, что шушинский хан, как и другие, подвластные российской короне, ханы, «имевшие право чеканить монету, значительно истребляя наши серебряные рубли, превращал их в деньги низкого качества, наводнявшие край»³. Действительно, среди монет трех последних типов очень много плохо отчеканенных экземпляров.

¹ *Bölükbaşı Ö. F. Osmanlı Taşra Darphaneleri//Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi. Sayı 29. 2013. S. 27–76.*

² *Matthee R., Floor W., Clawson R. The monetary history of Iran. From Safavids to Qajars. London, New York, 2013. P. 14–15, 18.*

³ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. 8. Тифлис, 1881. С. 65.

Раздел II

ИСТОРИЯ ПРОИЗВОДСТВА
БАНКНОТ: ТЕХНОЛОГИИ
И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ОФОРМЛЕНИЕ

ОПЕРАЦИЯ «ПЕРЕМЕНИ АССИГНАЦИЙ» 1801–1803 ГОДОВ И ЗАМЫСЕЛ СОЗДАНИЯ «ВСЕГДАШНЕЙ ДЛЯ ДЕЛА АССИГНАЦИЙ ТИПОГРАФИИ»

В. А. Шишанов (Витебск)

Изготовление денежных знаков всегда было связано с особыми мерами контроля и охраны, а развитие денежного обращения требовало постоянного совершенствования технологических процессов.

Однако с самого начала, с 1768 г., организация производства бумажных денежных знаков в России имела особенности по сравнению с монетной чеканкой. На протяжении 50 лет изготовление бумаги для ассигнаций и их полиграфическое исполнение осуществлялось в разных местах. Специальная бумага «приготавливалась» на Красносельской бумажной мельнице, с 1785 г. — на Царкосельской, а печать осуществлялась в Сенатской типографии.

Если производство бумаги до использования паровых машин было привязано к рекам, то организовать типографию можно было в любом месте. Но долгое время обходились использованием имеющихся производств.

Рубеж XVIII–XIX вв. занимает особое место в эволюции денежной системы России, поскольку именно в это время особенно остро ощущалась потребность в очередной модернизации финансового хозяйства и финансовой администрации. Подготовка выпуска ассигнаций образца 1802–1803 гг. показала необходимость в усовершенствовании производства бумажных денег.

Причины и ход подготовки выпуска ассигнаций образца 1802–1803 гг. уже достаточно детально прослеживаются по выявленным архивным документам, что нашло отражение в работах исследователей¹.

Как известно, 12 июня 1800 г. генерал-прокурор Петр Хрисанфович Оболянинов обратился к главному директору Ассигнационного

¹ Печерин Я. И. Наши государственные ассигнации до замены их кредитными билетами // Вестник Европы. 1876. Т. 4. Кн. 8. С. 645–648; Шторх П. А. О государственном долге // Гражданин. 1873. № 38. С. 1027; Маршак М. Б. Редкая русская ассигнация // СГЭ. [Вып.] 52. Л., 1987. С. 49–51; Шишанов В. А. Русские ассигнации образца 1802–1803 гг. // Нумизматический альманах. 1997. № 3–4. С. 52–57; Шишанов В. А. Влияние особенностей производства на подготовку выпуска русских ассигнаций образца 1802–1803 гг. // Нумизматика на рубеже веков. НС ГИМ. Ч. 15. (Труды ГИМ. Вып. 125). М., 2001. С. 401–408.

банка Петру Семеновичу Свистунову с просьбой рассмотреть вопрос о «перемене настоящей формы ассигнаций», поскольку их подделка «есть непрерывное подражание одному образцу, который час от часу <...> открывает более легкости и способов к злоумышленному побуждению»¹.

Помимо этого, П. Х. Оболянинов считал, что это даст возможность определить точное количество находящихся в обращении бумажных денег, что позволит вычестить из внутреннего государственного долга число ассигнаций «разными случаями истребленных» и тем принесет казне «немаловажную прибыль»².

Ознакомившись с докладом об ожидаемых выгодах, Павел I 29 июня 1800 г. повелел приступить к проведению операции³.

Скорая гибель императора не привела к прекращению работ. Проведение выпуска ассигнаций нового образца перешло в ведение графа Алексея Ивановича Васильева, занимавшего должность государственного казначея, а с 8 сентября 1802 г. ставшего первым российским министром финансов. Безусловно, благодаря своему положению А. И. Васильев был осведомлен обо всех финансовых планах и тайнах, и первоначально его действия не выходили за рамки задуманной «перемены».

По докладу А. И. Васильева, на заседании 4 апреля 1801 г. Государственный Совет признал полезность «перемены ассигнаций»⁴ и 14 августа 1801 г. Александр I повелел «открыть ныне настоящим образом» операцию⁵.

3 декабря А. И. Васильев сообщил П. С. Свистунову о представлении ему «7 листов нового образца ассигнаций 5-ти руб[левого] достоинства», а также, что прием ассигнаций в банк «начаться может не прежде, как с начала будущего года» и, следовательно, датироваться ассигнации будут 1802 г.⁶

Вероятно, к этим ассигнациям относятся сохранившиеся в собрании АО «Гознак» экземпляры без последней цифры «2» в дате (*Цв. вкл. IV*). Среди них, есть также вариант со смещенным к левому нижнему углу знаком «№», чего нет у других пробных бон⁷.

¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 2494. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 9, 10 об.

⁴ Архив Государственного Совета. Т. 3. СПб., 1878. Ч. 2. Стб. 699–701.

⁵ РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 259 а. Л. 37.

⁶ Там же. Л. 45–45 об.

⁷ Автор благодарит сотрудника Выставочного комплекса АО «Гознак» А. А. Богданова за предоставленную информацию.

Первая партия новых ассигнаций 5-рублевого достоинства (6000 листов) была доставлена в Ассигнационный банк 5 апреля 1802 г. Затем партии поступали регулярно. Последнее поступление относится к 15 января 1804 г. В этот день общее количество отпечатанных листов ассигнаций всех номиналов составило 6751900 шт. на сумму 85985500 рублей¹. Полный комплект ассигнаций (5, 10, 25, 100 рублей) этого образца сохранился в собрании АО «Гознак».

Однако государственные нужды требовали все новых и новых эмиссий старых ассигнаций. Запасная сумма из 32 миллиона рублей ассигнациями, которая к 5 апреля 1802 г. с дополнительными выпусками могла составить 40 миллионов рублей, постоянно истощалась. Как указывает ведомость, с 27 ноября 1801 г. по 29 января 1802 г. по императорским указам в Ведомство государственного казначея, в военные департаменты и Кабинет ЕИВ было отпущено в общей сложности 10424190 рублей ассигнациями. Сожжено ветхих на 14000000 рублей. В залоге состояло монеты на 5198145 рублей. А осталось «способных» только 8422720 рублей². Этого количества было явно недостаточно, чтобы обменивать ветхие ассигнации до начала обмена на ассигнации нового образца.

Таким образом, даже при изготовлении этого количества бумажных денег обнаруживались технические сложности при производстве одновременно ассигнаций старого и нового образца.

Казалось, несмотря на все проблемы, власти были полны решимости довести начатое дело до конца. Однако, как следует из записей в «Журнале Комитета министров», А. И. Васильев в начале 1803 г. проявляет необыкновенную активность в вопросе о новых ассигнациях. 27 февраля принимается решение отложить рассмотрение вопроса по его записке до нового заседания³, а 19 мая — «с высочайшего утверждения», Комитетом положено «делание сих ассигнаций остановить»⁴. Наконец, в указе от 16 сентября на имя А. И. Васильева Александр I повелевает «до некоторого впредь удобнейшего времени остановить операцию, начатую по повелению нашему для перемены нынешних банковых ассигнаций» и соизволил, чтобы министр финансов «прекратя все по тому производство», представил

¹ РГИА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 2774. Л. 1, 269, 297.

² Там же. Л. 136–136 об.

³ Журнал Комитета министров. СПб., 1888. Т. 1. С. 38.

⁴ Там же. С. 42.

на утверждение свое мнение как поступить с уже отпечатанными ассигнациями нового образца, материалами, инструментами и определенными к этому «чинами и людьми»¹.

Меры, предпринятые «во исполнение» этого указа содержатся в докладе Васильева от 3 ноября 1803 г., который интересен описанием всех трудностей, с которыми пришлось столкнуться при изготовлении новых ассигнаций².

Типография, печатавшая ассигнации образца 1802–1803 гг., была помещена в здание Медико-хирургического корпуса, что стесняло студентов, а «весьма близкое соседство многих молодых людей при столь важном деле по многим отношениям есть тоже неудобно».

Еще сложнее приходилось мастерам, занимавшимся выпуском как старых, так и новых ассигнаций, и дополнительно выполнявшим работы в Сенатской типографии. Естественно, это «нередко сопряжено было с немалым затруднением и по тому и по другому месту». В связи с этим министр юстиции Г.Р. Державин, как сообщается в докладе, предлагал увеличить количество мастеровых с тем, чтобы люди оставались «уже безотлучно при определенных им должностях».

От себя Васильев высказал предложение о необходимости учреждения «особой всегдашней для дела ассигнаций типографии» и приобретения для нее «особо удобного дома».

Однако, вероятно, вопрос еще не был окончательно решен, и потребовалась еще одна записка министра финансов озаглавленная «Замечания на проект замены банковых ассигнаций новыми», которая, исходя из содержания, появилась не ранее января 1804 г. и копия которой сохранилась в ОР РНБ³.

Документ интересен, прежде всего, тем, что в нем министр финансов буквально на 180° меняет свои прежние взгляды.

Вначале Васильев останавливается на причинах, побудивших приступить к замене ассигнаций, и далее по пунктам развенчивает, ранее, казалось, незыблемые доводы.

Новые ассигнации, указывает в «Замечаниях», как по составу бумаги, так и по внешнему оформлению «далеки от того совершенства, дабы сделать их всегдашнюю преградою» от подделки, следовательно, и ожидаемая выгода будет временной: «Ожидать должно, что и вся операция произведет недоверчивость и подозрение. Всякой изыскивать бу-

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 2. Л. 334.

² Там же. Ф. 584. Оп. 1. Д. 259 а. Л. 438–439.

³ ОР РНБ. Ф. 484. Д. 15. Л. 1–4.

дет причины, побудившие к столь общей перемене, и, не ощущая никаких, даст полную волю своему воображению».

Министр финансов также отметил, что его ведомство будет стремиться к приведению обращающейся в России монеты в систему, и тогда прилично будет ввести «новые бумажные монетные знаки». До того как это произойдет, Васильев не находил ни какой «основательной причины к перемене ассигнаций».

В заключение министр подчеркнул, что полезнее будет пожертвовать уже «употребленными издержками», чем привести в исполнение операцию «совсем не нужную, а потому для правления и государства предосудительную».

На первый взгляд все приведенные А. И. Васильевым аргументы вполне убедительны. Но почему же с самого начала или при смене правителя на это не было обращено внимания, и работа по «перемене ассигнаций» продолжалась на протяжении почти четырех лет, несмотря на все расходы, производственные проблемы и очевидность недостаточной защищенности новых ассигнаций? Складывается впечатление, что министр финансов, предаваясь отвлеченным рассуждениям, стремился к прекращению работ, не называя истинных причин отказа от первоначальных планов.

В ряде своих записок и докладов А. И. Васильев сознательно или поддаваясь обстоятельствам оправдывал дальнейшее наращивание эмиссии ассигнаций¹.

Безусловно, при таких обстоятельствах, не имея соответствующей производственной базы, нельзя было осуществить выпуск ассигнаций нового образца. Одновременно наращивать выпуск ассигнаций двух видов было невозможно и нерационально, а перспектива одновременного продолжительного их обращения вызывала и опасения за курс бумажных денег, который в те годы был довольно высок.

«Операция перемены ассигнаций» выявила техническую отсталость российской полиграфии, но модернизацию производства удалось провести только после улучшения финансового положения страны путем создания в 1815–1818 гг. Экспедиции заготовления государственных бумаг — комплексной организации по выпуску денежных знаков и ценных бумаг.

¹ Шишанов В. А. Суждения А. И. Васильева об ассигнациях в России и его взгляды на них // Банкаўскі веснік. 2014. № 5 (610). Май. С. 69–71.

**ОБ ОДНОМ ОПЫТЕ ФРАНКО-РУССКОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА:
ЧЕРПАЛЬНАЯ МАШИНА СИСТЕМЫ А. ДЮПОНА (1878)
В ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГОТОВЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ БУМАГ¹**

А. П. Балаченкова (Санкт-Петербург)

Черпальные или черпально-листовые машины (*chain mould machines*), об одной из которых пойдет речь в докладе, относятся к особому классу бумагоделательных машин, имитирующих ручной отлив (*mould machines*). Первая подобная машина была сконструирована Б. Донкиным для братьев Фуадинье в 1806 г.² При простоте технологической идеи, воспроизводящей работу черпальщика, — на последовательно движущиеся листоотливные формы наливаются отмеренные порции бумажной массы, — ее техническое исполнение оказалось весьма сложным и трудоемким. Поэтому черпально-листовые машины на фоне стремительно развивавшейся техники для выпуска бесконечной бумаги несколько десятилетий считались «тупиковой ветвью» технической мысли. Тем не менее, на рубеже 1870–1880-х гг. они пережили второе рождение: в это время патентуется несколько черпально-листовых машин, из которых наиболее конкурентоспособными оказались машины систем А. Дюпона (*Albert Dupont, 1878*)³ и М. Зембрицкого (*Max Sembritzki, 1881*).

Обе эти машины вскоре после своего появления были установлены в ЭЗГБ, поскольку по ряду возможностей, как то: получать ясный локальный водяной знак, изготавливать бумагу, равномерную по толщине и весу квадратного метра и с одинаковой растяжимостью в обоих направлениях (благодаря системе тряски движущихся форм, имитирующей действия мастера-черпальщика), черпальные машины прекрасно подходили для производства именно банкнотной бумаги.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-01-00390-ОГН).

² *Clapperton R. H. The paper-making machine. Its invention, evolution and development. Oxford, 1967. P. 54–64; van Houtum J. Die Entwicklung der Rundsiebmaschine zur Herstellung echter Wasserzeichen//IPH Year-Book. Vol. 5. Hagen, 1984. P. 153–167; Voorn H. Maschinen zur bogenweise Herstellung von Papier//IPH Information. Bulletin of the International Association of Paper Historians. 1987. № 2. P. 42–54.*

³ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 576. Л. 8, 13.

В отличие от машин популярной системы Зембрицкого¹, работавших на многих европейских фабриках, машины Дюпона оставались в истории бумагоделательных агрегатов явлением, известным лишь номинально². Нам удалось обнаружить в фонде ЭЗГБ в ЦГИА СПб (Ф. 1458. Оп. 2) комплекс документов, в подробностях представляющих конструкцию машины, а также историю ее приобретения ЭЗГБ³. Они также позволяют ответить на вопросы о причинах малой известности этой машины, о ее влиянии на технологию производства отечественной эмиссионной бумаги и даже о роли факторов международной политики второй половины XIX в. в продвижении машины Дюпона в Россию.

Изобретателем машины считается инженер Банка Франции А. Дюпон, хотя обладателем патента был Ш. Дено (Charles Desnos)⁴. Первую машину этой системы установили на бумажной фабрике Банка в Бьерси (Papeterie de Biercy)⁵ ранней весной 1878 г.⁶ (Рис. 1, 2). В мае того же года управляющий ЭЗГБ Ф. Ф. Винберг, которого интересовал вопрос о возможности механизации ручного отлива банкнотной бумаги⁷, во время осмотра Всемирной выставки совершил поездку в Бьерси и познакомился с работой машины Дюпона (см. Приложение 1). Заручившись поддержкой министра финансов С. А. Грейга, осенью того же года он снова едет в Париж — для заключения окончательной договоренности

¹ См. напр.: Мельников Н. П. Краткий курс писчебумажного производства. СПб., 1906. С. 72–73, табл. 1, рис. 28–29; Михайловский В. И. Экспедиция заготовления государственных бумаг. Всемирная Парижская выставка. СПб., 1900. С. 39; Sembritzki M. Sembritzki's Maschine für geschöpftes Bogenpapier//Dingler Polytechnisches Journal. 1886. Band 259. S. 497–501; Sembritzki W. Zur Erinnerung an die Einführung der Zur Erinnerung an die Einführung der Schöpfpapiermaschine vor 50 Jahren//Wochenblatt für Papierfabrikation. 1931. Band 39. S. 922–923, и др.

² Некоторая информация о ней стала появляться лишь в относительно недавнее время. См.: Voorn H. Op. cit. P. 52; Вознесенский С. В. Первые сто лет Экспедиции заготовления государственных бумаг. СПб., 2009. С. 352; Молчанов И. А. Водяной знак: от ручного отлива до банкнотной бумаги//Водяной знак. 2012. № 3. С. 25; Государственный банк в 1913 г.: французский взгляд. М., 2015. С. 195, примечание 100 (в последней работе, к сожалению, составителем примечаний приведены искаженные сведения как об имени изобретателя, так и о принципах работы машины).

³ Главным образом, это дело № 576 («О командировании некоторых лиц за границу для ознакомления с черпальной машиной г. Дюпона...», 1878–1882 гг.).

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 576. Л. 177.

⁵ Бумажная фабрика Бьерси, основанная Банком в 1876 г., находилась между деревнями Сен-Сир-сюр-Морэн (Saint-Cyr-sur-Morin) и Ферте-су-Жуар (Ferté-sous-Jouarre) (департамент Сена и Марна). Другая фабрика Банка располагается в Вик-ле-Комт (Vic-le-Comte) (департамент Пюи-де-Дом). См.: L'usine de billets de la Banque de France. URL: <http://lencriredupoilu.free.fr> (дата обращения: 12.03.2018).

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 576. Л. 8, 9 об., 13.

⁷ Там же. Л. 8.

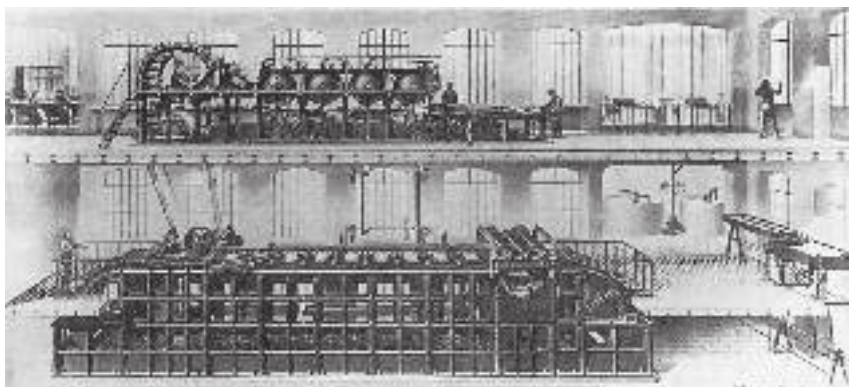

Рис. 1. Общий вид черпальной машины системы А. Дюпона. 1889 г. (СНРА. Коллекция Э. Лёбера (*Edo G. Loeber*). Впервые опубл.: *Voorn H. Maschinen zur bogenweise Herstellung von Papier* // IPH Information. Bulletin of the International Association of Paper Historians. 1987. № 2. P. 53)

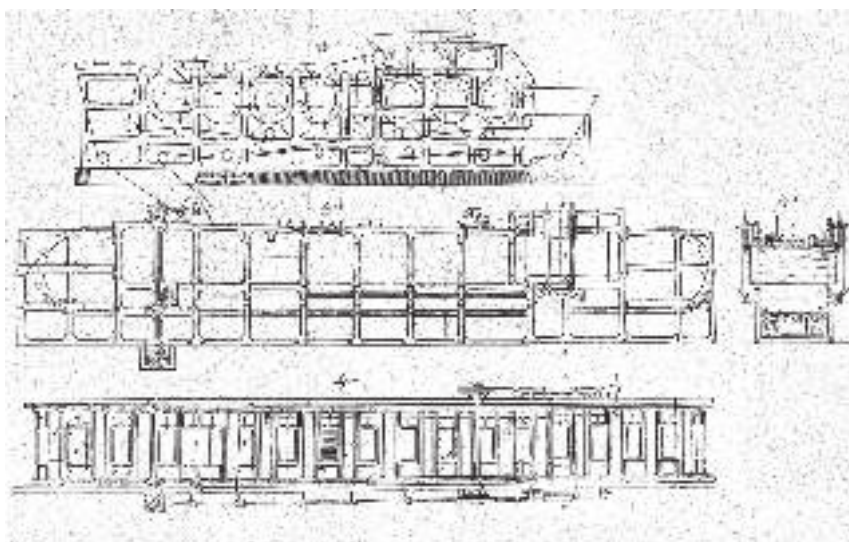

Рис. 2. Чертеж (план, разрезы) черпальной машины из спецификации патента Ш. Дено. [1879 г.]. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 576. Л. 91)

с управляющим Банком Франции Г. Руланом (Gustave Rouland) о передаче ЭЗГБ прав на машину¹. Однако смерть Рулана, а затем болезнь самого Винберга более чем на полгода приостановили продвижение дела². Оно возобновилось осенью 1879 г., и дальнейшие переговоры уже проходили беспрепятственно: новый управляющий Банком Э. Денорманди (Ernest Denormandie) и Совет Банка всячески подчеркивали дружелюбность намерений и старались избегать бюрократических проволочек. Право пользования машиной Дюпона передавалось русскому правительству на исключительно льготных условиях: 1) передача права на установку машины в России оценивалась в 30 000 франков; 2) ЭЗГБ принимала на себя обязательство информировать Банк обо всех конструктивных изменениях, могущих возникнуть в процессе использования машины; 3) руководителем работ по постройке и установке машины назначался А. Дюпон, который мог быть командирован в Петербург в любое время по запросу русской стороны³. Из сохранившейся переписки видно, что Дюпон проявлял крайнюю заинтересованность в покупке машины русским правительством. Возможно, именно поэтому машина, установленная в ЭЗГБ, не стала полным аналогом французской: после обследования условий работы Экспедиции Дюпон выразил желание модифицировать первоначальную конструкцию, адаптировав ее к нуждам ЭЗГБ⁴.

Фирма «Варраль, Эльвель и Мидлтон» (Varrall, Elwell et Middleton), где по указанию Банка был размещен заказ на машину, закончила изготовление отдельных частей и механизмов в начале 1881 г., а полностью черпальная машина, которая обошлась Экспедиции в 146 000 руб.⁵, была собрана и установлена к 1 июня 1882 г.⁶

Следует подчеркнуть, что в целях секретности по настойчивым просьбам представителей французской стороны никаких официальных контрактов не составлялось, и единственным документальным свидетельством договоренностей считалась сама переписка⁷. Именно требование Банка сохранить в тайне все, что касалось конструкции машины и передачи прав на нее, объясняет причину отсутствия публикаций, посвященных машине Дюпона.

Как вначале использовалась бумага, выпущенная на этой черпальной машине, пока установить не удалось. Известно, что кредитные билеты

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 576. Л. 110–112 об.

² Там же. Л. 112 об.

³ Там же. Л. 113.

⁴ Там же. Л. 246.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1153. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 576. Л. 448.

⁷ Там же. Л. 96.

достоинством 100 рублей образца 1898 г. уже печатались на бумаге, отлитой на машине Дюпона (по два билета на листе, вес стопы в 500 листов 7,8 фунтов)¹. Затем на ней изготовлялась бумага для банкнот следующего выпуска достоинством 100 и 500 рублей образца 1910 и 1912 гг.²

В конце 1914 г. было принято решение о постройке второй машины системы Дюпона, т. к. инфляция, порожденная мировой войной, вызвала потребность в увеличении объемов выпуска кредитных билетов высоких номиналов. Поскольку же поставки оборудования из Франции в военное время стали невозможны, машину возводили силами IV (Ремонтно-механического) отделения самой ЭЗГБ³. Новая машина была пущена в ход в июне 1916 г.⁴ На ней начали отливать бумагу только для 100-рублевых билетов, закрепив за старой машиной отлив бумаги для банкнот 500-рублевого номинала⁵.

Необходимо отметить, что появление в ЭЗГБ черпальных машин, в первую очередь машины Дюпона, оказало существенное влияние на технологию *ручного отлива* эмиссионной бумаги. В 1890 г. старший мастер I отделения Экспедиции, А. К. Мерц-фон-Мерценфельд, возглавлявший мастерскую ручного отлива и машин Дюпона и Зембрицкого, предложил валять отлитую ручным способом бумагу не на сукно, а на металлическую сетку, подобную той, что использовалась для этой операции в черпальной машине системы Дюпона⁶. Это нововведение было внедрено в практику Экспедиции, т. к. «водяной знак стал получаться более отчетливо, чем при прежнем способе валяния бумаги на сукнах, и сама бумага получалась чище и с меньшим количеством брака»⁷, а расход на сукно сократился втрое⁸.

В середине 1930-х гг., когда в композицию банкнотных бумаг начали вводить хлопковое волокно⁹, от черпальных машин, пригодных преимущественно для лубяных волокон¹⁰, Ленинградской бумажной фабрике Гознака пришлось отказаться. Машины системы Дюпона были демон-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 743. Л. 1 об.

² Там же. Д. 1153. Л. 3.

³ Кроме чугунных стоек и отливок для фундамента, заказанных Путиловскому заводу ([*Фаст А. Б.*] К вопросу о постройке Государственной бумажной фабрики особого назначения/Управление фабриками изготовления государственных знаков. М., 1920. С. 8).

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1153. Л. 3.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 1255. Оп. 2. Д. 12. Л. 8 и след.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1564. Л. 30, 30 об., 49; Д. 699. Л. 35, 57 и след.

⁷ Там же. Д. 1564. Л. 30 об., 49.

⁸ Там же. Д. 699. Л. 30.

⁹ История Ленинградской бумажной фабрики Гознака / Сост. М. А. Щербакова и Н. А. Зегжда. Л., 1988. С. 90.

¹⁰ В России, как известно, банкнотная бумага производилась из пеньки; Французский банк также использовал для этих целей лубяное волокно, а именно волокно рами (*Voehmeria nivea*), весьма распространенной технической культуры (*Voorn H.* Op. cit. P. 52).

тированы¹ — на полтора десятилетия позже, чем их французские аналоги в Бьерси². Так завершился этот опыт технического сотрудничества — один из длинного ряда эпизодов франко-русского взаимодействия в банковской сфере, которыми была «вымощена» дорога к Антанте.

Приложение 1

Донесение управляющего Экспедицией заготовления государственных бумаг Ф. Ф. Винберга министру финансов [С. А. Грейгу]. 25 сентября 1878 г.³

[Л. 8] Господину министру финансов.

В истекшем августе месяце я имел честь докладывать вашему высокопревосходительству о вновь изобретенной инженером Французского банка г. Дюпон машине, заменяющей с полным успехом ручное черпание бумаги для банковых билетов. Изобретение это составляет собственность Французского банка и содержится им в тайне. Ввиду громадной пользы, которую можно было ожидать для Экспедиции от такой машины, я постоянно следил за окончательным ее устройством, что и последовало весною нынешнего года. В бытность [Л. 8 об.] мою в Париже я осматривал ее в подробности и видел отлитую на ней бумагу для банковых билетов. Машина действует вполне успешно, отливая бумагу не только со всеми свойствами ручной выделки, но ровнее и с превосходными внутренними знаками. Заручившись от Совета Французского банка разрешением о допущении инженер-механика Экспедиции г. Бавери осмотреть подробно устройство машины для решения вопроса об удобоприменимости оной к работам Экспедиции, я входил с представлением к вашему высокопревосходительству о командировании г. Бавери для сей цели в Париж, на что ваше высокопревосходительство изволили [Л. 9] изъявить согласие. Ныне г. Бавери вернулся, и по совещании с ним, архитектором Экспедиции⁴, главным мастером бумагоделания⁵ и смот-

¹ Молчанов И. А. Водяной знак: от ручного отлива до банкнотной бумаги // Водяной знак. 2012. № 3. С. 25.

² L'usine de billets de la Banque de France. URL: <http://lencrierdupoilu.free.fr> (дата обращения 12.03.2018).

³ Текст публикуется в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (2-е изд., перераб. и доп. М., 1990).

⁴ Карл Яковлевич Маевский, архитектор Экспедиции в 1861–1898 гг. (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1555).

⁵ Фридрих Шнейдер, до 1890 г. главный мастер Бумагоделательного отделения ЭЗГБ (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 2091. Л. 41).

рителем Бумагоделательного отделения¹ мы пришли к тому выводу, что: 1) машина может быть с полным удобством поставлена в существующей одноэтажной пристройке² с поднятием стен и крыши, нисколько не затрудняя производства работ по бумагоделательному отделению; 2) что водворением машины упрочится более равномерность в бумаге, значительно уменьшится количество брака и вообще улучшится выделка бумаги; 3) что ввиду крайнего затруднения, встре- [Л. 9 об.] -чаемого Экспедицией в приискании и обучении черпальщиков и валяльщиков, и положительно вредного влияния этой трудной работы на здоровье людей, приобретение помянутой машины представляет настоятельную потребность для Экспедиции, и 4) что нет сомнения, что машина окупится в течение немногих лет.

По наведенным мною справкам, машина эта обошлась Французскому Банку до 180 000 фр[анков]. Совет Французского банка изъявил согласие на приобретение такой же машины Экспедицией заготовления государственных бумаг под условием, чтобы изобретателю было выдано вознаграждение, *устройство машины сохранено в тайне*, [Л. 10] и гарантировано нашим правительством исключительное право изобретателя на устройство подобных машин в пределах Российской империи для надобностей правительства.

Если вашему высокопревосходительству благоугодно будет решить сделать сношение с управляющим Французским банком относительно приобретения для Экспедиции на приведенных условиях черпальной машины, то считаю долгом почтительнейше доложить, что все расходы по сему случаю могут быть покрыты из хозяйственно-операционных сумм Экспедиции без особого на этот предмет ассигнования; стоимость машины [Л. 10 об.] на основании новых правил счетоводства будет разложена на 10–15³ лет и не может обременить Экспедицию, тем более что машина, без сомнения, окупится раньше этого срока.

ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 576. Л. 8–10 об. Отпуск.

¹ Павел Николаевич Лундышев, в 1878–1882 гг. смотритель Бумагоделательного отделения (ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1544. Л. 87 об.).

² Речь идет о пристройке к фабричному зданию, располагавшейся по набережной р. Фонтанки.

³ Исправлено, первоначально было «20–25 лет».

ПРОБЛЕМА УТИЛИЗАЦИИ КРЕДИТНЫХ БИЛЕТОВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М. В. Ходяков (Санкт-Петербург)

На основании высочайшего указа от 29 августа 1897 г. министром финансов 27 ноября того же года были утверждены «Правила по выпуску и изъятию Государственным банком кредитных билетов под обеспечение золотом». Исходя из состояния денежных касс, Госбанк производил изъятие из обращения «излишнего количества выпущенных кредитных билетов, с преданием их уничтожению»¹. Решение об этом принимал Совет Банка. После чего осуществлялся пересчет и проверка всех пачек кредитных билетов, подлежащих изъятию из обращения.

10 сентября 1902 г. были утверждены «Правила ревизии оборотов Государственного банка по эмиссионной операции чинами Государственного контроля»². Правила регламентировали поступление в Банк вновь изготовленных ЭЗГБ кредитных билетов, а также поступление из местных учреждений Банка годных и ветхих денежных знаков в Отдел кредитных билетов.

Для процедуры уничтожения использовалась специальная печь, располагавшаяся во дворе Банка. Сожжению подлежали не только ветхие кредитные билеты (которые после проверки и до момента уничтожения хранились в особых помещениях — шкафах, корзинах или мешках, будучи опечатанными печатью ревизующего и директора Отдела кредитных билетов), но и излишки вполне пригодных для обращения бумажных денежных знаков. Процедура сожжения завершалась составлением акта, который подписывали присутствующие в ходе процедуры должностные лица — члены Совета Госбанка, представители Государственного контроля и т. д.

Метод уничтожения бумажных денег, использовавшийся с 1873 по 1911 г. во Франции и предусматривавший превращение ветхих купюр в «бумажное тесто» посредством действия «щелока едкого натра», признали непригодным для России. Он был крайне медленным и длился до четырех суток, поскольку предварительно требовалось не только развязывать пачки кредитных билетов, но и разрывать каждый лист на более мелкие части³.

¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 43. Д. 490. Л. 1–1 об.

² Там же. Л. 2–6.

³ Там же. Д. 808. Л. 5, 7 об.

Российские банковские деятели признавали, что для России процедура сожжения кредитных билетов предпочтительнее. Для этого в 1894 г. во дворе Государственного банка со стороны Садовой улицы была построена печь, состоящая из восьми отдельных камер-очагов. В этой печи, рассчитанной на сожжение в течение четырех часов 4000 пачек банкнот, на протяжении года уничтожалось около 100 млн листов кредитных билетов на сумму до 1 млрд руб. Емкость печи составляла «около 17 кубических сажень», а вес уничтожаемого около 6,5 тыс. пудов. Кроме ветхих кредитных билетов в той же печи сжигались и некоторые другие, изъятые из обращения ценные бумаги. В отдельные годы Госбанк уничтожал таким образом до 18 000 пудов кредитных билетов и ценных бумаг¹.

Процедура сожжения сопровождалась сообщениями Банка, размещавшимися на страницах столичной прессы. Так, в ноябре 1903 г., перед очередным уничтожением партии кредитных билетов на сумму в 25 млн рублей, Госбанк направил в редакцию газеты «Правительственный вестник» подготовленную заметку, в которой до населения доводилась цель проводимой операции — изъять из обращения лишние деньги с целью оздоровления финансов². Усиленный спрос на кредитные билеты у населения диктовали хлебозаготовительные кампании, после окончания которых Госбанку приходилось изымать и уничтожать выпускавшиеся дополнительно денежные знаки. Только в 1905 г. Госбанк провел 14 сожжений на суммы от 40 до 82 млн рублей³.

В январе 1906 г. на заседании Совета Госбанка говорилось о существенном увеличении в обращении кредитных билетов по причине ряда «дополнительных выпусков». Члены Совета отмечали возможность появления новых выпусков и в дальнейшем и указывали на «крупные расходы для казны», которыми будто бы сопровождается сожжение кредитных билетов. Совет принял решение «войти в сношение с Государственным контролером», предлагая не сжигать кредитные билеты, а изымать их и передавать «в разменный капитал». Соответствующее письмо 19 января 1906 г. министр финансов И. П. Шипов направил государственному контролеру Д. А. Философову. В ответном письме глава Госконтроля сообщал о том, что сожжение кредитных билетов имеет важное психологическое значение, поскольку «широкие слои публики к нему давно уже привыкли». Отказ от этой практики мог, по мнению Д. А. Философова, вызвать «весьма нежелательные толки, в особенности в настоящее, тревожное

¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 43. Д. 808. Л. 18, 35.

² Там же. Д. 490. Л. 20; Правительственный вестник. 1903. 27 ноября.

³ РГИА. Ф. 587. Оп. 43. Д. 490. Л. 35.

для нашего кредита время». Напротив, сожжение денег, осуществленное 17 января 1906 г., по его словам, автоматически привело к «повышению на Московской бирже котируемых ценностей на 2%»¹.

Уничтожение денег в печи перед зданием Госбанка продолжилось и в последующие месяцы. По сведениям управляющего Государственным банком С. И. Тимашева, лишь за январь — апрель 1906 г. было изъято 100 млн рублей, выпущенных ранее. С началом хлебной кампании в августе — сентябре 1906 г. в обращение были дополнительно выпущены 90 млн руб., из которых 50 млн оказались изъяты и уничтожены в январе 1907 г.² В феврале — марте подверглись сожжению еще 50 млн рублей³.

Кроме того, ЭЗГБ также проводила варку печатного брака в котлах, превращая его в бумажную массу. Варка осуществлялась в течение восьми часов с добавлением соды, скипидара, керосина и других составляющих «в целях разрушения красок»⁴. В феврале 1914 г. в Экспедиции был осуществлен процесс показательной варки денег. Этой процедуре подверглись шесть тысяч листов кредитных билетов весом около 21 фунта: одна тысяча листов достоинством 100 рублей, две тысячи листов достоинством 25 рублей и по одной тысячи листов достоинством в 3, 5 и 10 рублей. Опыт обращения кредитных билетов в бумажную массу признали удачным. Комиссия констатировала «полное уничтожение всяких следов красок и печатей, т. е. всех отличительных признаков кредитных билетов»⁵.

Незамысловатый способ уничтожения кредитных билетов, практиковавшийся Госбанком, порождал разнообразные проблемы. Так, сожжение денег сопровождалось переполнением двора Банка и прилегающих к нему частей улиц едким дымом и пеплом, что вызывало неудовольствие, как населения города, так и торговцев Гостиного и Апраксина дворов. Специалисты Госбанка и сами вынуждены были признавать, что сожжение денег «является вообще негигиеничным и в центральной части С.-Петербурга едва ли уместно»⁶.

Официальные лица обоснованно предполагали, что «с наблюдающимся из года в год ростом бумажного обращения, количество посту-

¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 43. Д. 490. Л. 34 об.

² Записка управляющего Государственным банком С. И. Тимашева о денежном обращении в России в 1904–1907 гг. // С. И. Тимашев: жизнь и деятельность. Избранные сочинения / Сост. А. Л. Вычугжанин. Тюмень, 2006. С. 309.

³ РГИА. Ф. 587. Оп. 43. Д. 490. Л. 142–143.

⁴ Там же. Д. 808. Л. 20–21.

⁵ Там же. Л. 28 об.

⁶ Там же. Л. 18 об.

пающих ветхих билетов, следует думать, вызовет увеличение числа сожжений до 40 раз в год». О подобном положении дел было доложено министру финансов, который признал, что «означенные сожжения не должны быть совершаемы в центральной части С.-Петербурга»¹.

В настоящее время применяются иные методы уничтожения бумажных денежных знаков. Во многом это объясняется качеством современной бумаги, к которой предъявляются чрезвычайно высокие требования. Да и масштабы денежного обращения за минувшие 100 лет стали совершенно иными.

ПРОЕКТНЫЕ РИСУНКИ КРЕДИТНЫХ БИЛЕТОВ, ВЫПОЛНЕННЫЕ А. И. ШАРЛЕМАНОМ: ОСНОВНЫЕ СЮЖЕТЫ

Е. А. Чистикова (Санкт-Петербург)

Адольф Иосифович Шарлемань родился 8 декабря 1826 г. в Санкт-Петербурге в творческой семье. Его дед Жан-Батист Шарлемань-Бодэ был французским скульптором, который переселился в Россию во время правления Екатерины II. Ж.-Б. Шарлемань-Бодэ занимался отделкой интерьеров в Царском Селе. Оба его сына, Иосиф и Людовик, также посвятили себя архитектуре. Под руководством зодчих Карла Росси и Иосифа Шарлеманя в Петербурге было построено здание Министерства внутренних дел. Младший сын Ж.-Б. Шарлеманя-Бодэ, Людовик, стал автором «Чайного домика» в Летнем саду и решетки Летнего сада с южной стороны. Как мы видим, представители семьи Шарлеманей принимали активное участие в формировании облика Петербурга, и сегодня их династия «занимает в истории русского искусства место, сравнимое с местом в ней династий Бенуа, Клодтов и Брюлловых»².

Сын Иосифа Шарлеманя, Адольф, известен прежде всего как автор рисунков игральных карт. Благодаря ему в 1860-е гг. изменилось художественное оформление игровой колоды. Фигуры на картах Шарлеманя величественны и благородны. По словам исследователя А. С. Перельмана,

¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 43. Д. 808. Л. 19–19 об.

² Зодчие Санкт-Петербурга: XIX — начало XX века. СПб., 1998. С. 211.

«прежде всего, отличаются они большей конкретностью и живостью образов. Это не статичные, плоские фигуры-схемы, а очень динамичные, не без эффектности решенные композиции»¹.

Художественное образование А. И. Шарлемань получил в Императорской Академии художеств, где изучал батальную живопись под руководством профессора В. П. Виллевалде. Во время пребывания в Академии Шарлемань был удостоен нескольких наград, в том числе и самых почетных. В 1854 г. за картину «Эпизод из венгерской кампании 1848 г.» он получил малую золотую медаль, а на следующий год — большую золотую медаль за картину «Суворов на Сен-Готарде».

В 1856 г. Шарлемань как один из лучших учеников отправился на шесть лет во Францию и Германию. Вернувшись в Россию, он продолжил создавать картины, а также занялся росписями для католических храмов и плафонов в особняках. В сентябре 1868 г. за картину «Екатерина II в мастерской Фальконета» он был удостоен звания профессора.

Иллюстрирование книг, журналов и альбомов — еще одна страница в творческой биографии художника. Шарлемань создавал рисунки для изданий произведений И. И. Дмитриева, А. Е. Измайлова, И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина и др. Он участвовал в оформлении «Русского художественного листка» В. Ф. Тимма, рисовал эскизы военных мундиров и театральных костюмов, меню для императорских обедов. В 1873 г. он получил титул «художника его императорского величества». В начале 1880-х гг. художник участвовал в подготовке костюмов для исторического бала у великого князя Владимира Александровича. Адольф Шарлемань стал автором последнего герба Российской империи, принятого в 1883 г.

1 октября 1870 г. Шарлемань, к тому моменту уже знаменитый художник, поступил на службу в Экспедицию заготовления государственных бумаг² и трудился здесь более тридцати лет до смерти, последовавшей 13 января 1901 г.³

А. И. Шарлемань — автор множества проектов кредитных билетов. Эскизы, сохранившиеся в собрании Гознака, можно разделить на шесть условных групп⁴.

¹ Перельман А. С. Новые фигуры академика Шарлеманя. СПб., 1995. С. 17.

² Об определении в Экспедицию профессора Императорской Академии художеств Адольфа Шарлеманя // ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1823. Л. 63 об.

³ Там же. Л. 67–68 об.

⁴ Все описанные ниже проекты кредитных билетов хранятся в Фонде хранения АО «Гознак» (П. 1 г-1761–1763, 1765–1767, 1769).

В *I группу* — одну из самых интересных — входят два проекта кредитных билетов с изображением Е. Ф. Канкрин (министра финансов в 1823–1844 гг.), относящиеся к 1890 г. На проекте банкноты достоинством 10 рублей (*Цв. вкл. V, 1*) — два симметричных портрета Канкрин, обращенных друг к другу. Они вырезаны и наклеены на эскиз. Удалось установить, что портреты представляют собой фрагменты изображения медали, выпущенной в 1874 г. к столетию министра. На втором эскизе — тоже его портрет. Это условное изображение «медали» в его честь, аналогов которой в металле нет. Подобный прием — изображение «медали» на эскизах банкнот — один из излюбленных приемов Шарлеманя.

Примечательно, что проектов банкнот с изображениями других некоронированных государственных деятелей в то время не разрабатывалось. Возможно, идея поместить изображение Канкрин была связана с отмечавшимся в 1890 г. 45-летием со дня его смерти.

В конце 1870-х — начале 1890-х гг. А. И. Шарлемань разработал ряд проектов банкнот с портретами правителей России. Эти эскизы мы условно отнесем ко *II группе*. На них — князь Рюрик с братьями Синеусом и Трувором (*Цв. вкл. V, 2*); цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович; императоры Петр I, Павел I, Александр I, Николай I (*Цв. вкл. VI, 3*), Александр III, а также императрица Мария Федоровна (супруга Павла I).

На проекте пятирублевой купюры с легендарными варягами также помещено профильное изображение женщины, по-видимому, Екатерины II. Интересно, что на нескольких проектах этой группы изображена л. с. медали Ф. П. Толстого с портретом Александра I и надписью «Родомысл девятого на десять века».

III группу эскизов А. И. Шарлеманя объединяет их центральный сюжет — изображение женщины, символизирующей Россию. Они выполнены в 1880-е гг. при разработке банкнот образца 1887 г. и в первой половине 1890-х гг., когда проектировались банкноты образца 1892–1895 гг.¹ Женщины на этих рисунках облачены в костюмы двух типов: стилизованный сарафан и одежда царицы XVII в. Стоит отметить, что эти образы схожи с аналогичными аллегориями на памятных медалях того времени². Но в медальерном искусстве прослеживалась определенная тенденция.

¹ Кроме того, в фонде сохранился рисунок с изображением женщины, символизирующей Россию, датированный 1863 г. и подписанный А. И. Шарлеманем. Это позволяет предположить, что художник сотрудничал с ЭЗГБ еще с 1860-х гг.

² Волкова У. М. Образ государства Российского в медальерном искусстве XIX — начала XX века // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017, № 3. С. 493–506.

Как отмечает исследовательница У. М. Волкова, «если на ранних медалях персонификации изображались согласно современной моде, то, начиная с медали А. А. Грилихеса 1881 г., одеяния России стали этнографически верными. Такие изменения могут объясняться тем, что медальеры опирались на подобные публикации и другие научные труды при создании своих произведений»¹. Кредитные билеты с изображением на л. с. женщины — «России», облаченной в костюм царицы XVII в., были выпущены в обращение в 1892–1895 гг.

Курьезным выглядит проект 1000-рублевой банкноты 1887 г. В чертах лица женщины — «России», изображенной на нем, можно при желании разглядеть черты лица французского императора Наполеона I.

На проектах кредитных билетов, исполненных А. И. Шарлеманем, встречается не только образ России, но и аллегорические фигуры воинов. Эти немногочисленные эскизы отнесены нами к *IV группе*. В нее, помимо прочего, входит проект двадцати пяти рублей 1890 г. с изображением воина, опирающегося на камень (*Цв. вкл. VI, 4*). На камне, увенчанном шапкой Мономаха, помещен вензель императора Александра III. На другом проекте кредитного билета достоинством десять рублей того же года воин с мечом стоит около небольшой колонны, на вершине которой — также шапка Мономаха. Воин на этих проектах символизирует мужество, шапка Мономаха — самодержавную власть.

В 1881 г. А. И. Шарлемань разработал несколько проектов кредитных билетов с мифологическими божествами, отнесенных нами к *V группе*. Речь идет об эскизах кредитных билетов с изображениями Меркурия — бога торговли и Фортуны — богини удачи (*Цв. вкл. VI, 5*). Если они были бы осуществлены, то впервые на российских банкнотах могли бы появиться персонажи из античной мифологии.

Таким образом, можно говорить о большом разнообразии сюжетов на эскизах банкнот, выполненных А. И. Шарлеманем в разные годы. Эволюция этих сюжетов с одной стороны отражает развитие господствующих стилистических тенденций в русском искусстве второй половине XIX в., с другой — желание художника сделать банкноты максимально выразительными и удобными для обращения. Бесспорно, что творчество Шарлеманя оказало большое влияние на российский банкнотный дизайн того времени.

Значительная часть жизни художника была связана с ЭЗГБ. Его служба в этом учреждении была плодотворной. Он стал одним из авторов

¹ Волкова У. М. Образ государства Российского... С. 499.

кредитных билетов образца 1887 г., исполненных в «русском стиле», а также разрабатывал банкноты с образом России. Он создал множество проектов банкнот разнообразного оформления. Каждая деталь в его рисунках была тщательно продумана, что свидетельствует о профессионализме художника и его увлеченности. Творческий путь художника был долгим. Сегодня его картины украшают различные музеи, а проекты и утвержденные образцы кредитных билетов бережно сохраняются в собрании Гознака.

БРАТЬЯ «КАТЕНЬКИ» И «ПЕТЕНЬКИ»: ПРОЕКТЫ «ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕРИИ» КРЕДИТНЫХ БИЛЕТОВ, ВЫПОЛНЕННЫЕ РУДОЛЬФОМ РЕССЛЕРОМ

А. А. Богданов (Санкт-Петербург)

В собрании АО «Гознак» среди множества проектных рисунков российских бумажных денег конца XIX — начала XX в. находится группа эскизов с портретами российских императоров работы Рудольфа Рёсслера, составляющая единую серию. Эти эскизы привлекают внимание тщательной продуманностью и насыщенностью декоративными элементами. Если присмотреться к ним внимательнее, можно заключить, что на их основе были разработаны самые известные банкноты дореволюционной России — 100- и 500-рублевые билеты образца 1910 и 1912 гг.

Прежде чем рассмотреть эскизы более подробно, необходимо дать общую характеристику «банкнотного ландшафта» России рубежа XIX–XX вв.

В 1892 г. порядок, при котором билеты разных номиналов составляли по оформлению единую серию, был нарушен. В этом году выпустили новый 25-рублевый билет, а вскоре — 10 и 5-рублевые¹. Банкноты остальных достоинств остались без изменения. После денежной реформы

¹ По-видимому, причиной этого послужило появление большого количества поддельных билетов предыдущего (1887 г.) образца. Не случайно первым среди новых банкнот был выпущен 25-рублевый билет, т. к. из-за появления подделок «четвертную» предыдущего образца пришлось изымать из оборота уже в 1889 г. В том же году в Экспедиции заготовления государственных бумаг было создано Испытательное отделение, которое и занялось проектированием новых банкнот. См. *Балаченкова А. П.* К истории Испытательного (Секретного) отделения Экспедиции заготовления государственных бумаг (1889–1901) // Фотография. Изображение. Документ: [Сб. статей]. Вып. 5. СПб., 2014. С. 8–11.

С. Ю. Витте были выпущены банкноты образца 1898–1899 гг. Их оформление было разным в зависимости от номинала и у большей части банкнот копировало более ранние образцы. По особенностям оформления банкноты образца 1898–1899 гг. можно разделить на три группы.

Банкноты мелких номиналов — 1 и 3 рубля — восходят к билетам образца 1887 г. в «русском стиле», выполненным по эскизам А. И. Шарлеманя и Н. В. Набокова. В 1898 г. на них был лишь изменен текст и год, остальное осталось прежним.

Бумажные деньги средних номиналов — 5, 10, 25 рублей — не отличаются по оформлению от банкнот, выпущенных в первой половине 1890-х гг. взамен билетов образца 1887 г. Тогда при их изготовлении впервые использовалась орловская печать, а на 25 рублях — локальный водяной знак. Композиционным центром банкнот стало изображение женщины, символизирующей Россию. В 1898–1899 гг. они также стали выпускаться с измененными текстами, но с прежним оформлением.

Банкноты высших номиналов — 50, 100 и 500 рублей — были разработаны заново. Их л. с. выполнена металлографской печатью и украшена портретами (Николая I, Екатерины II и Петра I)¹. В остальном оформление л. с. весьма лаконично и напоминает ценную бумагу или документ, резко контрастируя с разноцветной орловской печатью о. с. На 100 и 500 рублях помещен также купон с локальным водяным знаком. Это единственные банкноты образца 1898–1899 гг., у которых нет цветовой «привязки» к номиналу.

Восемь выпущенных билетов разных достоинств — лишь верхушка айсберга. За кулисами находилась постоянная напряженная работа Граверного и Испытательного отделений ЭЗГБ. Судя по количеству проектных рисунков и пробных оттисков банкнот, сохранившихся в собрании Гознака, с 1890-х гг. она велась гораздо интенсивнее, чем раньше. Среди этого массива изобразительного материала и находятся эскизы серии кредитных билетов с портретами (назовем ее условно «императорской») работы Р. И. Рёсслера, совершенно не похожие на выпущенные банкноты тех лет.

Эскизы были выполнены карандашом и акварельными красками. На некоторых — портреты императоров вклеены. Рисунки, кроме о. с. 10-рублевого билета, наклеены на плотный темный картон разме-

¹ Здесь уместно отметить, что в 1920-х гг. появятся эскизы новых советских червонцев, которые почти целиком копируют 100-и 500-рублевые билеты образца 1898 г. (только вместо портретов царей на них — крестьяне). Можно сделать вывод, что червонцам сознательно придавали такое оформление, резко отличное от цветастых «совзнаков».

ром 24,5 × 17 см — обычные паспарту для эскизов, использовавшиеся в ЭЗГБ в те годы.

Сохранились рисунки л. с. и о. с. билетов достоинством 1, 3, 5, 10, 25 и 100 рублей (*Цв. вкл. VII–XII*)¹. Эскиз 50 рублей пока найти не удалось, но о нем можно судить по сохранившимся неоконченным оттискам гравировальных досок и фотографиям отдельных элементов рисунка (*Рис. 1*). На проекте 10-рублевого билета обозначен 1895 год, на остальных — 1894. На эскизах о. с. — портреты императоров: Александра I (3 рубля), Павла I (5 рублей), Петра I (10 рублей)², Александра II (25 рублей), Николая I (50 рублей) и Петра I (100 рублей). На о. с. банкноты достоинством 1 рубль — гербовый орел.

Автор эскизов — австриец Рудольф Рёсслер (Rudolf Rößler, в России — Рудольф Иванович Рёсслер). Об этом говорят атрибутивные записи на оборотах листов³, а также несколько сохранившихся набросков к ним, подписанных художником. Сведений о нем не так много. Известно, что он родился 11 сентября 1861 г. Окончил реальное училище в Вене. До приезда в Россию работал «механиком в частных заведениях Вены»⁴, и был принят в ЭЗГБ 21 января 1895 г.⁵

Сохранились документы, связанные с приглашением Р. И. Рёсслера на службу в Россию. В 1890 г. в ЭЗГБ был принят австрийский подданный Г. И. Франк, вскоре занявший должность заведующего художественными работами Испытательного отделения — одну из ключевых должностей на предприятии. В 1892 и 1894 гг. он дважды выезжал за границу в ко-

¹ Эскизы Р. И. Рёсслера и материалы к ним хранятся в Фонде хранения АО «Гознак». Шифры: П. 1 г-1761, П. 1 г-1762, П. 1 г-1763, П. 1 г-1764, П. 1 г-1766, П. 1 г-1767, П. 1 г-1768, П. 1 г-1769. Эскиз о. с. 100-рублевого был впервые опубликован Н. Р. Курятниковой (*Курятникова Н. Р. Бумажный рубль в истории России // Банкаўскі веснік. 2006. № 4*). Там же воспроизведен промежуточный оттиск о. с. 25-рублевого билета, ошибочно отнесенный ко времени разработки 25-рублевого билета образца 1892 г.

² Возможно, портрет Петра I был вклеен поверх портрета Екатерины II на эскизе 10 или 100-рублевки. В пользу этого предположения говорит то, что ни на одном из первоначальных эскизов нет изображения императрицы (зато эскизов с портретом Петра I — два). Кроме того, на этих двух эскизах портреты наклеены поверх рисунка. Проверить это предположение без повреждения эскиза невозможно.

³ На эскизе оборота 10-рублевого билета есть подпись «Рис. Бернт», однако стилистически она схожа с остальными. Возможно, Бернт помогал Рёсслеру или скопировал его рисунок. Нигде больше этот художник не упоминается, и сведений о нем пока найти не удалось.

⁴ [Коллективная анкета сотрудников-иностранцев III отделения ЭЗГБ для представления к званию личного почетного гражданина. 1900 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 825. Л. 51. Выражаю благодарность А. П. Балаченковой за консультирование и помощь в поиске архивных документов.

⁵ Представление об увольнении от работ [Р. И. Рёсслера]. 1919 г. // Архив СПбФ Гознака. Д. 147. Л. 1.

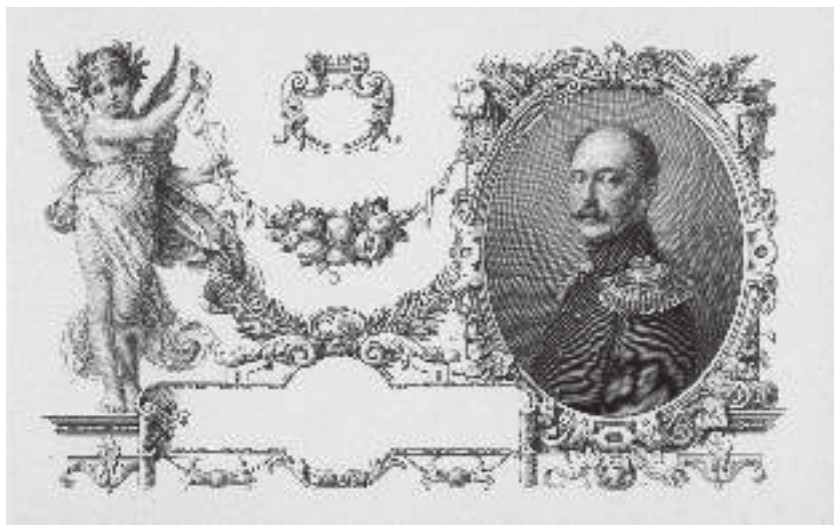

Рис. 1. Пробный оттиск неоконченной доски о. с. 50-рублевого билета по эскизу Р. И. Рёсслера. 1900 г. (АО «Гознак»)

мандировки, целью которых, среди прочего, было изучение производства защищенных документов и поиск новых квалифицированных сотрудников для ЭЗГБ. Сохранился отчет Франка о второй поездке, в ходе которой он выполнял поручение «приискать граверов, способных удовлетворить, по своему искусству, всем требованиям по изготовлению ценных бумаг, недостаток которых Экспедиция в настоящее время ощущает настоятельно»¹. Эта командировка в Великобританию, Австрию и Германию длилась 6 недель в ноябре — декабре 1894 г (разрешение на поездку было получено 19 ноября). Предоставим слово самому Франку: «Мне посчастливилось найти двух лиц (гг. Иг[натий?] Лейкауф и Руд[ольф] Рёсслер), на которых с разных сторон мне указали как на способнейших и которые, при относительной своей молодости, уже 20 лет занимаются гравированием для ценных бумаг. Полное знание ими гильоширных и пантографских работ, а равно композиции орнамента, позволило бы нам немедленно воспользоваться их искусством. При этом оба они изъявили совершенную готовность подчиняться всем нашим требованиям в техническом отношении. Аттестаты и образцы их работ, свидетельствующие о разносторонности их таланта в области графических искусств, вместе с благоприятными отзывами,

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1795. Л. 24.

которые мне дали с разных сторон относительно их способностей и личного характера, позволяют мне смело рекомендовать их на службу в Экспедицию»¹. Отчет был написан на имя управляющего ЭЗГБ Р.Э. Ленца, но в итоге лег на стол С.Ю. Витте (об этом есть соответствующая помета). Вскоре министр финансов утвердил прием Рёсслера в ЭЗГБ.

21 января 1895 г. художник на должность мастера пантографно-гильоширной мастерской III Отделения ЭЗГБ. В 1901 г. он стал личным почетным гражданином. Известно, что в 1914 г. он получал 2582 рублей годового жалования. У него было два сына (1896 и 1898 гг.р.)². Уволен со службы Рёсслер был с 1 октября 1919 г. в связи с выходом на пенсию³.

Таким образом, Рёсслер трудился в ЭЗГБ в течение 25 лет, однако никаких других свидетельств его работы в качестве художника, кроме эскизов «императорской серии» и материалов к ним, пока найти не удалось. При этом одновременно с Рёсслером на аналогичной должности мастера пантографно-гильоширной мастерской служил В.К. Куприянов — один из самых талантливых художников, создавший эскизы банкнот, марок, книжных иллюстраций, игральные карты и даже (в более позднее время) ордена Красной Звезды. Вероятно, несмотря на создание эскизов императорской серии, Р.И. Рёсслер по каким-то причинам занимался в ЭЗГБ работой, не связанной с созданием оригинальных художественных произведений.

Обозначим особенности эскизов «императорской серии».

Художник творчески подошел к созданию рисунков, переосмыслив опыт предыдущей «портретной» серии российских банкнот образца 1866 г. Портреты помещены на о. с. На л. с. — основная информация, государственный герб, подписи, номера и т. п. Так было на билетах 1866 г., но на их о. с. были еще тексты — «извлечения» из манифеста о кредитных билетах. На проектах «императорской серии» о. с. изобилует декоративными элементами. Несомненно, она сделана такой в противовес более простой л. с. Если л. с. несет на себе основную *информационную*, то о. с. — основную *художественную* нагрузку⁴.

Интересной особенностью выглядит отсутствие на рисунках банкнот какого-либо упоминания о правящем императоре. Это тем более странно, что как раз в начале 1890-х гг. вышел в обращение новый 25-рублевый

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1795. Л. 24 об.

² Дело домовой конторы о Рудольфе Рёсслере//ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 11072. Л. 10.

³ Представление об увольнении... Л. 1.

⁴ Интересно, что на билетах образца 1910 и 1912 гг., оборотные стороны которых сделаны по эскизам императорской серии, этот замысел в общем сохранен. Поэтому, основываясь на художественном восприятии, лицевой стороной этих банкнот иногда ошибочно считают оборотную — с портретами.

билет с портретом Александра III (в виде локального водяного знака), а до этого с 1866 г. помещение вензеля императора было обязательным для всех банкнот (кроме 25 рублей 1876 г.). Возможно, концепция «императорской» серии предполагала помещение на банкнотах венценосных государственных деятелей *прошлого*, а Александр III, когда создавались эскизы, еще правил Россией. Косвенно это подтверждает тот факт, что при последующей работе над ними портрет Александра II на 25-рублевом билете был заменен на изображение Александра III, которого изначально в серии не было.

Как уже было отмечено выше, на эскизах стоят даты «1894» и «1895». На них есть имитация подписи управляющего Государственным банком Ю. Г. Жуковского, покинувшего этот пост в 1894 г. и замененного протее министра финансов С. Ю. Витте — Э. Д. Плеске¹. Как бы то ни было, эскизы были исполнены перед приемом Рёсслера на службу в ЭЗГБ. Сохранились наброски фигур людей, созданные при подготовке эскизов. Один из них датирован 26 января 1894 г. На обороте другого — фрагмент эскиза обложки книги с заглавием на немецком языке. Это позволяет предположить, что Рёсслер исполнил эскизы еще в Австрии, перед приездом в Россию, по просьбе Г. И. Франка. Возможно, художник показал эскизы Франку во время командировки, и результатом выполненной работы было предложение перейти на службу в ЭЗГБ. Это подтверждает и полное соответствие эскизов Рёсслера взглядам представителей «выдающихся учреждений» Вены и Берлина, печатавших кредитные билеты и, очевидно, самого Г. И. Франка на основные принципы защиты банкнот от подделки. Эти принципы изложены им в упомянутом отчете: «Средства для защиты билета от подделок должно искать только в трудностях для имитации, а это достигается богатством содержания (сложностью) и совершенством различных техник как при изготовлении клише, так и в печати, применяемых для производства кредитных билетов, что и должно иметь в виду при самом составлении проекта кредитного билета. Опыт показал, что для подделки почти непреодолимые трудности представляет точное воспроизведение характерным способом напечатанной ясно или живо, следовательно, богатой контрастами в оттенках, притом исполненной линиями, гравюры, в особенности портрета или фигур»².

Тот факт, что Рёсслер выполнил эскизы до приезда в Россию косвенно подтверждают и оттиски гравировальной доски работы В. А. Боброва

¹ Бугров А. В. Государственный банк. 1860–1917. М., 2012. С. 209.

² ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 1795. Л. 25–25 об.

с портретом Павла I, использованном в проекте Рёсслера, датированные 1893 г. Были изготовлены отдельные доски с портретами Петра I (использован на 500-рублевом билете образца 1898 г.), Александра I, Александра II (последние два, как указывает соответствующая помета, отправлены «в запас»)¹. Известно также, что в октябре 1892 г. ЭЗГБ обратилась к министру императорского двора за разрешением сделать художникам Экспедиции фотографические снимки с портретов, находящихся в Романовской галерее Зимнего дворца². Часть портретов, которые легли в основу эскизов Рёсслера, находилась в Романовской галерее. Поэтому можно предположить, что фотографирование было сделано в рамках проекта по созданию «императорской серии», тем более, что никаких крупных издательских проектов, требующих съемки этих портретов, в ЭЗГБ в то время не было.

Эскизы Рёсслера были розданы для работы граверам ЭЗГБ: В. А. Боброву, П. С. Ксидиасу, И. Лундину и др. Об этом говорят соответствующие пометы на некоторых эскизах и сохранившиеся авторизованные оттиски гравировальных досок. Для облегчения работы граверов были изготовлены увеличенные фрагменты эскизов.

Анализ сохранившихся рисунков и пробных оттисков позволяет предположить, что уже в середине 1890-х гг. первоначальный замысел Рёсслера был изменен. В октябре 1895 г. эскиз 100-рублевого билета превратился в эскиз 500-рублевого (сохранилось датированное фото измененного проекта; портрет Петра I был затем заменен на другой). Позднее Александра I на 3-рублевом билете «заменял» Александр II, «переместившийся» с эскиза 25-рублевого билета (сохранился оттиск с пометой министра финансов С. Ю. Витте, *Рис. 2*). На «четвертной» поместили портрет Александра III. На основе эскиза 10-рублевой банкноты И. Лундин гравировал доску о. с. 100-рублевого билета. Портреты Александра III и Екатерины II, в отличие от остальных, гравировались на одной доске с их «обрамлением» — об этом свидетельствуют пробные оттиски.

Следует подчеркнуть, что никаких следов работы над гравированием *лицевых сторон* билетов по эскизам Р. И. Рёсслера, кроме увеличенных фрагментов эскизов, пока не найдено. Сохранились лишь оттиски гравировальных досок *оборотных сторон*, причем большинство из них не окончено. Если не считать выпущенных в обращение 100-и 500-рублевых банкнот 1910 и 1912 гг., полностью окончена была работа лишь над доской о. с. 25-рублевого билета «императорской серии» (*Рис. 3*).

¹ См. ФХАО «Гознак». П. 1–1044–1090.

² ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 713.

Рис. 2. Пробный оттиск неоконченной доски о. с. 3-рублевого билета по эскизу Р. И. Рёслера с пометой С. Ю. Витте о смене портрета. Ок. 1897 г. (АО «Гознак»)

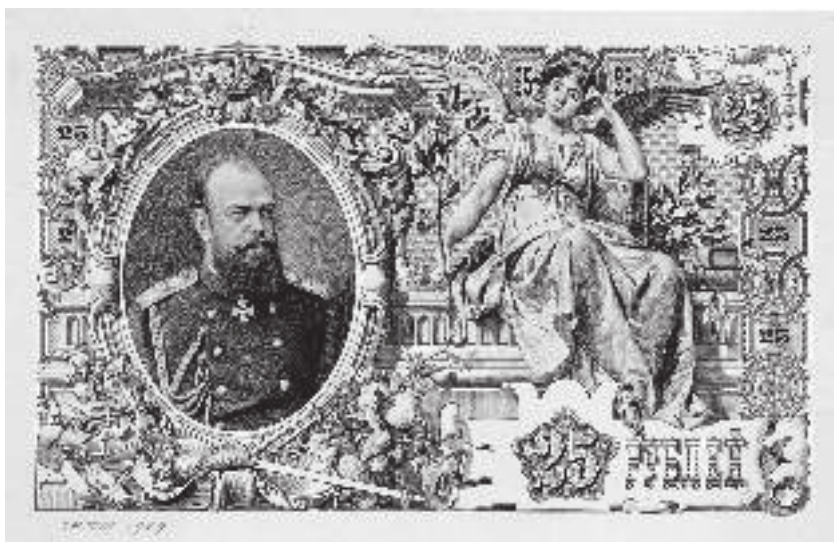

Рис. 3. Оттиск о. с. «забракованного» 25-рублевого билета по эскизу Р. И. Рёслера. 1909 г. (АО «Гознак»)

Почему же банкноты этой серии не вышли в обращение? Попробуем ответить на этот вопрос, исходя из особенностей эскизов Р.И. Рёсслера.

Первая и главная особенность: о. с. банкнот насыщена мелкими элементами согласно концепции защиты банкнот, изложенной Г.И. Франком. Изготовление досок о. с., над которыми трудились лучшие граверы ЭЗГБ, заняло многие годы из-за сложности работы. Например, сохранилось более десятка оттисков о. с. 25-рублевого билета, сделанных на разных стадиях работы гравера П. С. Ксидиаса. Они датированы 1897–1903 гг., и последний по времени вариант еще не окончателен.

Это позволяет высказать следующую гипотезу. Как известно, в начале 1890-х гг. Россия вплотную подошла к денежной реформе, которая была проведена в 1895–1897 гг. Ее результатом стала возможность размена бумажных денег на золотые монеты «без ограничения суммы», что сделало российский рубль одной из самых стабильных валют и позволило сохранить денежную систему в устойчивом состоянии до начала Первой мировой войны. Одновременно рубль был девальвирован на треть, что повлекло за собой некоторый рост цен. Идеологом реформы был Сергей Юльевич Витте, назначенный на пост министра финансов в августе 1892 г.

Предположим, что разработка «императорской серии» банкнот непосредственно связана с денежной реформой. Известно, что Витте, будучи министром финансов, лично контролировал разработку банкнот этой серии (вспомним его помету о смене портрета на 3-рублевке) и утвердил прием Р.И. Рёсслера в ЭЗГБ, перед этим лично ознакомившись с отчетом Г.И. Франка о поездке за границу. Всего через несколько месяцев после его назначения на должность министра сотрудники ЭЗГБ сфотографировали портреты из Романовской галереи. При этом свидетельства разработки «императорской серии» до 1892 г. пока не найдены. Это позволяет заключить, что банкнотам «императорской серии» была уготована роль стабильных бумажных денег пореформенного выпуска, которые своим роскошным оформлением и портретами монархов должны были лишней раз продемонстрировать стабильность новой финансовой системы¹. Кроме прочего, это полностью соответствовало воззрениям Г.И. Франка о принципах, которыми должно руководствоваться при разработке защиты новых банкнот.

Из-за границы был приглашен Р.И. Рёсслер, предложивший эскизы «императорской серии», и граверы ЭЗГБ начали работу (награвировав

¹ Кстати, именно этим может объясняться особенность «императорской серии», заключающаяся в отсутствии текстов на о. с. (кроме обозначения номинала). В 1894–1896 гг. новой формулировки «извлечений» о размене банкнот еще не было, и тексты решили поместить на л. с., изменить которую в случае необходимости было значительно проще.

часть портретов еще до получения эскизов). Реформа, между тем, близилась к завершению. В 1897 г. был принят главный ее документ — эмиссионный закон. Постепенно к руководству ЭЗГБ (и, следовательно, к министру финансов) пришло понимание того, что к обозначенному сроку «императорскую серию» не выпустить — слишком сложной и длительной была работа по изготовлению гравировальных досок.

Однако пореформенные банкноты необходимо было выпустить. И в том же 1897 г., параллельно с «императорской серией» экстренно начинают разрабатывать банкноты крупных номиналов, не требующие столь большого труда гравиров. В собрании Гознака есть эскизы л. с. таких банкнот достоинством 25, 50 и 500 рублей, датированные 1897 г. В их оформлении использованы портреты Александра I, Александра II и Петра I, отдельно награвированные для «императорской серии».

В итоге на 500-рублевый билет поместили портрет Петра I, награвированный для «императорской серии»¹. 100-рублевый билет со старым дореформенным текстом подготовили еще в 1896 г., но тогда в обращение не выпустили. Для него использовали портрет Екатерины II, награвированный для билета предыдущего образца. Для 50-рублевого билета почему-то награвировали новый портрет Николая I, хотя возможно он был взят из «запаса». Судя по первоначальному эскизу, для него тоже предполагался купон с локальным водяным знаком, но, как известно, от этого отказались.

Так появились билеты достоинством 50, 100 и 500 рублей образца 1898–1899 гг., вышедшие в обращение. Защита этих банкнот основана не на металлографской печати лицевой, а на орловской печати оборотной стороны. Кроме того, на банкноты двух высших достоинств добавили купон с локальным водяным знаком. С билетами меньших номиналов поступили еще проще: оставили их в старом оформлении, изменив лишь тексты и дату. Таким образом, причина разнообразия оформления российских банкнот образца 1898–1899 гг., как это ни парадоксально, — в спешке, в которой их готовили.

Зная честолюбие и злопамятность министра финансов, можно предположить, что провал с выпуском «императорской серии» мог повлечь и на снятие в 1899 г. со своего поста управляющего ЭЗГБ Р. Э. Ленца и замену его князем Б. Б. Голицыным. В 1903 г. С. Ю. Витте покинул пост министра. К этому времени момент был упущен, и работа над эскизами забуксовала. Возможно, концепция, согласно которой решающее значение

¹ Автором эскиза л. с. этой банкноты был Н. В. Набоков, участвовавший в разработке оформления бумажных денег еще в 1880-е гг.

при разработке защиты банкноты от подделки имеет сложность металлографской печати, к тому времени уже устарела.

Разумеется, изложенная выше гипотеза нуждается в проверке с привлечением архивных материалов, однако эскизы и пробные оттиски, сохранившиеся в собрании Гознака, ей не противоречат.

В дальнейшем работа над «императорской серией» продолжилась. Напомним, что лицевая сторона рисунков Р. И. Рёсслера оформлена весьма скромно, без ярких цветов. Судя по всему, для нее не предполагалось использовать орловскую печать. Скорее всего, поэтому в начале XX в. по эскизу Р. Г. Заррина были разработаны новые варианты л. с. 25-, 100- и 500-рублевых билетов. О. с. осталась без изменений. 100- и 500-рублевые билеты в итоге в таком оформлении вышли в обращение, а 25-рублевый билет не вышел, хотя около 1905 г. гравер П. С. Ксидиас завершил работу над доской его о. с. Однако уже в 1909 г. ее оттиск помечен как «забракованный», причем отдельно отмечено, что он — «без водяного знака»¹. Вероятно, именно последнее обстоятельство и стало роковым для 25-рублевки «императорской серии». Изначально эскизы Р. И. Рёсслера не предполагали использование локального водяного знака. Это согласуется с концепцией, согласно которой защиту банкноты должен обеспечивать сложный и насыщенный мелкими деталями рисунок. Между тем, он являлся надежным, трудновоспроизводимым признаком подлинности. При выпуске 100- и 500-рублевых билетов образца 1910 и 1912 г. из этого затруднения вышли, добавив белый купон. Почему аналогично не поступили с 25-рублевкой — неясно. Возможно, не хотели делать ее большей по размеру, чем билет следующего — 50-рублевого — номинала образца 1899 г., находившийся в обращении. Так неизбежно получилось, если бы купон был добавлен.

Что же касается эскизов банкнот мелких достоинств — 1, 3, 5 и 10 рублей, то свидетельств того, что дальнейшая работа над ними была доведена хотя бы до окончания гравирования досок о. с. пока не обнаружено. Можно предположить, что их выпуск в составе «императорской серии» был бы слишком дорогим, а многолетняя работа граверов ЭЗГБ — нерациональной. Не был доведен до конца и 50-рублевый билет, хотя новую л. с. для него подготовили. Возможно, это следствие того, что билеты этого номинала были не столь востребованы, как другие. Во второй половине XIX в. их выпускали эпизодически, с большими перерывами (например, после 50-рублевого билета образца 1866 г. следующий по времени — билет образца 1899 г.)

¹ ФХ АО «Гознак». П. 1–1078.

Не исключено, что свою роль в отказе от «императорской» серии сыграло то, что эскизы Р.И. Рёсслера не учитывают «национальный характер» банкнот. На фоне российских кредитных билетов конца XIX в., украшенных образами России и элементами древнерусской орнаментики и графики, это могло вызвать недоумение. Достаточно «убрать» с проектов портреты и гербы — и они «подойдут» для любой другой европейской страны. На фоне красочных эскизов Р.Г. Заррина, звезда которого взошла в ЭЗГБ в начале XX в., эскизы «императорской серии» выглядят стилистическим анахронизмом. Все выпущенные банкноты образца 1905–1909 гг. выполнены по эскизам Заррина, и их «национальный характер» обозначен весьма явно.

Как бы то ни было, «императорской серии» банкнот в России появиться было не суждено. Ее отголоском стали 100-и 500-рублевые билеты 1910 и 1912 г. — «катенька» и «петенька», считающиеся вершиной мастерства ЭЗГБ. Рисунки лицевых сторон двух этих купюр работы Р.Г. Заррина были утверждены управляющим Государственным банком С.И. Тимашевым в 1907–1908 гг.

Если бы банкноты по проектам Р.И. Рёсслера были выпущены, они, возможно, стали бы самыми известными и необычными банкнотами до-революционной России, сильно повлиявшими на дальнейшее развитие дизайна бумажных денег в нашей стране.

ДЕЛО ЛЕОНА ВАРНЕРКЕ. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА КРУПНЕЙШЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИВЕРСИИ, СВЯЗАННОЙ С ПОДДЕЛКОЙ В ЛОНДОНЕ РОССИЙСКИХ КРЕДИТНЫХ БИЛЕТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

О. В. Парамонов (Москва)

В начале 1990-х гг. при сносе старого дома в Лондоне строительные рабочие, обнаружившие в тайнике сундук с кипой писем, квитанций, банкнот, записных книжек, фотографий и вырезок из газет, предложили купить находку некоему филателистическому дилеру.

Эксперты аукционного дома «Phillips» выяснили, что архив принадлежал известному некогда фотографу-изобретателю, члену Британского Королевского фотографического общества Леону Варнерке.

В октябре 1991 г. лоты с обнаруженным архивом были проданы на аукционе «Phillips»¹ покупателю из Финляндии. Спустя семнадцать лет, в 2008 г., оставшуюся часть клада, состоявшую из одних только банкнот, наследники того самого дилера-филателиста реализовали через лондонский аукцион «Spink».

Все эти незначительные, казалось бы, на первый взгляд, события позволили пролить свет на один из ярких эпизодов «Большой игры»² — соперничества России и Великобритании в XIX столетии — настоящей «холодной войны» того времени.

Это была история крупнейшей экономической диверсии, связанной с изготовлением в Лондоне фальшивых русских кредитных билетов.

Начало этой эпопее было положено летом 1863 г., когда разыскивавшийся полицией участник Польского восстания, организатор убийств и террористических актов Владислав Малаховский (за поимку которого была объявлена награда в 10 тысяч рублей) с поддельными документами бежал из России. По неподтвержденным данным заочно приговоренный к смертной казни Малаховский покинул Петербург на английском судне³. Пробыв некоторое время в прусском Кенигсберге, он переехал в Париж, где его следы теряются.

Вскоре в Лондоне появился некий австро-венгерский подданный «Леон Варнерке». Малоизвестный иммигрант с материка поселился на юге Лондона, обосновавшись в доме № 10 на улице Линден-Гроув в Пэкхам-Рай (10, Linden Grove Peckham Rye). Позднее Варнерке переехал в особняк «Сильверхоув», что располагался неподалеку на Чемпион-Хилл (Silverhowe, Champion Hill, Camberwell, London, S. E.). В этом тихом, благополучном пригороде, не привлекающем излишнего внимания и находившемся менее чем в трех милях от шумных улиц центра, нашел свое постоянное пристанище иммигрант с материка.

Фигура «Леона Варнерке» была загадочна: при жизни мало кто знал о его судьбе — конспирация давала о себе знать. О том, что Владислав Малаховский и «Леон Варнерке» — это одно и то же лицо, свидетельствует множество фактов и, в первую очередь, некоторые письма из документального архива, обнаруженного в тайнике старого дома.

¹ Phillips. London, Friday 4 Oct. 1991. Lot 277.

² Считаю нужным напомнить, что построения, терминология и выводы автора могут не совпадать с мнением редакции — *Прим. ред.*

³ *Grodziska K. Polskie groby na cmentarzach Londynu//Polska Akademia Umiejętności. Kraków, 1995. S. 208.*

Когда и с чьей помощью Малаховский получил документы на имя «Леона Варнерке» сегодня неизвестно. Возможно, ответ на этот вопрос можно найти в архивах английских спецслужб, которые сегодня недоступны.

Достоверно известно лишь то, что бывший русский подданный — изменивший присяге мятежник, революционер и террорист — легально поселился под вымышленной фамилией не где-нибудь в бедном Ист-Энде, а в дорогом особняке тихого и благополучного южного лондонского предместья, где очень быстро стал вполне уважаемым обывателем. В восьмидесятых годах первый этаж его виллы занимала фотографическая фирма «Варнерке и Ко»¹.

Филиалы фирмы Варнерке появились не только в Париже, Берлине и Брюсселе, но также в Петербурге и Москве. Варнерке неоднократно бывал в России: через некоторое время среди членов-учредителей V (фотографического) отделения Императорского русского технического общества появилось имя — Варнерке Лев Викентьевич, британский подданный². В 1890 г. Леон Варнерке подал документы на натурализацию в Великобритании и без каких-либо проблем получил британское подданство. Между тем, добиться этого было непросто.

«Лев Викентьевич» активно участвовал в научных конгрессах и выставках, публиковал статьи в русских журналах. Всерьез его никто за англичанина не принимал, но британский паспорт служил надежным прикрытием.

Еще одной причиной столь смелого поведения человека, заочно приговоренного к смертной казни, являлось то, что к моменту приезда Малаховского-Варнерке в Россию, сначала Александр II, а затем Александр III уже подписали ряд указов об амнистии участников польского мятежа. То есть, даже в случае раскрытия истинного имени «Леона Варнерке», тому, скорее всего, мало что угрожало.

Однако если карьера фотографа-изобретателя и удалась скрывшемуся террористу-революционеру, то с коммерческой точки зрения бизнесмен Леон Варнерке был не так успешен — с годами дела шли все хуже. Новая фотографическая система, столь многообещающая вначале, оказалась мало востребованной, опередив свое время: и сама фотокамера стоила недешево, и светочувствительные материалы тоже. Спрос был невелик и дела шли весьма посредственно — все организованные им фирмы были на грани разорения.

¹ Pritchard H. B. The photographic studios of Europe. Piper & Carter. 1882. P. 105.

² Личный состав V Отдела Императорского Русского технического общества//Фотограф. 1880. № 1. С. 32–33.

Примечательно, что отвечая на запрос французской полиции о Варнерке, российское Министерство иностранных дел писало, что впервые Леон Варнерке приехал в Петербург зимой, вида весьма скромного, не имеющий даже верхней теплой одежды и ходящий по улицам без пальто. А уезжал уже вполне респектабельным, дорого одетым господином.

Так чем же зарабатывал внешне весьма успешный революционер-фотограф Малаховский-Варнерке и какое отношение имел он к перипетиям экономических диверсий «Большой игры»?

Ответ на эти вопросы давали те материалы и документы, которые находились в проданном в 1991 г. на аукционе «Phillips» архиве.

При разборе документального архива, наряду с фотографиями, письмами, газетными вырезками и старыми банкнотами, обнаружены были клише для печати русских кредитных билетов, заготовки этих купюр, формы и шаблоны для производства бумаги и водяных знаков, образцы различных красок.

Все это заставило организаторов аукциона пристальнее ознакомиться с остальными материалами архива. Сделать это попросили эксперта-консультанта Питера Боувера (Peter Bower). По итогам своей исследовательской работы Боувер подготовил доклад и опубликовал ряд статей. Результаты его исследования оказались сенсационными.

Стало совершенно очевидно, что на протяжении нескольких десятилетий своей жизни в Европе, как минимум с 1865 по 1900 г., Леон Варнерке изготавливал и распространял поддельные русские кредитные билеты. Причем делал он это отнюдь не один, а в составе многочисленной организации, куда входили не только польские и русские эмигранты-революционеры, но и английские подданные.

В лучших традициях шпионских и авантюрных романов, участники группы переписывались друг с другом, шифруя имена, используя цифровые коды для некоторых слов и невидимые чернила.

Коммерческий успех реализации фальшивок основан был на том, что ввезенные из Англии подделки были чрезвычайно высокого качества, со всеми необходимыми элементами защиты — водяными знаками, микрошрифтами, имитацией металлографии.

Секрет точности, с которой Малаховский копировал кредитные билеты, заключался в придуманном им особом способе изготовления поддельного клише, которое с высокой точностью повторяло настоящий рисунок. Даже профессиональные кассиры не могли отличить сфабрикованные в Лондоне фальшивки от подлинных «кредиток», что уж тут говорить о простой публике.

С «потеплением» же англо-русских отношений в конце XIX столетия произошло прекращение поступлений в Россию фальшивых кредитных билетов. Это совпало по времени с финансовыми затруднениями Леона Варнерке и разорением его фирм.

В конце января 1899 г. он уезжает из Лондона и 27 января прибывает в город Кале на севере Франции. Здесь он был задержан при попытке разменять русские сторублевые кредитные билеты, изготовленные им «на скорую руку», поскольку в ходе обмена денег в России прототипы этих билетов вскоре должны были потерять платежную силу¹.

Объяснения задержанного Варнерке показались полиции неудовлетворительными, и он был арестован. Французы поставили в известность о происшествии все заинтересованные стороны — Великобританию и Россию.

Сразу завязалась оживленная дипломатическая переписка: Форин-Офис² писал запросы во Францию, за счет консульства наняли французского адвоката. А самое главное то, что в судьбе, в общем-то, рядового британского подданного активное участие принял не кто иной, как сам премьер-министр Великобритании.

Довольно необычный случай в истории XIX в., когда практически первое лицо одного из ведущих государств мира занималось судьбой рядового гражданина, пойманного с поличным на сбыте фальшивок.хлопоты англичан возымели действие — хотя Леон Варнерке и не был освобожден под залог, как того просили дипломаты, все же до суда его перевели из тюрьмы в гражданскую больницу.

Русский посол в Лондоне обратился к британским властям с просьбой провести обыск в доме, где жил Леон Варнерке. Эту просьбу англичане решили удовлетворить — обыск продолжался два дня. Инспектор Уолтер Динни составил о нем подробный отчет, направленный им 4 мая 1899 г. в департамент уголовного розыска Скотланд-Ярда. В заключении своего отчета инспектор выразил твердую уверенность в том, что Леон Варнерке занимался в своем доме подделкой денег, причем следы этого были тщательно убраны буквально накануне визита полиции³.

¹ Государственный кредитный билет достоинством 100 рублей нового образца был выпущен в обращение на основании именного указа от 4 июня 1898 г. (ПСЗ-3. Т. 18. Ч. 1. № 15523) Этим указом прекращалась выдача сторублевых кредитных билетов образца 1866 г., однако они оставались законным платежным средством и далее. Возможно, Варнерке опасался, что впоследствии, когда старые 100-рублевые билеты станут более ветхими, попытка разменять «новый» билет может быть опасна. — *Прим. ред.*

² Министерство иностранных дел Великобритании. — *Прим. ред.*

³ The National Archives. Kew. UK. FO 27 3529087.

В ходе обыска в «Сильверхоув» изъяты были письма и документы на английском, немецком, французском и русском языках. Англичане решили, что фотографии и бумага для банкнот, найденные при обыске, будут переданы французам, и русские смогут получить лишь их после завершения судебного дела в Марселе. Изъятые же при обыске документы и письма были сочтены премьер-министром маркизом Солсбери «не относящимися к делу» и их было приказано никому не предъявлять даже для ознакомления¹.

Что было в этих письмах и кому они были адресованы, сегодня неизвестно, так как в лондонское архивное дело они не попали. Наиболее вероятно, там были документы, которые могли служить доказательством связей Варнерке с некоторыми официальными структурами Великобритании.

Сегодня невозможно точно оценить весь тот механизм давления, которое оказывали англичане на французские власти, пытаясь освободить Варнерке. Так или иначе, несмотря на требования ст. 133 Уголовного кодекса Французской республики 14 ноября 1899 г. суд в Экс-ан-Провансе назначил Малаховскому-Варнерке два года тюремного заключения с отсрочкой приговора и 100 франков штрафа².

Осужденного обязали покинуть территорию Франции, что он и сделал 2 декабря 1899 г., уведомив предварительно тюремное начальство о том, что направляется в Швейцарию³. После выезда из Франции документально подтвержденные следы Малаховского-Варнерке теряются. А в октябре 1900 г. его супруга Мария Варнерке сообщила английским властям о смерти в Швейцарии своего мужа.

«Большая игра» подходила к концу — Великобритания и Франция прикладывали все усилия к тому, чтобы склонить Россию к военному союзу. Идее же «Сердечного Согласия» (*фр.* l'Entente cordiale) никоим образом не помогало существование осужденного преступника, чьи связи могли серьезно скомпрометировать властные структуры. Собственной ли волей отказался Варнерке от попыток уцелеть в той борьбе, в которую втянут был своею фанатичною ненавистью и преступными наклонностями, или же был ликвидирован все теми же спецслужбами, как уже не нужный, отработанный материал? Этот вопрос пока остается открытым.

И если бы не рабочие, что обнаружили в тайнике старого дома документальный архив, возможно, мы так и не узнали бы ни о подлинной жизни скромного лондонского фотографа Леона Варнерке, ни о роли Великобритании в фабрикации поддельных русских кредитных билетов.

¹ The National Archives. Kew. UK. FO 27 3529 119.

² Archives départementales des Bouches-du-Rhône. 2U4/66.

³ Ibid. 2Y252.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РИХАРДА ЗАРРИНА¹ В ЛАТВИИ С 1919 ПО 1939 ГОД

К. Дуцмане (Рига)

Поздней осенью 1919 г., последним из своей семьи, Рихард Заррин как дезертир перешел государственную границу через замерзшее болото у Резекне.

Вернувшись в Латвию, Заррин создал типографию Латвийских государственных бумаг и был ее управляющим с 10 ноября 1919 по 9 сентября 1933 г. В типографии он открыл мастерские художественной гравировки, фототехники, гальваноластики, литографии; наборную, переплетную, ремонтную и столярную мастерские; типографию. Нужное оборудование заказали в Германии. В конце июля 1921 г. уже можно было начать работу в новоустроенных помещениях. Заррин сделал типографию государственных бумаг образцовым предприятием в Латвии, и конкурирующим предприятиям нужно было соответствовать ее уровню.

Рихард Заррин занимался и педагогической работой, являясь профессором Академии художеств Латвии. С февраля 1921 по 1 января 1936 г. он руководил отделом графики. С 1926 по 1934 г. он читал также курс латышского орнамента и этнографии.

Отдел графики окончил 29 учеников. Некоторые из них параллельно с учебной работали также в типографии Латвийских государственных бумаг (например, Карлис Краузе, Артурс Апинис, Францис Банге, Янис Штернбергс).

Он также действовал в нескольких комиссиях, например, как председатель правления типографии Латвийских государственных бумаг Заррин являлся членом Гереальдического комитета, созданного 4 июня 1923 г., и активно участвовал в создании гербов латвийских городов. Так же он являлся одним из создателей и членов правления отдела нумизматов и филателистов (1927 г.), который действовал при Рижском Латышском обществе. Работая в комиссии народных костюмов при подготовке к всеобщему празднику песни он выразил жесткую позицию, что в народном костюме никаких новшеств быть не должно.

¹ В литературе встречаются разные варианты имени и фамилии Р. Заррина (*латышск.* Rihards Zariņš): Рихард, Ричард; Зарринь, Зарриньш. В настоящем издании они унифицированы согласно тому, как сам художник подписывался под своими рисунками, работая в России — *Прим. ред.*

Заррин считал, что орнамент надо сохранить таким, каким его создал народ. Резким, консервативным и справедливым художник был всю свою жизнь.

Под руководством Рихарда Заррина профессиональными дизайнерами денежных знаков стали Карлис Краузе (1904–1942) и Янис Штернбергс (1900–1981). По наставлению Заррина Краузе в 1921 г. поступил в Академию художеств, параллельно продолжая работу в типографии Латвийских государственных бумаг, где Краузе поработал с 30 ноября 1920 по 28 сентября 1933 г., сначала посыльным, затем учеником художественной гравировки и, наконец, 14 июля 1927 г. он был назначен мастером. Краузе первым в Латвии освоил технику гравюры на меди и был лучшим специалистом в этой области.

Янис Карлис Штернбергс в 1924 г. поступил в Академию художеств и в 1925 г. Заррин пригласил его параллельно с учебной работать в типографии Латвийских государственных бумаг, где он работал до 1941 г., тоже освоив технику гравюры на меди.

Рихард Заррин в Латвии разработал эскизы для следующих денежных знаков: серебряная монета номиналом 5 лат (чеканилась в 1929, 1931 и 1932 гг.) и все сантимы первого выпуска (1922–1925 гг.), а также бумажные денежные знаки — 5, 10, 25 копеек¹ и 500 рублей (1920 г.), 10 лат (1922 г.) и 100 лат (1923 г.), 10 лат (1925 г.), 5 лат (1926 г.), 10 лат (1933 и 1934 гг.), и 20 лат (1935 и 1936 гг.).

Рихард Заррин — автор эскиза денежного знака 500 рублей 1920 г. На его л. с. разные виньетки и решетки, на о. с. изображено два рога изобилия, корзина с фруктами, шестерня, мешок, веревкой перевязанная коробка, на которой щука, якорь, бочонок масла над которой сноп зерна. Все это символизировало латвийское сельское хозяйство, промышленность и мореходство. В народе эти денежные знаки называли «щуками». Первые пореформенные² бумажные деньги представляли собой казначейские билеты достоинством 500 рублей 1920 г. («зеленые щуки») на обеих сторонах которых были надпечатки красной краской с новым номиналом — «10 LATU» и другими сведениями. Автор напечатки также Рихард Заррин.

Первые банковские знаки достоинством 100 лат по эскизам Р. Заррина, гравированным на меди К. Краузе, напечатали в типографии Латвий-

¹ Они были схожими по оформлению, но различными по цвету: 5 копеек — красные; 10 копеек — синие, 25 копеек — коричневые.

² Имеется в виду денежная реформа, проведенная в 1922 г. в Латвии, в результате которой латвийские рубли были обменены на латы — *Прим. ред.*

Рис. 1. Монета Латвийской республики номиналом 5 лат. 1929 г.
Серебро. Увеличено в 1,2 раза

ских государственных бумаг на бумаге изготовленной на фабрике в Лигатне. На денежном знаке изображены промышленные и мореходные символы, символы сельского хозяйства, и в центре изображен большой государственный герб.

Если бы Рихард Заррин не сделал больше ничего, кроме создания дизайна серебряной монеты 5 лат, то только этим он навсегда был бы вписан в латвийскую культуру. Монета стала своеобразным символом независимости Латвии. Ее хранили как сокровище все годы неволи, ссылки и изгнания. Из монеты изготавливали броши и носили как украшение, так проявляя молчаливый протест существующей власти. Банк Латвии, отмечая десятилетие восстановленного лата в 2003 г., использовал ее оформление для золотой памятной монеты достоинством 5 лат. А отмечая 90-летие лата и Банка Латвии, в 2012 г. отчеканили серебрянную 5-латовую монету на том же Королевском монетном дворе в Англии старыми сохранившимися штемпелями. Девушка в народном костюме, изображенная на 5-латовой монете, была изображена на новой банкноте Латвии номиналом 500 лат и на водяных знаках всех банкнот. Сегодня ее профиль украшает латвийские монеты номиналом 1 и 2 евро.

Рис. 2. Монета номиналом 2 евро.
2014 г. Увеличено в 1,7 раза

Говоря словами академика Яниса Страдиня, «... пятилатовик Рихарда Зариня — это наш монетный мировой гимн»¹.

В контексте художественной жизни Латвии того времени Рихард Заррин позиционировал себя как консервативного, «воинствующего отрицателя модернизма». В 1920 г. с 3 по 20 октября Рихард Заррин и Янис Робертс Тилбергс организовали скандальную «Каспарсонаду» — выставку, которая пародировала работы модернистов. Это была борьба «модернистов» и «традиционалистов» за художественные принципы и форму 20-х годов XX в. в Латвии.

Самое значительное произведение Рихарда Заррина того времени — это опубликованный в 1920–1930-х гг. трехтомник образцов народных орнаментов «Latvju Raksti» (Ornament Letton). Первая книга посвящена народному костюму и частям костюма Курземе и Земгале²; вторая — народным костюмам Видземе, Латгале и Аугшземе; третья — прикладному искусству, сельским постройкам, фибулам, посуде, надгробным знакам и т.д.³ Многие цветные иллюстрации народных костюмов в технике акварели создал сам мастер. Эти тома «Латышских орнаментов» высоко оценили на Латвийской художественной выставке в 1939 г. в Париже и Лондоне.

Заррин продолжал активно участвовать в художественных выставках Латвии. Описывая эти выставки, его работы оценивали двояко, всегда подчеркивая точность рисунка и консерватизм. Например, о выставке «Прикладная графика Латвии 1927 года» рецензент, художник Уга Скулме писал, что Заррин продолжает следовать старому направлению немецкой графики и достиг в своих работах большого технического мастерства; что особенно аккуратно выработаны офорты, а марки немного скучны; что акции композиционно перегружены мелочами⁴.

Выставку Заррина «Blanc et noir» 1930 г. Скулме оценил как более реалистичную, отметив, что теперь в работе исчезло влияние немецкого романтизма, а его место заняли романтические наблюдения за природой; в экслибрисах остроумно использованы фамилии и род занятий их владельцев. По мнению Скулме, лучшая работа выставки — это плакат бала в Опере⁵.

Намного острее высказывается другой критик выставки Павел Грузина, расхваливая художника за несомненный талант рисовальщика, эру-

¹ *Ducmane K., Ozoliņa A.* Naudas laiki Latvijā. AS «Lauku Avīze». Rīga. 2013. 160–163. lpp.

² Здесь и далее перечисляются области Латвии — *Прим. ред.*

³ *Latvju raksti. I–III sēj.* Rīga, 1924–1931.

⁴ *Hronika. U. Skulme.* Lietišķā Grafika Latvijā 1927 Gadā//Daugava. 1928. № 4. 538–539. lpp.

⁵ *Skulme U.* Jaunākās izstādes. I Rihards Zariņš//Daugava. 1930. № 12. 1527–1528. lpp.

Рис. 3. Р. Г. Заррин.
Фотография 1930-х гг.

дицию и восхитительную рабочую выносливость и плодовитость, но без модного, современного содержания¹.

А скульптор Густавс Шкилтерс отмечает талант Заррина — политического карикатуриста, журналиста с карандашом и кистью².

Корни своеобразия работ художника, в первую очередь, в его учителях — немецких графиках, воспитанных некогда в духе консервативного романтизма, которые старались учеников обучить своей технике и своему видению мира. Другим важным аспектом стало то, что Рихард Заррин, в общей сложности, 35 лет проработал в типографиях, производящих государственные бумаги (в Санкт-Петербурге — Петрограде и в Риге), занимаясь работой очень специфичной, тонкой, филигранной, точной, ограниченной известными правилами и требующей огромного технического умения и ловкости.

¹ *Gruzna P.* Hronika. Viena diena mākslas sfērā//Domas. 1930. № 8. 327–328. lpp.

² *Šķilters G.* Prof. Zariņa grafisko un citu mākslas darbu izstāde//Latvis. № 2710, 1930. 5. XI.

Заррин осознавал огромное национальное значение работы художника и выполнял все задания с образцовой серьезностью и уважением¹.

В 1926 г. он был награжден орденом Трех звезд Латвийской республики III степени и шведским орденом Вазы III степени.

Рихард Заррин умер 21 апреля 1939 г. в Риге и был похоронен на Лесном кладбище. Так он спасся от репрессий «страшного года»², от которых к сожалению, не смог спастись его талантливейший ученик Карлис Краузе.

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ВЫПУСК РАСЧЕТНЫХ ЗНАКОВ РСФСР ДОСТОИНСТВОМ 5000 И 10 000 РУБЛЕЙ ОБРАЗЦА 1921 ГОДА С БЕЛЫМ КУПОНОМ

А. Г. Баранов (Москва)

При исследовании истории неосуществленного выпуска расчетных знаков РСФСР достоинством 5000 и 10 000 рублей с белым купоном (*Цв. вкл. XIII, XIV*) необходимо рассмотреть причины появления совзнаков второго выпуска, в который входят расчетные знаки образца 1920 г. (выпущенные 3, 5 и 50 рублей и невыпущенные 1, 10 и 25 рублей) и продолжающие эту линейку номиналов расчетные знаки образца 1921 г. достоинством 100, 250, 500, 1000, 5000, 10 000, 25 000, 50 000 и 100 000 рублей.

Необходимость второго выпуска совзнаков обуславливалась технической невозможностью обеспечить силами фабрик Гознака изготовление необходимого количества совзнаков первого выпуска — расчетных знаков образца 1919 г. достоинством 1, 2, 3, 15, 30, 60, 100, 250, 500, 1000, 5000 и 10 000 рублей. Нужно было срочно уменьшать размеры купюр, упрощать технологию изготовления и их дизайн, уменьшать себестоимость и трудозатраты, а за счет этого увеличить валовой выпуск в количественном и номинальном выражении.

На основании декрета СНК РСФСР от 16 июня 1921 г. в обращение выпускались новые расчетные знаки упрощенного типа достоинств

¹ *Dombrovskis J. Grafīkis Rihards Zariņš. // Atrūta, 1939. № 757. 24. lpp.*

² Речь идет о репрессиях в Латвии после ее вхождения в состав СССР в 1940 г. — *Прим. ред.*

твом 100, 250, 500, 1000, 5000 и 10 000 рублей. Через месяц, согласно декрету СНК РСФСР от 30 июля 1921 г. «О выпуске денежных знаков крупного достоинства», были выпущены расчетные знаки РСФСР номиналами 25 000, 50 000 и 100 000 рублей. С ними сложилась парадоксальная ситуация. Эти расчетные знаки решено было печатать упрощенным способом, ограничиваясь типографскими или литографскими печатями и сосредотачивая всю защиту на водяном знаке. Между тем печатание расчетных знаков достоинством 5000 и 10 000 рублей образца 1921 г. производилось более сложным порядком — вместо двух печатей применялось четыре печати, в том числе одна орловская. Для экономии бумаги расчетные знаки в 25 000, 50 000 и 100 000 рублей печатались по 24 экземпляра на листе, в то время как значительно меньшего размера расчетные знаки в 5000 и 10 000 рублей печатались лишь по 20 экземпляров на листе.

23 июля 1921 г. заведующий производственным отделом Гознака Жилко в рапорте управляющему фабриками Гознака писал: «Пользуясь тем, что 2-я Московская фабрика несколько освободилась от срочных работ по изготовлению оригиналов расчетных знаков, не признаете ли возможным поручить ей изготовить в ударном порядке проекты расчетных знаков в 5000 и 10 000 руб. достоинств с белым купоном»¹. Это первое документальное упоминание о проекте новых расчетных знаков образца 1921 г.

На первый взгляд могло показаться, что предложение Жилко загрузит 2-ю Московскую фабрику работой по изготовлению оригиналов и новых форм. Но один завод для расчетных знаков 5000 и 10 000 рублей действующего образца при изготовлении 20 экземпляров требовал 80 орловских плюс 60 типографских стереотипов, всего 140 стереотипов. По предлагаемому Жилко проекту при изготовлении 24 экземпляров на листе требовалось всего 48 стереотипов для одного завода, что означало уменьшение работы в стереотипной и в граверной мастерских. В случае принятия такого предложения появлялась возможность печатать расчетные знаки с белым купоном и литографским способом. Это было необходимо иметь в виду, т. к. вопрос о прекращении печатания расчетных знаков образца 1921 г. в наступающем 1922 г. оставался открытым, а одновременное печатание на 1-й Московской фабрике как расчетных знаков образца 1921 г., так и денежных знаков образца 1922 г., по приведенным выше причинам, могло оказаться затруднительным.

¹ РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 3. Д. 135. Л. 244.

27 июля 1921 г. Управление фабриками Гознака распорядилось срочно изготовить оригинальные рисунки новых расчетных знаков в 5000 и 10000 рублей. Замена сложного образца 5000 рублей и 10000 рублей новым образцом, схожим по типу с расчетными знаками достоинством 25 000–100 000 рублей на 1-й Московской фабрике Гознака освободила бы 6 плоских накладов и 6 орловских, с соответствующим количеством обслуживающего персонала¹.

27 августа 1921 г. в Управление фабриками Гознака были доставлены оттиски лицевой и оборотной стороны расчетных знаков вновь установленного образца достоинством в 5000 и 10 000 рублей². 30 августа было принято окончательное решение именовать их «расчетные знаки образца 1921 г. с белым купоном»³. Делалось это во избежание путаницы между старыми расчетными знаками в 5000 и 10 000 рублей с четырьмя печатями и новыми знаками тех же достоинств с двумя печатями.

5 сентября 1921 г. В. И. Ленин подписал «Декрет о расчетных знаках достоинством 5000 и 10 000 рублей»⁴. Изготовление «тиражных» образцов новых расчетных знаков было поручено Пензенской фабрике Гознака. Вот выдержка из письма производственного отдела заведующему Пензенской фабрикой от 4 октября 1921 г.: «... в срочном порядке изготовить образцы расчетных знаков образца 1921 г. 5000, 10 000 руб. с купоном в количестве 3000 экз. каждой стороны отдельно...»⁵. Весь октябрь между Управлением и фабриками Гознака шла оживленная переписка.

27 октября 1921 г. в Управление были отправлены расчетные знаки образца 1921 г. с белым купоном первого и второго заводов, отпечатанные на «американках» (печатных машинах американского производства) системы «Лауреат»⁶. 29 октября 1921 г. заведующий производственным отделом Жилко направил в адрес заведующего художественно-гравировальным отделением образцы расчетных знаков с купонами со словом «образец» в количестве по 18 экземпляров каждого номинала с просьбой выбрать из них по 7 экземпляров, скрепив их своей подписью, утвердив к печатанию⁷.

¹ РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 4. Д. 149. Л. 4, 4 об.

² Там же. Оп. 3. Д. 152. Л. 211.

³ РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 4. Д. 151. Л. 190.

⁴ СУ-1921. Отдел 1. № 64 от 8 ноября. Ст. 480 (Известия ВЦИК № 211 от 22 сентября).

⁵ РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 3. Д. 152. Л. 285.

⁶ Там же. Д. 152. Л. 266.

⁷ РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 3. Д. 152. Л. 268.

В ноябре 1921 г. на фабриках Гознака велась активная работа по запуску в печать новых расчетных знаков. 9 ноября 1921 г. от производственного отдела заведующему Пензенской фабрикой отправлено письмо № 4829/20695: «Управление фабриками препровождает Вам при сем утвержденные к печатанию образцы расчетных знаков образца 1921 г. с купонами: один экз. 5000 руб. достоинства и один экз. 10 000 руб. достоинства с наложенным на каждом словом «образец» для руководства при печатании расчетных знаков указанных достоинств»¹.

10 ноября 1921 г. в письме в Управление заведующий производственным отделом А. Е. Сухих писал: «Препровождая по накладной № 125 по 16 отпечатков образцов расчетных знаков 5000 и 10 000 руб. достоинств должен указать, что большего тождества на ручном прессе получить весьма трудно. В дальнейшем печатание образцов может производиться на машинах в виду лучшего урегулирования, для чего потребуется окончательно обработанный стереотип, что повлечет за собою задержку в предоставлении образцов»².

Новые расчетные знаки должны были нумероваться новыми сериями. 15 ноября 1921 г. датирована телеграмма из Пензы в Управление фабриками Гознака: «Вследствие неясности совокупности ваших отношений по вопросу печатания серии на расчетных знаках 5000 и 10 000 образца 1921 с купонами и без купонов сообщаем: на формах без купонов ввиду изношенности нельзя закончить серии ББ и ВГ, прошу срочно сообщить, можно ли заканчивать эти серии на формах с купонами или же таковые начать иными сериями указанными вашим отношении 4652/19788»³. 17 ноября получен ответ: «Пенза. Фабгознак. Моденову. Нумерование 5000 и 10 000 расчетных знаков производите новыми сериями. Енукидзе»⁴.

24 ноября 1921 г. заведующий 1-й Московской фабрикой получил секретное распоряжение: «Управление фабриками сообщает вам, что для нумерования расчетных знаков 5000 руб. достоинства образца 1921 г. с купоном вам назначается серия АЖ в количестве 100 номеров с № 3 по 300 включительно, начиная кассиром Беляев. Серия АК в количестве 100 номеров с № 4 по 301 включительно, начиная касси-

¹ РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 3. Д. 152. Л. 290.

² Там же. Л. 293.

³ РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 2. Д. 65. Л. 243.

⁴ Там же. Л. 245. Т. Т. Енукидзе в те годы возглавлял Управление фабриками Гознака —

ром Колосов. Заблаговременно до окончания сих серий надлежит войти с представлением о назначении новых»¹. На следующий день, 25 ноября 1921 г., пришло дополнение: «Управление фабриками сообщает Вам, что для нумерования расчетных знаков 10 000 руб. достоинства образца 1921 г. с купоном вам назначается: Серия АК в количестве 100 номеров с № 013 по № 310 включительно, начиная кассиром Смирновым. Серия БД в количестве 100 номеров с № 019 по № 316 включительно, начиная кассиром Дюков. При этом предлагается заблаговременно до окончания сих серий войти с представлением о назначении новых серий»².

В декабре 1921 г. к выпуску новых расчетных знаков с купоном была готова Пермская фабрика Гознака. 26 декабря отправлена телеграмма из Перми: «Заканчиваю 5000 четырьмя печатями. Вышлите порядок печати нумерации 5000 двумя печатями»³. В тот же день был получен ответ: «В Пермь. 5000 с купоном нумеруйте серией НН с № 121 по 418, начиная кассиром Силаевым»⁴.

Для составления описаний новых расчетных знаков 23 ноября 1921 г. производственный отдел отправил главному эксперту Управления два утвержденных образца расчетных знаков 1921 г.: один экземпляр 5000-рублевого знака и один экземпляр 10 000-рублевого⁵. После составления описаний их планировалось отпечатать и разослать на места.

Таким образом, фабрики Гознака к концу 1921 г. технически были готовы запустить в производство расчетные знаки образца 1921 г. достоинством 5000 и 10 000 рублей с белым купоном. Однако в связи с вводом в обращение денежных знаков образца 1922 г. печатание всех расчетных знаков образца 1921 г. было прекращено. Государственные денежные знаки образца 1922 г. были выпущены на основании декрета СНК РСФСР от 3 октября 1921 г.⁶ В обращение они попали в период с декабря 1921 г. по апрель 1922 г. Это была первая деноминация в РСФСР, согласно рубль новыми денежными знаками приравнивался к 10 000 рублей кредитных билетов и расчетных знаков всех прежних выпусков.

¹ РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 2. Д. 65. Л. 247.

² Там же. Л. 249.

³ Там же. Л. 277.

⁴ Там же. Л. 278.

⁵ РГАЭ. Ф. 1580. Оп. 3. Д. 152. Л. 231.

⁶ СУ-1921. Отдел 1. № 77 от 24 декабря. Ст. 643.

«ПЕРЕДОВОЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РАБОЧЕГО КЛАССА»: ПРОЕКТЫ БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ 1920-х — 1930-х ГОДОВ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ РАБОЧИХ

В. А. Березина (Санкт-Петербург)

Изображение рабочего, т. е., согласно советской агитации, представителя класса-гегемона, помещалось на советских банкнотах трижды. В 1924 г. вышла трехрублевая купюра, на которой был изображен рабочий-кузнец, читающий книгу вместе с крестьянином. На пятирублевую банкноту, выпущенную через год, после долгих поисков¹ поместили изображение кузнеца, отрисованное со скульптуры И. Д. Шадр². В 1938 г. в обращение вышел билет достоинством 1 рубль, на котором появился рабочий-шахтер.

Художники Гознака неоднократно предлагали изобразить пролетария на проектах купюр, которые в итоге не были осуществлены³. Так, в 1921 г. на одном из проектов было помещено изображение токаря за работой (*Цв. вкл. XV, 1*).

1922 г. датирован эскиз 100-рублевого денежного знака с уже упомянутым шадровским рабочим-кузнецом, созданный В. К. Куприяновым (*Цв. вкл. XV, 2*). Впоследствии он стал основой для банкноты достоинством 1000 рублей, работа над которой была в 1923 г. доведена до стадии печати пробных оттисков⁴. Стилистически эта банкнота схожа с государственными денежными знаками СССР образца 1923 г. достоинством 15 000 рублей (с изображением крестьянина) и 25 000 рублей (с красноармейцем).

К 1922 г., вероятно, относится и проект государственного кредитного билета⁵, на котором изображен рабочий с молотом на фоне

¹ Прежде чем остановиться на итоговом варианте, на эту банкноту планировали поместить портрет народовольца С. Н. Халтурина (сохранился эскиз В. К. Куприянова); затем — В. И. Ленина и М. И. Калинина (формального руководителя СССР). В итоге сделали выбор в пользу рабочего.

² В 1922 г. по заказу Гознака скульптор И. Д. Шадр создает серию скульптур, изображающих крестьян, рабочего, красноармейца.

³ Все описываемые проекты банкнот хранятся в Фонде хранения АО «Гознак» (П. 1 г-1775, П. 1 г-1787, П. 1 г-1794, П. 1 г-1796, П. 1 г-1797, П. 1 г-1803, П. 1 а-947, П. 1 а-949).

⁴ По-видимому, одновременно была разработана схожая банкнота с изображением красноармейца. Вероятно, их планировали выпустить в 1923 г. после деноминации, однако из-за инфляции выпускать банкноты таких номиналов (быстро ставших небольшими) в таком сложном оформлении не стали.

⁵ Так планировали назвать новые банкноты РСФСР, которые должны были выпустить после деноминации. В итоге их назвали государственными денежными знаками.

деревянных домиков и заводских труб. Автор проекта — художник Я. Б. Дрейер.

Он же являлся автором двух неосуществленных проектов государственных казначейских билетов СССР номиналом 3 и 5 копеек с изображением рабочих (*Цв. вкл. XVI, 1*). Проекты датированы началом 1924 г. Очевидно, они были сделаны в рамках разработки оформления разменных временных бон, выпущенных в 1924 г. из-за нехватки в обращении звонкой монеты. Никаких атрибутов профессии рабочих на этих эскизах нет.

Весной того же года был отрисован проект пяти червонцев, на который вновь было помещено изображение шадровского кузнеца и вида Московского Кремля (*Цв. вкл. XVI, 2*).

Помимо эскизов с изображением фигуры пролетария, разрабатывались и проекты банкнот, на которых рабочий был изображен вместе с крестьянином. Таковы два проекта государственного денежного знака достоинством 100 рублей 1923 г. Автор одного из них — В. Н. Адрианов, заведующий художественно-репродукционным отделом Гознака и один из создателей герба СССР, другого — Г. П. Пашков¹.

Рабочего и крестьянина вместе изобразил на проектах и художник С. Я. Антонов². Вероятно, его эскизы банкнот достоинством 5 и 50 рублей послужили основой для выпущенного в 1924 г. трехрублевого казначейского билета (*Цв. вкл. XVII*). На всех этих проектах рабочий изображен с молотом, а крестьянин — с косой.

С середины 1920-х гг. изображения пролетариев, как и вообще фигуры людей, исчезают с советских денежных знаков и их проектов. Вновь рабочий появляется лишь на государственном казначейском билете достоинством 1 рубль образца 1938 г. Судя по сохранившимся эскизам, он начал проектироваться одновременно с 3-и 5-рублевыми билетами с августа 1936 г. Все три номинала разрабатывал художник Гознака И. И. Дубасов.

В настоящее время найдено три эскиза рублевой банкноты. На первом из них, вероятно, отрисованном в августе 1936 г., мы видим рабочего у станка. В октябре того же года появляются еще два проекта: первый — с изображением мужчины в рабочем халате, второй — с фигурой рабочего в фартуке (*Цв. вкл. XVIII*). Черты лица обоих мужчин сходные.

¹ Опубл. в кн.: *Трачук А. В., Никифорова Н. М.* Экспедиция заготовления государственных бумаг — ФГУП «Гознак». История в событиях, фактах, судьбах. М., 2008. С. [166–167].

² По-видимому, эти проекты были исполнены в 1923 г. На них указан 1924 г. как предполагаемая дата их выпуска, однако отсутствие герба СССР и старое название («государственный денежный знак») дает возможность предположить, что дата была поставлена «авансом», как нередко практиковалось на эскизах денежных знаков.

Первый проект, по всей видимости, был принят в дальнейшую разработку¹. Однако до стадии изготовления пробных оттисков, судя по сохранившимся материалам, он доведен не был.

В октябре 1937 г. появились проекты рубля с изображениями шахтеров, и уже через полгода один из них был осуществлен. Интересно отметить, что в отличие от утвержденного варианта, изначально у шахтера был отбойный молоток несколько иного типа. Возможно, легенда о том, что И.И. Дубасов специально для работы над проектом ходил на промышленную выставку и «зарисовывал демонстрировавшиеся там новые образцы отбойных молотков, шахтерских касок»², не лишена оснований.

Подводя итог, можно сказать, что фигуру рабочего помещали на эскизы советских банкнот в 1921–1924 гг. В подавляющем большинстве случаев на них изображали рабочего-кузнеца с непременным атрибутом профессии — молотом. Это изображение на проектах соответствовало общим тенденциям советской визуальной пропаганды тех лет. По замечанию американской исследовательницы В. Боннелл, уже в первые послереволюционные годы образ рабочего в советском искусстве «приобрел выраженную форму: и это неизменно был кузнец»³.

С середины 1920-х гг. изображение рабочего с купюр и их проектов исчезает, и появляется только через 10 лет. На неосуществленных эскизах 1936–1937 гг. перед нами — рабочие в спецодежде. Однако реализован был проект с изображением шахтера, появившийся позже. Это было также в духе времени. В годы первых пятилеток уголь был основным топливом; угольная промышленность «в период 1930–1940-х гг. сформировалась как крупнейшая сырьевая отрасль»⁴, а профессия шахтера нуждалась в пропаганде.

Как известно, бумажный рубль с изображением шахтера был в обращении с 1938 до конца 1947 г. После 1938 г. новых образцов советских банкнот с изображениями рабочих не было. В собрании Гознака сохранились проектные рисунки банкнот военных и послевоенных лет с изображениями рабочих. Эти проекты еще ждут своего исследователя.

¹ На фотомонтаже этого эскиза имеется помета: «заделать склейки» и обозначен срок выполнения этого указания. Также в Фонде хранения АО «Гознак» имеется и фото проекта с уже заделанными склейками.

² Трачук А. В., Никифорова Н. М. Экспедиция заготовления государственных бумаг... С. 224.

³ Боннелл В. Иконография рабочего в советском политическом искусстве // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М., 2009. С. 186.

⁴ Максименко Е. П. Уголь первых пятилеток: к вопросу об отражении путей повышения эффективности угольной промышленности в период индустриализации средствами визуальной пропаганды // Уголь. 2017. Август. С. 150.

БАНКНОТА ЗОВЕТ В ИСТОРИЮ (создание и символика современной 1000-рублевой купюры)

Т. В. Рязанцева (Ярославль)

В 2001 г. в российском денежном обращении появилась новая банкнота — 1000-рублевая купюра. Самая крупная на тот момент, она продолжила «городскую серию» билетов Банка России образца 1997 г. Разработку этой серии курировал первый заместитель председателя Центрального банка России А. В. Войлуков. Летом 1998 г. во главе большой делегации ЦБ РФ он прибыл в Ярославль, чтобы увидеть достопримечательности старинного города и «отобрать» объекты для новой банкноты. Прием и проведение экскурсий для гостей организовали сотрудники Ярославского музея-заповедника и первый заместитель начальника Главного управления ЦБ РФ по Ярославской области Г. И. Захаров.

Позже А. В. Войлуков вспоминал: «В нашей «городской» серии <...> мы хотели изобразить историю развития России: Новгород, Москва, Петербург — последовательно были центрами нашей страны; Архангельск олицетворяет выход на Север; Красноярск — движение на Восток, а не место моего банковского формирования, как некоторые думают. Войско Ермака, двигаясь на Восток, дошло до Енисея и несколько лет стояло там, где теперь расположен Красноярск. На купюре мы и поместили, в частности, ту гору, на которой находилась башня острога землепроходцев»¹. «Ярославль, — продолжал он, — на тысячную купюру мы поместили в честь 1000-летия города. К тому же отсюда на освобождение Москвы от польских оккупантов отправились Минин и Пожарский. Ещё на купюре изображена единственная в мире церковь с 15 куполами»².

Речь идет о храме Иоанна Предтечи в Толчкове. Строился храм «миром», то есть на средства всех жителей Толчковской слободы, шестнадцать лет — не по причине нехватки финансирования, а из-за кропотливости исполнения сложной архитектурной композиции, из-за бережного и любовного исполнения всех его деталей

¹ Кротов Н. И. Очерки истории Банка России. Центральный аппарат: персональные дела и деяния. М., 2011. С. 345.

² Там же. С. 346.

и росписей. В конструкции использовались лекальные кирпичи, что было свойственно ярославской школе зодчества. Свободно оперируя кирпичами разной конфигурации, строители создали удивительные по красоте пластические стенные поверхности, где крупные детали соседствуют с более мелким, дробным орнаментом. Кирпичные стены, усеянные изразцовыми вставками, дают впечатление «затейливого ковра, немного выцветшего и потемневшего от времени и потому особенно гармоничного»¹. Церковь Иоанна Предтечи — вершина ярославского зодчества XVII в. Грандиозная по размерам церковь с приделами по количеству куполов обошла знаменитый собор Василия Блаженного в Москве. Росписи церкви — настоящая энциклопедия библейских сюжетов. Расположенная на юго-западе от церкви столпообразная ярусная 45-метровая колокольня выстроена несколько позднее самого храма в формах так называемого московского барокко XVII–XVIII вв.²

Если говорить об интересе финансистов к этому храму, можно вспомнить, что в июне 1894 г. церковь Иоанна Предтечи посетил министр финансов Российской империи С. Ю. Витте. Он заметил, что этот художественный памятник древнего зодчества требует капитального ремонта и реставрации. Министр предложил ярославскому губернатору А. Я. Фриде «войти к нему» с надлежащим представлением об отпуске необходимых для этого средств, чтобы он мог составить ходатайство на имя императора. В 1902 г. из Государственного казначейства было отпущено на ремонт и реставрацию 64080 рублей. Реставрация была завершена в 1906 г.³

На 1000-рублевой купюре изображены также постройки Спасо-Преображенского монастыря — старейшего мужского монастыря Ярославля. Располагается он на левом берегу реки Которосли близ ее впадения в Волгу. Возникнув как «городовой» княжеский монастырь, он с первых дней своего существования был тесно связан с местным княжеским домом и оказывал огромное влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь Ярославля. Это позволило Спасо-Преображенскому монастырю стать сильнейшей крепостью Верхнего Поволжья и сыграть историческую роль в жизни страны в период Смутного времени, когда монастырь оказался надежной защитой не только Ярославля, но и всей русской государственности. В мае 1609 г. Спасо-

¹ Добровольская Э. Д. Ярославль. М., 1968. С. 141–145.

² Там же. С. 156.

³ Успенский Ф. Предтеченская церковь в Ярославле. Ярославль, 1906. С. 39–40.

Преображенский монастырь выдержал 24-дневную осаду вражеских войск, а в 1612 г. здесь находилось руководство ополчения К. Минина и Д. Пожарского, проводились торжественные молебны и освящались полковые хоругви перед походом войск на освобождение Москвы. На банкноте в 1000 рублей изображена часовня Казанской Божьей Матери, построенная в честь 385-летия выхода ополчения из Ярославля и в год празднования 850-летия Москвы Часовня Казанской Богоматери — сооружение в форме ракеты с витражной перегородкой. Она расположена на набережной реки Которосли перед Святыми воротами Спасо-Преображенского монастыря. Памятник торжественно открыт в августе 1997 г. по проекту архитектора Г. Л. Дайнова.

На 1000-рублевой купюре изображен и памятник основателю города князю Ярославу Мудрому. Он словно встречает путников, прибывающих в наш город со стороны столицы, и символизирует тесные связи с Москвой. Его создателями стали скульптор О. Комов и архитекторы Н. И. Комова и А. Р. Бобович. Памятник был открыт 23 октября 1993 г. на митинге с участием первого президента России.

Подчеркнем также, что ярославская символика на новых деньгах России стала отражением славных традиций денежного производства в нашем городе.

С конца XIV в. началась чеканка собственной монеты в крупнейших русских княжествах — Московском, Рязанском, Тверском. Вскоре стали выпускать свою монету и малые княжества, в том числе Ярославское. Нумизматам известны монеты с именами князей, правивших в Ярославле в XV столетии. Это Иван Васильевич (начало XV в. — 1426), Федор Васильевич (1426–?), Василий Иванович (? — ок. 1436). По мнению известного российского нумизмата Н. Д. Мец, эти монеты оказались едва ли не единственным историческим источником, подтверждающим сам факт их княжения¹. Хорошо известны и достаточно часто встречаются в нумизматических коллекциях и монеты последнего ярославского князя Александра Федоровича Брюхатого (1436–1471). Эти первые ярославские монеты имели стилизованные изображения, чаще представителей княжеской власти, родовых эмблем и т. п.

Следующая по времени чеканка монет была осуществлена в Ярославле в начале XVII в. Это один из ярких эпизодов истории русско-

¹ Мец Н. Д. Ярославские князья по нумизматическим данным // Советская археология. 1960. № 3. С. 138–140.

го денежного производства того времени. Существование денежного двора в Ярославле подтверждают, в первую очередь, монеты Второго ополчения К. Минина и Д. Пожарского, на лицевой стороне которых под всадником располагался знак Ярославского денежного двора — буквы «Г/АР». Сохранился также интересный документ — челобитная Максимки Юрьева, датированная маем 1613 г., где есть упоминание о денежном дворе в Ярославле. На основании этих источников большая часть нумизматов, занимающихся монетами и кладами XVII в., склонялась к мысли, что денежный двор в Ярославле был временным и работал недолго после прихода в город знаменитого ополчения.

Следует признать, что создание в Ярославле денежного двора стало одним из важнейших и наиболее эффективных действий, сыгравших значительную роль в ходе дальнейшей национально-освободительной борьбы. Чеканка собственной монеты была надежным и стабильным источником для выплаты денежного жалованья ополченцам, и в то же время приносила постоянный доход казне. И, наконец, монеты, выполняющие прокламативные функции, должны были представить программу действий ополчения. Буквами «Г/АР» «Совет всей земли» оповестил о политическом и экономическом центре народно-освободительной борьбы, созданном в Ярославле. Имя царя Федора Ивановича, последнего Рюриковича, помещенное на монете, окружал ореол святости, в глазах современников он был последним законным царем. Это имя стало политическим лозунгом. Оно означало, что после череды самозванцев необходимо избрание царя из числа православных государей, русского по происхождению, имевшего право на царский престол по рождению¹.

В честь этого знаменательного чекана 26 июля 2013 г. на территории Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле был установлен памятный знак ярославской копейке.

Временный монетный двор существовал в Ярославле в XVIII в., он в 1762 г. занимался перечеканкой медных монет императрицы Елизаветы Петровны в новые монеты достоинством 10, 4 и 2 копейки по 32 рубля из пуда на общую сумму 211 978 рублей 32 копейки². Располагался он в бывших палатах ссыльного герцога Бирона. В Ярославль

¹ Рязанцева Т. В., Максимов А. В. Ярославские денежные клады // Клады земли Ярославской. Ярославль, 1995. С. 21–24.

² Уздеников В. В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах. 1700–1917. М., 1995. С. 130.

из Петербурга было отправлен пробирный мастер, 4 монетчика и 2 резчика вместе со станами, образцами штемпелей и разными инструментами¹. Работал Временный монетный двор в течение года.

Таким образом, изображение Ярослава и его исторических памятников на 1000-рублевой банкноте России стало результатом как богатой событиями истории тысячелетнего города, так и традиций денежного производства в нашем крае.

В настоящее время Ярославский музей-заповедник совместно с Ярославским отделением Банка России разработал специальный экскурсионный маршрут по истории денежного обращения «От ярославской копейки до ярославской тысячи». Новая 1000-рублевая купюра стала своеобразной визитной карточкой нашего города.

¹ *Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования императора Петра III//Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований императрицы Елисаветы I и императора Петра III. Т. 2. СПб., 1896. С. 12. Документ № 17.*

Раздел III

ОБРАЩЕНИЕ И БЫТОВАНИЕ
МОНЕТ И БАНКНОТ
(XVII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МОНЕТ ШВЕДСКОГО КОРОЛЕВСТВА МЕЛКИХ ДОСТОИНСТВ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XVII СТОЛЕТИИ

С. Н. Травкин (Санкт-Петербург)

Особенности использования монет обусловлены рядом факторов, в том числе их номиналом, оформлением, географией чеканки и обращения.

Крупные номиналы часто выполняли функцию международной валюты и использовались в той или иной форме на территории ряда стран. В XVI и XVII вв. типичным примером таких «международных денег» были талеры, получившие в России название «ефимки»¹. Они обслуживали оптовую торговлю по всей Восточной и Центральной Европе². Доля талеров шведской чеканки среди талеров, обнаруженных в Восточной Европе, была весьма скромной.

Использование мелких номиналов имело свои особенности. Минимальная стоимость этих монет предполагала применение их при мелких сделках в повседневном обмене. Часто они предназначались для локального использования. Однако в условиях нехватки платежных средств монеты мелких номиналов могли выходить за пределы государств, где они были отчеканены.

В XVII столетии произошло резкое усиление поступления монет Шведского королевства на земли Восточной Европы. По сравнению с более ранним временем количество единичных и коллективных находок подобных монет значительно выросло³. Особенностью XVII столетия было то, что основную массу поступивших в Восточную Европу шведских монет составляли именно мелкие номиналы различного достоинства и металла.

Подобная ситуация была вызвана не только изменениями в мировой экономике, но и внешней политикой шведской короны. В XVII в. шведские войска одержали ряд громких побед, итогом которых было завоевание шведами на берегах Балтийского моря целого ряда городов в Герма-

¹ Спасский И. Г. Русские ефимки: Исследование и каталог. Новосибирск, 1988. С. 5–30; Пухов Е. В. Монета «ефимок с признаком». СПб., 2014. С. 106–112.

² Подградская Е. М. Экономические связи Молдовы со странами Центральной и Восточной Европы в XVI–XVII вв. Кишинев, 1991. С. 85.

³ Потин В. М. Скандинавские монеты на территории Русского государства и русские монеты в Скандинавии в XVI–XVII вв. // Скандинавский сборник. Вып. 19. Таллин, 1974. С. 195–199.

нии и Восточной Европе. В Ливонии Швеция захватила в XVI в. Ревель, в 1621 г. Ригу, а в 1626 г. Эдльблонг¹.

Зону использования шведских монет мелкого достоинства в XVII столетии на территории Восточной Европы можно разделить на несколько регионов.

Прежде всего, необходимо выделить прибалтийские города, завоеванные шведскими войсками в XVI — первой половине XVII в. В нескольких городах восточной Прибалтики была организована чеканка собственных монет от имени шведских королей. В число этих пунктов входили Ревель, Рига, Нарва, Эдльблонг. Значительную часть подобных чеканок составляли монеты мелкого достоинства из биллона или серебра. При этом существовали заметные отличия в оформлении монет, выпущенных в различных городах².

Наличие собственной чеканки свидетельствует о том, что мелкие номиналы, выпущенные от имени монархов Швеции, играли важную роль в повседневном обмене прибалтийских владений Стокгольма. Различие в оформлении мелких номиналов, вероятно, говорит о том, что шведские власти пытались организовать чеканку мелких монет привычного для местного населения типа.

Особый регион образовали русские земли, захваченные шведской короной в результате Смутного времени. На этой территории получили широкое распространение медные монеты малого достоинства, отчеканенные в городах собственно Швеции³. Вместе с серебряными русскими копейками и денежками шведская медь, вероятно, обеспечивала повседневное обращение на рынке.

Монеты Шведского королевства мелких достоинств проникали на земли Восточной Европы, не находившиеся в XVII столетии под прямым контролем шведской короны. Данную территорию можно разделить на два региона. Первый из них включал уезды Московского царства. Второй охватывал земли Речи Посполитой, то есть современной

¹ *Котляр М. Ф.* *Грошовий обіг на території України доби феодалізму.* Киев, 1971. С. 120–121.

² *Рябцевич В. Н.* *Нумизматика Беларусі.* Минск, 1995. С. 186, 188; *Федоров Д. Я.* *Монеты Прибалтики XIII–XVIII столетий: Определитель монет.* Таллин, 1966. С. 103–132, 138–142, 267–318.

³ *Потин В. М.* *Скандинавские монеты...* С. 207–213; *Седых В. Н.* *Клад шведских монет времени правления королевы Кристины из Ленинградской области//Деятнадцатая ВНК. Великий Новгород. 18–22 апреля 2017 г.: Тезисы докладов и сообщений.* М., 2017. С. 117–119; *Соболев В. Ю.* *Клады и случайные находки на территории Санкт-Петербурга//Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 г. (Труды Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ. Т. 1).* СПб., 2005. С. 230–237.

Литвы, Белоруссии, Украины, и средневекового Молдавского княжества. Между этими регионами наблюдаются существенные отличия в использовании шведских монет мелких достоинств.

На территории Московского царства находки шведских мелких монет XVII в. относительно редки. Особенно ярко это нумизматическое явление заметно на фоне многочисленных комплексов с русскими копейками, деньгами и полушками¹.

О массовых закупках шведских медных монет, в том числе плотов, свидетельствуют средневековые письменные документы. Письменные свидетельства о русско-шведской торговле в XVII столетии находятся в противоречии с данными нумизматических находок на территории Московии, так как в документах медные шведские монеты выступают важным предметом импорта для русских купцов. Данное противоречие между письменными и нумизматическими источниками в научной литературе связывают с использованием шведских монет в качестве сырья для русского ремесла².

Отсутствие собственных месторождений цветных и драгоценных металлов заставляло царские власти и население Московии активно использовать для своих нужд в качестве сырья европейские монеты³. Дополнительным стимулом в этом процессе могли послужить отличия в оформлении русских и шведских монет.

Принципиально иной была ситуация на землях Речи Посполитой и средневекового Молдавского княжества. В этом регионе известны многочисленные клады с мелкими номиналами монет Шведского королевства. Обращает на себя внимание то, что среди мелких шведских монет, найденных на западе Восточной Европы, почти нет денежных знаков, выпущенных на территории Скандинавии. Подавляющее большинство монет, отчеканенных от имени шведских королей и обнаруженных на землях Речи Посполитой и Молдавского княжества, составляют чеканки Риги и Эльблонга⁴. Монеты, выпущенные в Прибалтике от имени шведских монархов, известны в кладах даже на самом юге Восточной Европы в нижнем течении Днепра⁵.

Монеты прибалтийских городов отличаются не только по оформлению, но и по металлу и номиналу от денежных знаков, выпущенных

¹ Мельникова А. С. Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков. Киев, 2003. С. 109–121.

² Потин В. М. Скандинавские монеты... С. 207–211, 198–199; Скрипунцов А. В. Шведские монеты ¼ эре королевы Кристины 1633–1654. СПб., 2008. С. 78.

³ Спаский И. Г. Русские ефимки... С. 5.

⁴ Абызова Е. Н., Бырня П. П., Нудельман А. А. Древности Старого Орхья (молдавский период). Кишинев, 1982. С. 89–90.

⁵ Пиворович В. Б. Монеты и клады юга Украины. Херсон, 2009. С. 163–167.

на территории Скандинавии. Прибалтийские монеты мелкого достоинства, отчеканенные под властью Шведского королевства, были изготовлены из биллона. Наиболее часто встречаются солиды или кратные им монеты. По своему оформлению и номиналу прибалтийские мелкие монеты, выпущенные от имени королей Швеции, соответствовали монетам Центральной Европы.

В кладах, найденных на землях Речи Посполитой и Молдавского княжества, неоднократно обнаруживали совместные находки монет мелких номиналов Шведского королевства и других европейских стран, включая чеканку Речи Посполитой¹.

Широкое распространение шведских солидов на рынке Восточной Европы привело к использованию их в культовых целях. Известны находки мелких номиналов, выпущенных в Риге и Эльблонге от имени шведских королей, в погребениях². Открытым остается вопрос о возможности использования мелких номиналов Шведского королевства в качестве украшений.

Интересным явлением было изготовление фальшивых шведских монет мелкого достоинства в XVII столетии на территории Восточной Европы. Центром их чеканки была столица средневекового Молдавского княжества — город Сучава³. Эти подделки получили широкое распространение не только в Молдавском княжестве, но и на территории сопредельных государств. Чеканка подобных фальшивок свидетельствует об активном использовании в повседневном обращении шведских монет мелких номиналов.

На основании нумизматических материалов можно сделать вывод о том, что использование монет Шведского королевства мелкого достоинства на территории Восточной Европы в XVII столетии отличалось существенным своеобразием в нескольких регионах их обращения.

На землях Прибалтики, входивших в состав Шведского королевства, Речи Посполитой и средневекового Молдавского княжества шведские

¹ Kotlar M. Znaleziska monet z XIV–XVII w. na obszarze Ukrainskiej SRR. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdansk, 1975. S. 127, 128, 137; Tezaure din Muzeele orasului Chisinau secole XVI–XVIII/coordinator V.M. Butnariu. Chisinau, 1994. P. 51, 57, 58.

² Нудельман А. А. Топография кладов и находок единичных монет. Археологическая карта МССР. Выпуск 8. Кишинев, 1976. С. 145. № 51; Tentiuc I., Bubulici V., Vasilache M., Sirbu L. Rezultatele investigațiilor arheologice de la biserica Măsarache din Chișinău în anul 2010//Tyragetia. Arheologie. Istoria Antaca. Seria Noua. Vol. 6 [21] № 1. Chisinau, 2012. P. 315, 320.

³ Dergaciova L. Fälschungen schwedischer Münzen des 17. Jahrhunderts in der Sammlung des Institutät Wien//Numismatische Zeitschrift. Band 115. Wien, 2007. S. 73–77.

мелкие монеты принимали активное участие в рыночных отношениях. Судя по материалам нумизматических кладов, подобные денежные знаки были широко распространены на землях Речи Посполитой и средневекового Молдавского княжества¹.

На территории Московского царства шведские мелкие монеты выступали преимущественно в качестве сырья, почти не смешиваясь на денежном рынке с русскими монетами.

Вероятным объяснением подобной ситуации могут служить отличия в государственной политике и технологии изготовления монет мелкого достоинства. Монеты малого достоинства Шведского королевства чеканились в соответствии с традициями Западной и Центральной Европы, в том числе Речи Посполитой².

В Московском царстве существовала своя особая традиция оформления мелких монет. В частности, русские копейки, денги и полушки чеканились на основе расплющенной проволоки. Надписи на русских монетах делались кириллицей³.

Существенное влияние на использование монет Шведского королевства мелкого достоинства на территории Восточной Европы оказывала государственная политика, которая весьма заметно отличалась в различных ее частях.

Допетровская Россия не имела собственных источников драгоценных и цветных металлов. Монетное дело Московского царства было основано на привозном сырье. Это привело к систематическому изъятию из обращения чужеземных денежных знаков для массовой чеканки собственных мелких монет⁴. При этом иноземные монеты могли использоваться не только для нужд денежной чеканки, но и как сырье для русского ремесла.

В Речи Посполитой массовая чеканка собственных малых номиналов была временно приостановлена в 1627 г.⁵ В XVII столетии оконча-

¹ Козубовский Г. А. Нумизматичні пам'ятки XVI–XVIII ст. (глава VIII)//Археологія доби українського козацтва XVI–XVIII ст. Київ, 1997. С. 178; Tezaurе din Muzeele orasului Chisinau secolele XVI–XVIII/coordinator V. M. Butnariu. Chisinau, 1994. P. 94.

² Ср.: Douchis R. J., Ivanauskas E. Pocket catalogue of Lithuanian coins. Kaunas, 2004. P. 68–75; Sveriges Mynt 1521–1977/B. Ahlström. Y. Almer, B. Hemmingsson. Stockholm, 1976. S. 81–165.

³ Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. С. 261–296.

⁴ Она же. Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. М., 2005. С. 268.

⁵ Горячев С. А. Монеты короля Сигизмунда. СПб., 1998. С. 6; Mikolajczyk A. Einführung in die neuzeitliche Münzgeschichte Polens. Lodz, 1988. S. 50.

тельно прекратился выпуск собственных монет в средневековом Молдавском княжестве¹. Иноземные монеты, в том числе шведские, стали главным компонентом повседневного денежного обращения в этих странах.

На основании рассмотренных нумизматических материалов можно сделать вывод о том, что на территории Восточной Европы в XVII столетии монеты Шведского королевства играли важную роль в экономике, однако использование данных номиналов имело существенные отличия в различных политических образованиях.

МИРОВОЙ КРИЗИС СЕРЕБРА И МЕДНЫЕ КРЕДИТНЫЕ ДЕНЬГИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ XVII ВЕКА (Реформы Яна II Казимира и Алексея Михайловича)

Р. И. Крицук (Минск)

Вторая половина XVII в. известна проведением двух денежных реформ, во время которых происходил выпуск кредитных денег чрезвычайных обстоятельств. В Речи Посполитой в период 1659–1667 гг.² реализовалась денежная реформа итальянского ученого Тита Ливия Боратини (1617–1681?). С целью экономии серебра Боратини инициировал выпуск шелягов (солидов) из меди, которые по курсу равнялись с биллонными монетами. Кроме выпуска медных денег, в 1663–1666 гг. осуществлялась чеканка низкопробных тымфов (30 грошей, при содержании серебра в монете на 12–13 грошей). Причиной реформ был катастрофический дефицит бюджета и нехватка денег для содержания армии, которая была нужна для ведения войны с украинскими казаками, Московским государством и королевством Швеция.

Московское государство с 1654 г. вело войну с Речью Посполитой, а с 1656 г. и с королевством Швеция. Постоянные военные расходы, коренное отличие между русскими проволочными монетами и моне-

¹ *Бырия П. П., Руссов Н. Д.* Монеты средневековой Молдавии. (Историко-нумизматические очерки)//Stratum plus. СПб., Кишинев, Одесса, 1999. № 6. С. 242–243.

² Формально выпуск медных шелягов был остановлен в 1666 г., но некоторые монетные дворы ВКЛ чеканили их в начале 1667 г. При этом монеты с датой «1667» не известны, что объясняется использованием старых штемпелей.

тами Восточной Европы, которые ходили на занятых русскими войсками землях, подтолкнули царя Алексея Михайловича к проведению денежной реформы в 1654 г. Однако уже в следующем году суть чеканки новых монет кардинально поменялась — вместо монет европейского типа, которые должны были идти на содержание войска на Украине и в Речи Посполитой, началась эмиссия медных копеек для внутренней торговли¹. В 1662 г., после «Медного бунта», чеканка медных денег была остановлена.

Массовая чеканка медных монет в Московском государстве и Речи Посполитой имеет несколько схожих факторов.

В обоих государствах выпуск монеты был вызван нехваткой бюджета и военными действиями. Монеты чеканились из меди и были официально приравнены к серебряным монетам. Как Речь Посполитая, так и Московское государство предпочитали собирать налоги качественной серебряной и золотой монетой, а выплачивать жалование — медной. В обоих случаях чеканка медных денег была прервана — через народное восстание и через постановление сейма. Однако существует еще один фактор, который, вероятно, является основной причиной массовой чеканки неполюценных денег как в Речи Посполитой и Московском государстве, так и в Европе в целом.

Денежная система Речи Посполитой и Московского государства, несмотря на большие различия, колоссально зависела от качественной привозной серебряной монеты. В обоих случаях эта монета поступала через торговлю со странами Западной Европы. В Москве, где существовало ограничение на хождение европейских монет, происходила перечеканка талеров в копейки и деньги. В Речи Посполитой иностранные монеты ходили без ограничений, изредка по постановлению сейма перечеканивались только низкопробные номиналы, которые несли угрозу экономической системе страны. А в Западную Европу серебро по большей части попадало из Нового Света.

В 1492 г. Испания основывает свои первые колонии в Америке. На территории современной Мексики и Перу к середине XVI в. были открыты огромные серебряные месторождения. Так, в известном с 1540 (или 1545) г. месторождении Серро Рико де Потоси на территории современной Боливии добывалось более 200 т серебра в год. К концу XVI в. в Серро Рико добывалось около половины мирового

¹ Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. С. 203–204.

количества серебра. В тот же момент годовая добыча серебра в Европе составляла 20–30 т в год и была менее ликвидной, чем американские прииски. Как следствие, к началу XVII в. разработка европейских месторождений была заморожена. Серебро из Нового Света сначала поступало в Испанию, откуда в виде разменной монеты расходилось по всей Европе. В Речь Посполитую монеты поступали в основном через Ригу в качестве платы за экспорт зерна и древесины. Кроме того, с XVI в. значительно возрастает торговля с Востоком, а, соответственно, и экспорт серебра в Османскую империю, Левант, Египет и другие территории. Так с 1600 по 1652 г. количество вывозимого серебра в Левант увеличилось с 26 до 52 т в год¹.

На рубеже XVI–XVII вв. серебряные рудники Нового Света иссякают. Одной из первых стран, которая сталкивается с этой проблемой, становится Испания. С целью покрытия дефицита бюджета начинается неограниченная чеканка сначала низкопробных серебряных, а потом и медных монет. В результате неконтролируемой инфляции в 1607 г. Испания из могущественной империи превращается в страну-банкрота. Вслед за Испанией по всей Европе начинается цепная реакция, которую часто подогревали многочисленные войны. Наиболее показательна ситуация на территории многочисленных государств, входивших в состав Священной Римской империи. Чеканка монет была основана на действии Аугсбургского монетного устава 1559 г. (с дополнениями 1566 г.), выполнение норм которого имперская власть контролировала крайне слабо². Толчком к тотальному выпуску денежных суррогатов (*Kipper- und Wipperzeit*) стала Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. Это привело к подорожанию крупных серебряных монет, таких как талер. Так, в 1587 г. в Вене за талер давали 69 крейцеров, в 1607 г. — 76, в 1617 г. — 90. После начала войны, в октябре 1619 г. — 108 крейцеров, в декабре — 124, в январе 1620 г. — 140, в июне — 186, в сентябре — 270, в ноябре — 330 крейцеров. Пиком инфляции стал 1622 г. — весной за талер давали 600 крейцеров³, а осенью — больше 1000⁴. В 1623 г.

¹ North M. Kipperkrise und Kreditpapiere. Kleine Geschichte des Geldes: vom Mittelalter bis heute. С. Н. Beck, 2009. S. 95–96; *Kindleberger Ch. P.* The Economic Crisis of 1619 to 1623//The Journal of Economic History. 1991. Vol. 51. № 1 (March). P. 152.

² Kipper und Wipper. Wörterbuch der Münzkunde. Friedrich von Schrötter et al. De Gruyter, 1970. S. 306.

³ *Kindleberger Ch. P.* The Economic Crisis of 1619 to 1623. P. 159.

⁴ Дуцмане К. Вызванный Тридцатилетней войной (1618–1648) монетный кризис в Германии и его влияние на территорию Латвии//Psucie pieniądza w Europie Środkowo-Wschodniej od antyku po czas współczesny. Polskie Towarzystwo Numizmatyczne. Warszawa. 2006. S. 134.

имперскими властями была предпринята попытка возвращения к нормам Аугсбургского монетного устава, которая на некоторое время остановила инфляцию. На территории Германии ситуацию с выпуском неполноценных монет усложнила традиционная практика сдачи монетных дворов в аренду частным лицам. Немецкие курфюрсты с целью получения наибольшей прибыли инициировали создание новых монетных дворов, что привело к абсурдной ситуации, когда в одном городе могло действовать до 20–30 монетных дворов. Инфляция в Речи Посполитой носила другой характер — проба серебра в монетах официально понижалась сеймом. Как и в случае с Германией, толчком к понижению пробы стали неудачные войны: война со Швецией и интервенция в Россию. Так, в Задвинском герцогстве, которое принадлежало Речи Посполитой, в 1615 г. талер стоил 123–126 шелягов, в 1618–135 шелягов, в 1619 г. — 147–156 шелягов. В начале 1620 г. в Варшаве, Вильне и Риге за талер давали 255 шелягов¹. Инфляционные процессы сильно испугали элиту Речи Посполитой, которая на сейме 1627 г. закрыла большую часть монетных дворов и разрешила выпускать монеты номиналом не ниже полуталера², что по факту свело на нет собственные эмиссии. В 1649 г., при Яне II Казимире запрет на чеканку мелкой монеты был снят³, но нехватка серебра привела к чеканке медных кредитных денег.

Реформы Яна II Казимира и Алексея Михайловича по выпуску медных кредитных денег завершали европейские денежные преобразования, вызванные кризисом серебра. В Речи Посполитой чеканка медных денег не вызвала такого сильного противостояния, как в Русском государстве. Это позволило как оставить медные шеляги в денежном обращении после окончания войны, так и продолжить чеканку медных монет в будущем. В России появление медных денег стало возможным только с полной перестройкой монетной системы на европейский манер Петром I. Стоит отметить, что нумизматы практически не учитывают влияние кризиса серебра на денежную политику Русского государства и Речи Посполитой.

¹ Дуцмане К. Вызванный Тридцатилетней войной... S. 134.

² Volumina Legum. Т. 3. Petersburg, 1859. S. 261–262, 294, 320.

³ Там же. Т. 4. Petersburg, 1859. S. 131.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О ЖАЛОВАНИИ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ XVII ВЕКА

К. В. Горлов (Санкт-Петербург)

Монетные клады эпохи средневековья занимают видное место в ряду источников характеризующих социально-экономическую составляющую жизни общества и историю денежного обращения.

Отличительной особенностью большинства русских монетных депозитов XVI–XVII вв. является их назначение в качестве «отложенных» денег (монетных резервов), а не сокровищ. На это указывает небольшой размер депозитов, относительное единообразие скрывааемых сумм, а также асинхронность времени выпадения большинства кладов с какими-либо масштабными драматическими событиями.

Причина этого феномена кроется в отсутствии у рядового городского и сельского населения возможности накопления богатств ввиду относительно равного соотношения величины заработков с тратами. Представители высшей социальной прослойки в обычных жизненных обстоятельствах в землю свои сокровища не зарывали. Кроме того, сами монеты-чешуйки плохо подходили на роль воплощения значительного благосостояния. Функцию сокровищ выполняли земельные владения, движимое и недвижимое имущество, драгоценности, «мягкая рухлядь», а также иноземные монеты. Поэтому сокрытие кладов XVI–XVII вв. (за исключением периода Смутного времени) следует рассматривать как способ сбережения небольших излишков денег с возможностью их легкого введения в денежный оборот¹.

Интересным подтверждением этому служит наблюдение В. В. Зайцева над крестьянскими кладами Комарицкой волости, которые, по мнению исследователя, были сформированы из капиталов, полученных от продажи хлеба, организованной правительством Бориса Годунова в 1601–1603 гг.² Полученные деньги незамедлительно были укрыты в привычном и, вероятно, наиболее надежном месте.

¹ Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Великого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. С. 155, 156; Векслер А. Г., Мельникова А. С. Российская история в московских кладах. М., 1999. С. 121, 123.

² Зайцев В. В. Клады начала XVII в. как источник по ранней истории Комарицкой волости // Нумизматика на рубеже веков. НС ГИМ. Ч. 15. (Труды ГИМ. Вып. 125). М., 2001. С. 262–275.

В конце XVI — начале XVII в. Русское государство подверглось серьезным потрясениям. Клады Смутного времени, словно лакмусовая бумага, отразили в своем составе трагические события, происходящие в стране: интервенция, процесс децентрализации, военные действия и др.

— Возрастает общее количество кладов, основное число которых приходится на период правления Василия Шуйского;

— Депозиты перестают быть в большинстве «отложенными» деньгами. Ввиду опасности, угрожающей владельцам кладов, в их состав попадают не только излишки монет, но и прочие ценности;

— Увеличиваются и сокрытые суммы. Появляются крупные и чрезвычайно крупные клады, часть которых, вероятно, принадлежала высшей социальной прослойке, представители которой, несмотря на свой высокий статус, в условиях гражданской войны и интервенции оказались под угрозой¹.

Одна из задач, встающих перед исследователями при работе складами, заключается в установлении социального облика их возможных владельцев. Ответ на этот вопрос можно получить в результате комплексного анализа размера сокрытой суммы, исторической топографии места находки, времени тезаврации, социально-бытовых условий жизни населения, исторической обстановки в момент сокрытия и особенностей структуры депозитов².

В результате такого подхода были выделены группы кладов, характерные для различных социальных групп (крестьян, ремесленников, торговых людей). При этом большое внимание исследователи уделяли депозитам, единовременно сформированным из жалований служилых людей по «отечеству» и «прибору». В условиях войны именно эта часть населения подвергалась наибольшей смертельной опасности, в результате чего их капиталы оставались не востребованы.

Наиболее ранние клады, составленные из жалований служилых людей, относятся к событиям Казанского похода³.

Смутное время дало новый пласт аналогичных комплексов, к которым стоит отнести, например, клад, найденный в Московском Кремле.

¹ Мельникова А. С. Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков. Киев, 2003. С. 93–185.

² Она же. Служилые люди Василия Шуйского по данным монетных кладов//Очерки феодальной России. Вып. 2. М., 1998. С. 88; Она же. Русские монетные... С. 7–106; Таценко С. Н. О кладовладельцах «Смутного времени» (на примере четырех московских кладов)//НС ГИМ. Т. 16. (Труды ГИМ. Вып. 138). М., 2003. С. 197–218.

³ Векслер А. Г., Мельникова А. С. Российская история... С. 86, 87.

Его владелец спрятал свой заработок в изразце, вероятно, перед защитой столицы от войск Болотникова¹.

Еще один подобный клад был обнаружен в столице на Пятницкой улице и содержал помимо серебряных монет 21 золотую денежку, чеканка которых осуществлялась для служилых людей, мобилизованных для проведения летней кампании 1610 г. А. С. Мельникова определила во владельце клада стрельца, получившего жалование накануне можайского сбора ратных сил².

В 2016 г. были изучены два монетных клада периода Смутного времени. Оба клада были открыты в результате археологических исследований с точно известными местами находки и полнотой состава. Первый обнаружен при исследовании Ладожской каменной крепости в 2015 г. На основании дат чеканки младших монет время его сокрытия относится к 1608 г.³ Второй клад был найден в крепости Копорье археологической экспедицией О. В. Овсянникова в 1970 г., но в научный оборот фактически введен не был. Младшие монеты относят время его сокрытия к 1606 г.

Оба депозита связывает близость сокрытых в них сумм. В ладожском тайнике было укрыто 64 копейки, 1 денга и 1 полушка, а в Копорье схоронено около 50-ти копеек.

Такие суммы не типичны ни для демократических капиталов торговцев и ремесленников, живущих в городах, ни для крестьян. В кладах сельского населения второй половины XVI — начала XVII в. обычной была сумма от одного до 3–6 рублей, для городского — немного больше.

Однако сопоставление сумм из рассматриваемых кладов с ценами на товары рубежа XV–XVI вв. в контексте высокой покупательной стоимости копейки позволяет заключить, что в Ладоге и Копорье были спрятаны не такие уж и маленькие деньги. Так, например, на капитал ладожского клада можно было купить примерно 5 коров или 25 баранов⁴.

Местонахождение кладов, — в кольце крепостных стен, — позволяет предположить, что оба комплекса представляют собой деньги, сокрытые людьми, находящимися на службе в гарнизонах крепостей, состоящих на тот момент из русских войск.

¹ Мельникова А. С. Служилые люди... С. 93, 94; Она же. Русские монетные клады... С. 98.

² Она же. Служилые люди... С. 101.

³ Горлов К. В., Григорьева Н. В., Лапшин В. А., Травкин С. Н. Клад русских средневековых монет из Ладожской каменной крепости // *Stratum plus*. 2017. № 6. С. 211–236.

⁴ Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. С. 111, 113.

Из письменных источников следует, что денежное жалование стрельцов «городовых» (т. е. несших службу не в Москве) составляло всего 50–75 копеек в год и земельный надел по месту службы¹.

Известно, что в 1611 г. от стрельцов из Ладоги к московским властям последовала челобитная о невыплате жалованья. Согласно этому документу, рядовому стрельцу полагалось два рубля в год, а причиной челобитной было то, что казна не выплатила сумму полностью. В частности за поход на Копорье было уплачено только по полтине, а за Ладогу — по рублю².

Таким образом, можно предположить, что оба клада являются спрятанными жалованиями служилых людей, возможно стрельцов «городовых».

В пользу этого говорит и отсутствие кладовой тары. Монеты ладожского клада были завернуты в шерстяную ткань. Об упаковке клада из Копорья данные отсутствуют, то есть он не был спрятан в кубышку, которая являлась традиционным вместилищем классических кладов.

Обращает на себя внимание и отсутствие среди капиталов обоих комплексов «воровских» денег которые не могли быть выданы из казны.

В пользу единовременного формирования комплексов может говорить и вес монет. Ручная техника чеканки допускала весовые отступления от заданной весовой нормы как в меньшую, так и большую сторону. В русские клады длительного накопления их владельцы откладывали, как правило, тяжелые монеты.

В рассмотренных нами комплексах зафиксировано значительное колебание веса монет. В ладожском кладе основная масса копеек (16 из 20) имела вес от 0,64 до 0,68 г. Большинство денег (76 из 83) соответствовали пределам от 0,29 до 0,34 г. Полушки по весу колебались от 0,14 до 0,16 г. В кладе из Копорья масса копеек колеблется от 0,59 до 0,70 г.

Обращение к номиналам монет показывает, что комплекс из Копорья сформирован в основном из копеек и имеет таким образом классическую структуру, сходную с большинством депозитов. В комплексе из Ладоги прослеживается значительное преобладание мелких номиналов над крупными, на 20 копеек (17,2%) приходится 83 денги (71,5%) и 13 полу-денег (11,3%), что несвойственно для русских средневековых кладов конца XV–XVII вв.³ Особого внимание заслуживает присутствие здесь полушек, которые в состав кладов попадали чрезвычайно редко.

¹ Мельникова А. С. Русские монетные клады... С. 97.

² Селин А. А. Ладога при Московских царях. СПб., 2008. С. 153, 154.

³ Гайдук П. Г. Русские полушки XVI–XVII вв. с надписью «ГОСУДАРЬ» // Российская археология. 1999. № 3. С. 79.

На основании преобладания в кладе монет мелкого номинала (которые находились в повседневном обращении у населения) над крупным, можно сделать осторожное предположение, что жалование могло быть выплачено из казны уже мелкой монетой. Возможным объяснением этого факта является все более ухудшающаяся экономическая ситуация в стране (даже по сравнению с 1606 г.).

Таким образом, клады из Ладоги и Копорья входят в группу «чрезвычайных» кладов — единовременного жалования, сокрытого в экстренной ситуации. Об этом свидетельствует особенности их структуры и данные письменных источников.

НАБОРЫ ДЛЯ ВЗВЕШИВАНИЯ МОНЕТ В СОБРАНИИ ОТДЕЛА НУМИЗМАТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

О. А. Степанова (Санкт-Петербург)

Во время подготовки постоянной экспозиции ОН ГЭ началась работа по систематизации наборов для взвешивания монет, была уточнена атрибуция семи комплектов западноевропейских и двух комплектов русских весов¹.

1. Голландия. Амстердам. Мастерская Дриленбурга². Набор для взвешивания монет, датированный 1654 г.³ (Инв. № Р-1972). В деревянный футляр, украшенном цветочным орнаментом размером (12,7 × 6,8 × 4,1 см), вложены равноплечные весы с двумя чашками: круглой для помещения гирек и треугольной для монет. Всего в комплекте хранятся 38 гирек. На гирьках клеймо мастера и дата 1648 г. Набор, поступивший в собрание в 1950 г., был приобретен через Ленинградскую государственную закупочную комиссию.

¹ Автор выражает благодарность хранителям ОН ГЭ Т. И. Слеповой и Е. В. Лепёхиной.

² Якоб Дриленбург (Jacob Drielenburgh) родился в Амстердаме в 1621 г., умер 11.07.1680. (Zevenboom, К. М. С. Wittop Koning D. A. Nederlandse Gewichten: Stelsels, Ijkwezen, Vormen, Makers en Merken. 1970. P. 200. № 12.)

³ Ср. Комплект весов 1677 г. — *Fritz Rudolf Künker Münzenhandlung*. Geprägtes Gold aus drei Jahrtausenden, Münzen und Medaillen des Erzbistums Salzburg in Gold und Silber, Sammlung von Münzwaagen und Gewichten. Katalog zur 117. Auktion 28. September 2006. S. 200 № 6437.

2. Голландия. Амстердам. Мастерская Якоба Адмирала Младшего¹. Набор для взвешивания монет, 1752 г. (Инв. № Р-1976). В деревянный футляр (размером 15,8 × 8,9 × 3,6 см) вложены весы и 37 гирек. Набор поступил в 1938 г., был передан из Музея Института истории АН СССР. Происходит из коллекции Н. П. Лихачева.

3. Голландия. Амстердам. Мастерская Мартина де Бакера (?)². Набор для взвешивания монет. (Инв. № ОН-3-Н-11113). В деревянный футляр (размером 9,3 × 3,3 × 1,8 см) вложена 21 гирька. На гирьках монограмма сына Мартина де Бакера — Адольфа³. Поступил в 1989 г. из фондов отдела археологии Восточной Европы и Сибири Эрмитажа (*Цв. вкл. XIX*).

4. Франция. Лимож. Мастерская Жана Бардонно («Jean Bardonnaud»). Набор для взвешивания монет. Первая четверть XVII в. (Инв. № Р-1973). Футляр, обтянутый кожей, с выдвигающимся ящичком и закрывающимся внутри отделением запирается на ключ (Размер 20,5 × 10,6 × 3,8 см). В футляр вложены весы и 17 гирек. Поступление до 1941 г.

5. Франция. Набор для взвешивания монет. XIV–XVII вв. (?). (Инв. № Р-1977). В деревянный футляр (размером 24 × 12,4 × 4,9 см) вложены весы и 27 гирек. Поступил в 1927 г. из отделения средних веков и эпохи Возрождения Эрмитажа.

6. Франция. Париж. Фирма «Jecker & Co.»⁴. Складные весы для взвешивания монет с гравировкой «Jecker Paris», закрепленные в деревянный футляр (размер 17 × 2,7 × 1,8 см) с вклеенной изнутри бумажной вкладкой с курсом золотых монет. Ок. 1800 г. (Инв. № Р-1975). Внутрь вложена 1 гирька с гравировкой «7 gros». Набор был передан

¹ Якоб Адмирал Младший родился в Амстердаме 14 января 1699 г., умер 12 сентября 1770 г. (*Zevenboom K. M. C. Wittop Koning D. A. Nederlandse Gewichten: Stelsels, Ijkwezen, Vormen, Makers en Merken. 1970. P. 94*).

² Из-за плохой сохранности трудно определимы. Возможно, является южно-голландским подражанием (см.: *Pol A. Enkele zuid-nederlandse imitatities van Amsterdamse muntgewichtdoosetiketten. Overdruk uit het Jaarboek van het Europees Genootschap voor Munt- en Penningkunde (1986) P. 118. № 12 c.*)

³ Адольф де Бакер (Adolf de Backer) (*Zevenboom K. M. C. Wittop Koning D. A. Nederlandse Gewichten: Stelsels, Ijkwezen, Vormen, Makers en Merken. 1970. P. 199 № 7, P. 244, 245 № 4*).

⁴ «Paris. F. A. Jecker, rue des Marmousets, 1765–1834). Жекер работа с 1786 г. в Лондоне, в 1792 г. основал собственное производство весов в Париже в 1792 г. Ср. *Fritz Rudolf Künker Münzenhandlung. Geprägtes Gold aus drei Jahrtausenden, Münzen und Medaillen des Erzbistums Salzburg in Gold und Silber, Sammlung von Münzwaagen und Gewichten. Katalog zur 117. Auktion 28. September 2006. S. 194 № 6416; Ср. Fritz Rudolf Künker Münzenhandlung. Münzen und Medaillen aus Mittelalter und Neuzeit u. a. die Hennebergsammlug Horst Nussmann, Papiergeld-Münzwaagen. Auktion 254. 6/7. Oktober 2014 in Osnabrück 2006. S. 401 № 4176.*

в 1938 г. из Музея Института истории АН СССР. Происходит из коллекции Н. П. Лихачева.

7. Берлин. Набор для взвешивания монет начала XIX в.¹ (Инв. № Р-1974) В футляр (размер 18,9×9,7×2,7 см) обтянутый кожей, внутри обклеенный бархатом, вложены весы, 18 гирек. Поступил в 1927 г. в дар от А. А. Ильина.

8–9. Россия. Монетные весы с выдвижным ящичком XVIII в. (Инв. № ОН-Р-2–17729) (размер 24,3×12×22,8 см) и монетные весы XIX в. (Инв. № ОН-Р-2–17730.). И. Г. Спасский написал в служебной записке 1979 г. об обстоятельствах их появления в отделе нумизматики следующее: «двое старинных чашечных монетных весов (возможно еще XVIII в.), списанных по требованию инспектора Палаты мер и весов и подлежащих уничтожению, но сохраненных мною в отделе»².

Кроме того, в собрании ОН ГЭ хранится три комплекта западно-европейских весов и один комплект русского производства фирмы И. Э. Мильк (Санкт-Петербург), находящиеся сейчас в процессе реставрации.

МОНЕТЫ В ОПИСЯХ ИМУЩЕСТВА РУССКИХ МОРЯКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

К. Б. Назаренко (Санкт-Петербург)

Наши знания о мире предметов, окружавших людей XVIII в. в повседневной жизни, ограничены. Важными источниками, которые позволяют пролить свет на эту сторону жизни, являются посмертные описи имущества и данные о распродажах выморочного имущества офицеров. Несколько таких документов сохранилось в РГАВМФ. Фактически они представляют собой «моментальный снимок» имущества офицера флота первой половины XVIII в. Обратимся к их характеристике.

¹ А. А. Ильин датировал эти весы началом XIX в. Ср. Берлинские весы после 1857 г. (1857/1872 г.)// *Fritz Rudolf Künker Münzenhandlung. Münzen und Medaillen aus Mittelalter und Neuzeit u. a. die Hennebergsammlung Horst Nussmann, Papiergeld-Münzwaagen. Auktion 254. 6/7 Oktober 2014 in Osnabrück 2006. S. 400 № 4174.*

² Хранительская документация ОН ГЭ.

Среди прочих документов нами была обнаружена опись имущества инженера-фортификатора (не имевшего военного чина) Ягана Регузина¹, который был нанят на русскую службу до 1700 г., работал на строительстве укрепления Троицкого под Азовом и военной гавани в Таганроге и умер в сентябре 1702 г. Он не был моряком, но состоял в морском ведомстве в качестве инженера. Регужин оставил после себя сравнительно большое количество одежды и другого имущества, стоимостью (по нашей оценке) свыше 100 рублей. Среди его имущества значился «ящик, окован железом, с письмами немецкими², в нем денежник малый под череном медным»³, т. е. специальная шкатулка для денег, закрепленная внутри ящика для бумаг медным засовом. Тем не менее, в описи значится ничтожная сумма наличных денег — 2 алтына 2 деньги (7 копеек). Вероятно, это связано с тем, что все наличные деньги покойного были потрачены на организацию похорон.

Другая опись имущества капитана флота (примерно соответствовал чину полковника) Луки Стеля⁴, происходившего из Средиземноморья. Он был принят на русскую службу в 1698 г. капитаном галерного флота, но командовал парусными кораблями («Разженное железо», «Святой Георгий», «Еж»), служил в Азовском флоте, умер в Азове 11 октября 1709 г.⁵ В описи имущества Стеля прямо указано, что денежные средства зафиксированы уже после совершения расходов на похороны. Стель был наиболее состоятельным из офицеров, чьи описи имущества были нами обнаружены. В общей сложности его наследство превышало в денежном выражении 1000 рублей.

Акт распродажи имущества Джона (Яна, Ивана) Бекмана, капитан-командора флота (соответствовал чину сухопутного бригадира, выше полковника, ниже генерал-майора)⁶. Англичанин Бекман был принят на русскую службу в 1698 г. капитаном, командовал кораблем «Безбоязнь». В 1699–1711 гг. исполнял обязанности старшего флагмана Азовского флота, в 1709 г. был произведен в капитан-командоры красного

¹ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 22. Л. 955–957.

² Необязательно письма были на немецком языке. Согласно словоупотреблению петровской эпохи, под «немецкими письмами» могли подразумеваться бумаги на одном из западно- или североевропейских языков — *К. Н.*

³ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 22. Л. 956 об.

⁴ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 8. Л. 16–18.

⁵ Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 1. С. 362–363.

⁶ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 34. Л. 234–235.

флага. 16 сентября 1711 г. умер в Азове¹. Акт распродажи имущества, естественно, не фиксировал оставшиеся после покойного наличные деньги. Обращает на себя внимание скромное имущество, оставленное им, что особенно заметно на фоне имущества Стеля, хотя Бекман был старше чином и получал большее жалование.

Сохранился перевод собственноручной описи имущества штурмана Германа (Ермана) Ситца². О Ситце нам известно, что он был голландским подданным из Фрисландии, служил на судах русского флота в Астрахани и умер во время похода в июле 1715 г. в гавани Красные Воды. Опись имущества Ситца включала лишь ту его часть, которую он оставил на хранение в Астрахани у врача И. М. Роста, уходя в морской поход. Впрочем, очевидно, что ему не было нужды брать с собой большую сумму денег или ценное имущество. Следует отметить, что штурманы в то время не считались офицерами, а относились к категории старших унтер-офицеров, занимавшей промежуточное положение между офицерами и нижними чинами (наряду с боцманами, шкиперами, корабельными подмастерьями и др.). Тем не менее, Ситцу удалось скопить очень солидную для человека его положения сумму — без малого 230 рублей.

Еще одна опись имущества, оставшегося у вдовы капитана Сибирского солдатского (пехотного) полка Друзицкого³, дает материал для сравнения накоплений моряков и сухопутных офицеров. Эта опись оказалась среди бумаг морского ведомства в связи с тем, что полк в 1715 г. нес службу на Аландских островах и временно находился в подчинении флота⁴. Друзицкий происходил из русских подданных. Умер около 6 октября 1715 г. Дата смерти определена нами исходя из того, что вдове Друзицкого было выдано заслуженное жалование ее мужа за 1 месяц и 6 дней, прошедших после выплаты последнего третнего жалования. Жалование в XVIII — первой половине XIX в. выдавалось трижды в год — на Пасху, 1 сентября и на Рождество. Поскольку соседние документы дела датированы ноябрем 1715 г., очевидно, что капитан получил последнее третнее жалование 1 сентября и прослужил после этого 1 месяц и 6 дней. Составление описи его имущества, вероятно, преследовало цель обеспечить выплату долгов покойного. Поскольку его вдова выплатила все долги (что

¹ Общий морской список... С. 38.

² РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 35. Л. 86–86 об.

³ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 94. Л. 282–283.

⁴ Рабинович М. Д. Полки петровской армии 1698–1725: Краткий справочник. М., 1977. С. 35.

зафиксировано в той же описи), оставшаяся после капитана наличность не была учтена.

Наконец, сохранилась опись имущества и акт его распродажи лейтенанта морской артиллерии (соответствовал чину армейского капитана) Якова Арзамасцева¹, который служил в Азове и умер там же в мае 1738 г. Другие детали его биографии неизвестны. В описи имущества Арзамасцева наличные деньги не упомянуты. В этом случае нельзя исключать возможность кражи части имущества покойного до составления описи.

Среди многочисленных предметов одежды, аксессуаров, оружия, столовых и постельных принадлежностей, упряжи описи упоминают денежные средства, причем в некоторых случаях указывается не только общая сумма, но и подробно перечисляются разновидности монет, оказавшихся среди имущества флотских офицеров.

Приводимая ниже таблица (*табл. 1*) содержит данные о наличии в описях и актах распродажи имущества монеты — старой и новой русской чеканки, а также иностранной монеты, данные о примерной стоимости имущества и размерах долгов офицеров.

Приведенные данные позволяют сделать несколько выводов. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что оставленное офицерами имущество значительно различается по стоимости, даже если они получали схожее жалованье. Очевидно, это связано с разным отношением к деньгам — одни копили имущество и деньги, а другие — нет.

В структуре накоплений офицеров-иностранцев (Стеля и Ситца) иностранная монета занимает сравнительно скромное место — у Стеля около 1/3 его наличности, а у Ситца — около 1/8. Преимущественно в качестве иностранной монеты представлен голландский золотой — мировая валюта того времени и лишь незначительно — талеры.

Среди русской монеты в накоплениях Стеля абсолютно доминирует монета новой чеканки (свыше 99%), тогда как в сбережениях Ситца — старой чеканки (свыше 96%).

Закономерно, что больше всего наличных денег оставили наиболее бережливые офицеры — Стель и Ситц. Их имущество и денежные средства составляли примерно 1,5–2 их годовых жалованья. У прочих

¹ РГАВМФ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 16. Л. 67–74 об. Частично опубл.: Назаренко К. Б. Опись имущества лейтенанта морской артиллерии Я. Арзамасцева как источник по истории русского морского костюма 30-х гг. XVIII в. // История военного костюма: от древнего мира до наших дней: Материалы II международной военно-исторической конференции. СПб., 2017. С. 76–84.

Монеты в имуществе умерших офицеров

	Я. Регужин	А. Стель	Я. Бекман	Е. Ситц	Друзицкий	Я. Арзамасцев
Период службы в России	Не позднее 1700 — сентябрь 1702 г.	1698 — октябрь 1709 г.	1698 — сентябрь 1711 г.	? — июль 1715 г.	? — октябрь 1715 г.	? — май 1738 г.
Русские деньги новой чеканки	Нет	409 руб. 5 коп. (после расходов на погребение)	Нет данных	5 «рублевиков московских» 2 полтинника 45 алтынников	Нет данных	Нет данных
Русские деньги старой чеканки	2 алтына 2 денги (7 коп.)	1 ⁴ алтына 4 денги (44 коп.)	Нет данных	190 руб. в 3 мешках (100 руб.; 50 руб.; 40 руб.)	Нет данных	Нет данных
Червонцы голландские	Нет	75	Нет данных	6	Нет данных	Нет данных
Талеры	Нет	2 («ефимки»)	Нет данных	8 («ефимки голландские битые»)	Нет данных	Нет данных
Долг ему	Нет	99 руб. 1,5 коп.	Нет данных	5 руб.	5 руб.	Нет
Должен он	Нет	Нет	Нет данных		16 руб. 23 коп.	Нет
Имущество и одежда	Ок. 100 руб. (оценка моя)	Ок. 300 руб. (оценка моя)	146 руб. 76,5 коп.	Ок. 50 руб. (оценка моя)	Ок. 50 руб. (оценка моя)	118 руб. 27 коп.
Примерная общая оценка имущества и долгов	Ок. 100 руб.	Ок. 1015 руб.	Свыше 147 руб.	Ок. 283 руб.	Ок. 40 руб.	Свыше 118 руб.
Годовое жалованье ¹	?	Ок. 600 руб.	Ок. 800 руб.	Ок. 120 руб.	123 руб.	123 руб.
Всего						
Наличных	7 коп.	Ок. 615 руб.	Нет данных	Ок. 229 руб.	Нет данных	Нет данных
В том числе иностранная монета в пересчете на русскую ²	Нет	Ок. 205 руб.	Нет данных	Ок. 31 руб.	Нет данных	Нет данных

¹ Данные, помеченные «ок.» сугубо приблизительные, поскольку в начале XVIII в. при найме иностранных офицеров были распространены персональные контракты, жалованье значительно различалось даже у офицеров в равных чинах. Мы не располагаем точными данными о жалованье Регужина, Стеля, Бекмана и Ситца.

² Пересчет приблизительный в связи с колебаниями курса талера и червонца по отношению к рублю.

стоимость имущества меньше одного годового жалования. Также характерно, что капитаном Стелем, самым богатым из офицеров, данные об имуществе которых мы анализировали, была роздана в долг самая большая сумма — почти 100 рублей, тогда как сам он долгов не имел. Обращает на себя внимание то, что в наследстве Ситца доминирует наличность (свыше 80 % оставленного им имущества), у Стеля наличность составляет около 60 % наследства, а у прочих офицеров наличность либо не зафиксирована, либо составляет ничтожную долю оставшегося после них имущества. Несомненно, что определенная часть оставшейся после смерти владельцев наличности была потрачена на организацию похорон, но мы не имеем данных, чтобы судить о том, какой могла быть стоимость похорон в то время для данной социальной среды.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ СИБИРИ XIX ВЕКА: РАССУЖДЕНИЯ ПО ПОВОДУ МЕДНЫХ РАЗМЕННЫХ ДЕНЕГ¹

Е. М. Свирина (Москва)

Денежное обращение Сибири традиционно подразумевается, но не выделяется при описании денежного обращения Российской империи. Это связано с тем, что деньги Российской империи свободно ходили на территории Сибири в качестве средств платежа, единиц расчета и средств уплаты налогов. Отдельных исследований, посвященных особенностям денежного обращения Сибири в период ее колонизации и развития на сегодняшний момент нет. Хорошо известны² региональные медные монеты, выпускавшиеся для Сибирской

¹ По результатам научного исследования, выполненного в рамках гранта Labex Transfers, август — сентябрь 2017. ENS. PARIS.

² См. например: *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 4-е изд. Л., 1970. С. 205; *Федотов А. В.* Развитие денежного обращения в России // Вопросы региональной экономики. 2010. Т. 3. № 3. С. 9; *Рогачевская М. А.* Региональные монетные дворы // Сибирская финансовая школа. 2009. № 1 (72). С. 132–134; *Мещеряков В. Н.* Изменения в объемах выпуска отдельных номиналов сибирской монеты на начальном этапе работы Сузунского монетного двора // Нумизматика. 2009. № 1 (20). С. 34–37 и др. исследования.

губернии¹ в период с 1763 по 1781 г.² Их выпуск был попыткой децентрализации империи и повышения управляемости и относительной самостоятельности Сибири³, а также восполнял недостаток в средствах платежа. Однако все известные автору работы представляют собой описание денег данного региона с позиции *предложения*, в то время как информация со стороны *спроса* на деньги в данном регионе, а значит и достаточности денег для обслуживания торгового оборота, отдельно не анализируется.

Теоретически законодательное закрепление законных платежных средств должно было распространяться на торговый оборот подчиненной территории. Однако текущий анализ ряда документов показал, что в Сибири государственное денежное предложение распределялось неравномерно и было недостаточным в своем объеме для обслуживания торгового оборота, что приводило к поиску других средств платежа, в том числе, натуральному обмену и кредитным отношениям⁴.

Скудность государственного денежного предложения в Сибири косвенно подтверждается рядом исторических документов. В частности, в записке директора Департамента горных и соляных дел Е. И. Мечникова, представленной министру финансов в 1818 г., говорится, что только Колыванский завод (Сузунский монетный двор) производит медные копейки и денежки для обращения на территории Сибири⁵. В 1818 г. здесь отчеканили медных монет на общую сумму 250 000 рублей⁶. При этом Екатеринбургский монетный двор отчеканил в том же году медных копеек на 557 500 рублей и денежек на 117 050 рублей⁷, которые предназначались для европейской части России. Европейская часть Российской империи несравнимо меньше

¹ Указ об их чеканке см.: ПСЗ-1. Т. 16. № 11983. С. 445–446.

² Массовая чеканка этих монет началась в 1766 г. До этого фактически выпускались только образцовые экземпляры — *Прим. ред.*

³ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 338–339.

⁴ Описание бартерных сделок и кабалы встречается, например, в работах Ю. А. Гагемейстера и Н. М. Ядринцева: *Гагемейстер Ю. А.* Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. СПб., 1854. Ч. 2. С. 587–588.; *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 357–360.

⁵ *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Александра I // *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствований императора Павла I и императора Александра I. СПб., 1891. С. 45. Документ № 80.

⁶ *Уздеников В. В.* Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах. 1700–1917. М., 1995. С. 89.

⁷ Там же. С. 72.

территории Сибири, обладала более удобными связанными речными системами и более высокой концентрацией городов, что теоретически могло обеспечивать более равномерное проникновение мелких денег в обращение. Помимо этого, мелкая разменная монета в большей степени склонна к локализации¹ (при условии множественности видов денег в стране) в отличие от монет высокого номинала, которые чаще пересекают региональные границы и преодолевают большие расстояния².

Стоит также отметить, что мелкие разменные деньги склонны к «рассеиванию» по территории с темпом непреднамеренного вывода из денежного оборота около 2–3 % в год³. Это потери, связанные с их небольшим размером и невысокой внутренней ценностью по сравнению с деньгами более высоких номиналов. Каждые три монеты из ста выходят из оборота и больше в него не возвращаются. Чем ниже номинал разменной монеты, тем быстрее она выводится из оборота.

Сложность распространения мелких денег в больших объемах также связана с транспортными расходами, которые, в частности, в Сибири были очень высокими. Например, транспортировка таких предметов торга, как хлеб, соль и вино из одной губернии в другую (при условии отсутствия общей речной системы) осуществлялось гужевым транспортом только при окупаемости товара⁴.

Таким образом, объемы мелких денег, которые, по мнению Е. И. Мечникова, могли бы распространяться по губерниям через работающих крестьян (труд которых всегда считается дешевым), скорее всего, были небольшие. Это означает, что разменные медные деньги, скорее всего, оставались в большей степени в обороте западной части Сибири. В пользу этого утверждения также выступают месячные данные за 1818 г. по обменному курсу серебряных, золотых, медных денег на ассигнации в Иркутске⁵ (см. Приложение 1). В частности,

¹ Kuroda A. Concurrent but non-integrable currency circuits: complementary relationships among monies in modern China and other regions//Financial History Review 2008. № 15.1, P. 27.

² Ibid.

³ Patterson C. C. Silver stocks and losses in ancient and medieval times//Economic History Review. 1972., ser. 2., 25.2; Glanville R. G., de. The numbers of coins in circulation in the United Kingdom//Studies in Official Statistics, Research Series. 1970. № 2. P. 4

⁴ Тагемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 502.

⁵ Месячные сведения об обмене между торгующими на рынках и в частных дворах золотой, серебряной монеты на ассигнации и ассигнации на медную монету, представленные гражданскому губернатору//ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 888.

примечательно в документе то, что ассигнации мелких номиналов при обмене на медные монеты стоили дороже крупных. Если считать, что 5-рублевая ассигнация — это мелкий номинал, а 25-рублевая ассигнация — это крупный номинал, то по обменному курсу апреля 1818 г. обменять на медь пять 5-рублевых ассигнаций будет выгоднее и дороже, чем одну 25-рублевую. Это может говорить о более высоком спросе на мелкий номинал по сравнению с крупным. Также стоит отметить, что спрос на медные монеты сильно превышал спрос на бумажные деньги, поскольку стоимость одного ассигнационного рубля составляла в г. Иркутске от 3 до 8 копеек в зависимости от номинала (см. Приложение 1)¹, при этом биржевой среднегодовой курс ассигнаций по стране был равен 28–29 копеек серебром². Такая огромная разница может быть связана с нехваткой разменных медных денег по сравнению с ассигнациями. На этом фоне ассигнационные рубли могли заполнять спросовую нишу мелких разменных денег, поскольку в апреле 1818 г. 5-рублевая ассигнация воспринималась в Иркутске как 15 медных копеек (см. Приложение 1).

Спрос на мелкие разменные деньги также может определяться периодичностью получения жалованья. В частности, в тех регионах и сферах деятельности, где жалованье выдается ежедневно, будет высокий спрос на монеты более мелких номиналов. Например, в Положении Комитета министров «О производстве находящимся на Сибирских горных заводах у приема металлов и снарядов офицеров гарнизонной артиллерии жалованья наравне с полевыми» от 29 декабря 1825 г.³ встречается инструкция о ежедневном жаловании для офицеров и рядовых, сопровождающих караваны от горных Сибирских заводов. Ежедневное жалованье в 4, 6 и 8 копеек невозможно заплатить с помощью серебряных монет, поскольку минимальный номинал серебряной монеты в 1818 г. — это 5 копеек, а значит, ежедневные выплаты должны были производиться в медных монетах. Это, безусловно, не исключает тот факт, что на практике выплаты могли производиться реже, например, каждые 5 дней. В таком случае это нарушало инструкции упомянутого положения, однако обеспечивало более удобный счет денег.

¹ Прочтение этого документа, на наш взгляд, неоднозначно, и может иметь несколько трактовок — *Прим. ред.*

² *Шторх П. А.* Материалы по истории денежных знаков в России с 1653 по 1840 год. СПб., 1868. С. 52.

³ ПСЗ-2. № 21. С. 32–34.

Медные деньги не были единственным средством платежа в Сибири. Напротив, в регионе наблюдалась множественность и комплексность денег (параллельное хождение бумажных денег, серебряных и золотых монет, в том числе иностранного происхождения¹, дополняющих друг друга в зависимости от назначения и вида товара) и других средств обмена. В частности, были распространены и бартерные сделки с товарной расчетной единицей в случае сезонности предоставления услуги². Некоторые путешественники отмечали предпочтительность оплаты дешевого труда посредством таких товаров, как табак и чай, по сравнению с деньгами вплоть до конца XIX в.³

В рамках данной работы автор приводит лишь некоторые отдельные рассуждения, которые вместе с тем могли быть использованы в более комплексном доказательстве дефицита мелких разменных монет в Западной и Восточной Сибири XIX в., а также стать частью работы, посвященной анализу структуры денежного обращения и дополняющих средств обмена.

Приложение 1

Рапорт иркутского базарного старосты Котельникова в Иркутскую городскую думу о размене монет на ассигнации⁴.

[Л. 45] В Иркутскую градскую думу
базарного старосты
Котельникова

Рапорт

Во исполнение присланной из оной Думы записки, относительно до чинимого на золотую, серебряную и медную монету, также и на ассигнации большого достоинства и на малые промена, [в] Градскую думу сим честь имею донести: по слухам носящимся, в марте месяце состоял между торгующими на толкучем рынке промен на медную монету — 8 копеек

¹ Например, хождение мексиканского доллара во Владивостоке. См. *Gowing Lionel F.* Five thousand miles in a sledge, a mid-winter journey across Siberia. London, 1889. P. 40–42.

² *Гагемейстер Ю. А.* Указ. соч. С. 505; *Bell J.* Travels from St. Petersburg in Russia, to various parts of Asia., V. 1, V. 1. 1762. P. 189; *Coxe William A. M.* Account of Russian discoveries between Asia and America. 1787. PP. 49, 51, 77, 131.

³ *Kennan G.* Tent life in Siberia [Texte imprimé]: and adventures among the Koraks and other tribes in Kamtchatka and Northern Asia. 1872. P. 159.

⁴ Текст передается согласно современным правилам орфографии и пунктуации.

на рубль, [Л. 45 об.] на ассигнации большого достоинства, а на малые — 3 копейки на рубль. На золотую и серебряную монету промену не происходило.

Староста базарной Котельников.

Апреля 1-го дня 1818-го года.

ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 888. Л. 45–45 об. Подлинник. Писарский почерк. Подпись Котельникова — автограф. Канцелярские пометы — регистрационные номера и сведения о дате подачи («Подано 1 апреля 1818 года»).

КУПОНЫ ЦЕННЫХ БУМАГ В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ РОССИИ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

А. Д. Пулин (Екатеринбург)

Государственные займы России до 60-х гг. XIX в. выпускались в виде билетов Государственной комиссии погашения долгов. Билеты были именные и на предъявителя. Отметка о выплате полугодовых процентов на именных билетах ставилась на самом билете. Билеты на предъявителя имели купонные листы, обычно на 10, реже на 12 лет.

В 1860 г. в России был образован Государственный банк. С самых первых дней своего существования он принимал во вклады купоны ценных бумаг наравне с кредитными билетами, золотой и серебряной монетой. Необходимо отметить, что с начала XIX в. и до октября 1917 г. все государственные ценные бумаги приносили своим владельцам ежегодный доход, всегда на 1–1,5 % выше, чем были доходы по вкладам в кредитные учреждения и банки.

С 1877 г. купоны некоторых ценных бумаг принимались в таможенные платежи наравне с золотой монетой. Такие купоны получили официальное название «таможенные купоны». Это были купоны от облигаций, номинированных в иностранной валюте или в металлических рублях. В 1880–1885 гг. таможенные платежи составляли 60–65 млн рублей в год. Больше половины этой суммы, 30–39 млн рублей, вносилась купонами. Стоимость таможенных купонов определялась биржевой стоимостью золотого полуимперIALа, которая в начале 1880-х гг. доходила

до 8 рублей 20 копеек за полуимпериал. По сути дела, таможенные купоны были бумажным эквивалентом золота.

К началу XX в. список ценных бумаг, купоны от которых принимались в таможенные платежи, составлял около 120 позиций. В нем были как облигации государственных займов, так и облигации некоторых железнодорожных компаний. Следует учесть, что в 80-х — начале 90-х гг. XIX в. была произведена конвертация многих займов и приватизация около 40 частных железных дорог. Купоны от этих ценных бумаг тоже в свое время принимались в таможенные платежи.

Правительство пыталось ограничить хождение купонов. Было запрещено принимать в казенные платежи купоны, срок оплаты которых еще не наступил. Но существовало множество меняльных лавок, которые покупали такие купоны с большой скидкой. Об этом писали многие современники.

Также был принят закон, запрещающий расплату купонами с наемными рабочими. Виновным грозил крупный штраф. Но, видимо, такая практика продолжалась, т. к. через два года был принят закон, по которому в случае возникновения волнений и смуты из-за оплаты труда купонами, виновному грозило тюремное заключение и запрет на руководство предприятиями.

Хождение купонов ограничивалось только десятилетним сроком с момента наступления оплаты. Так продолжалось до прихода к власти большевиков, когда был опубликован декрет об аннулировании всех займов с 1 декабря 1917 г. Естественно, раз займы были аннулированы, то все купоны, срок оплаты которых наступал после этой даты, считались недействительными. Недействительными считались и все купоны займов, заключенных в иностранной валюте, например, русско-английского займа 1859 г. Остальные купоны с датами с 1 января 1908 по 1 декабря 1917 г. продолжали хождение. Поэтому совершенно неправильно широко распространенное мнение, что купоны были введены в обращение советской властью. Скорее наоборот, советская власть ограничила хождение купонов.

В опубликованном в 1918 г. списке аннулированных государственных процентных бумаг наряду с государственными облигациями находятся и облигации многих железных дорог. Ведь государственный долг России, данные о котором ежегодно публиковались, состоял из двух частей: А — процентные долги (долги по облигациям государственных займов), Б — железнодорожные долги. К железнодорожным долгам относились облигации железных дорог, перешедшие в казну,

и облигации некоторых государственных займов, деньги от реализации которых были израсходованы на выкуп железных дорог. Например, 4% золотой заем 4-го выпуска 1890 г., выпущенный взамен облигаций Харьковско-Кременчугского участка Харьковско-Николаевской железной дороги.

Постановления советской власти 1917–1918 гг. не распространялись на большую часть территории России. Омским правительством был принят трехстраничный «Список государственных процентных бумаг, купоны коих, при наступлении сроков имеют хождение в качестве денежных знаков». В этот список включены все ценные бумаги, составлявшие довоенный государственный долг России с добавлением новых займов, заключенных во время войны.

Предстоит большая работа по составлению полного списка ценных бумаг, составлявших государственный долг России, купоны которых принимались в таможенные платежи, т. е. имели золотой эквивалент. Следует учесть, что займы заключались на сроки 60–80 лет. За это время сменялось несколько купонных листов, каждый из которых имел свое оформление. Кроме того, многие займы сначала выпускались в виде временных свидетельств, купоны от которых также принимались в таможенные платежи.

Раздел IV

ОБРАЩЕНИЕ И БЫТОВАНИЕ
МОНЕТ И БАНКНОТ
(XX ВЕК)

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ «ОБРАЗЦОВ» БУМАЖНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ В РОССИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

А. В. Алямкин (Москва)

Как известно, существует немалое количество российских бумажных денежных знаков разных эпох, которые не участвовали в денежном обращении, а представляют собой лишь образцы банкнот, что в обязательном порядке указано на них в виде надписи, надпечатки или перфорации «ОБРАЗЕЦ». Такие банкноты являются интереснейшими памятниками, тем более, что некоторые из них дошли до нас в большем количестве, чем аналогичные банкноты, находившиеся в обращении.

Понимание того, что есть «образцы» бумажных денежных знаков, зачем они нужны, кто, как, где и в каком виде их изготавливал, распространял и т. д. — проблема очень важная, но все-таки это частность. Сначала стоит понять и объяснить более общий уровень деления банкнот на *пробные оттиски, образцы и выпущенные знаки*. Первая сложность в этом — отсутствие общих устоявшихся терминов. Производитель (в России — ЭЗГБ, Гознак, в период Гражданской войны — местные типографии) вкладывали в эти понятия одно содержание, эмитент (Государственный банк и др.) — другое. Современный практикующий бонист понимает под ними что-то третье. Определение границ этих понятий очень важно. Прежде, чем рассматривать дошедшие до нас банкноты и их оттиски, предлагаем рассмотреть критерии деления как на общие категории, так и внутри каждой категории, останавливаясь в первую очередь на «образцах».

В разное время и в разных странах было разное отношение к «образцам». Предлагаем начать с изучения практики производителей фирмы «American Bank Note Company» (ABNC) и ЭЗГБ (с 1919 г. — Гознака). Безусловно, отечественная практика для нас первична. Но благодаря тому, что архивы ABNC, включая как рабочую, так и секретную переписку с заказчиками доступны (в связи с банкротством компании в конце XX в.), на примере работы этой компании можно сделать важные выводы, которые помогут разобраться с российской практикой работы с «образцами» и пробными оттисками банкнот. Следует отметить, что ABNC сотрудничала с российскими заказчиками:

в 1858–1866 гг. ее специалисты привлекались для технического перевооружения ЭЗГБ, а в 1918–1920 гг. компания выпустила часть российских банкнот, обращавшихся на территории Сибири.

Необходимо понимать, что «образец» в XVIII в. и сегодня — функционально совершенно разные понятия. Необходимо обозначить разницу содержания этого понятия в основные периоды истории бумажно-денежного обращения в России (эпоха ассигнаций, серебряного и золотого монометаллизма, Гражданской войны и т. п.).

Доклад ставит своей первоочередной задачей обозначение не решенных на данный момент вопросов. Приведем лишь некоторые из них. Почему в одном случае используется надпечатка, а в другом перфорация «ОБРАЗЕЦ», а в некоторых случаях и то и другое одновременно? Почему в одних случаях образцы изготавливались односторонними, а в других — двусторонними, аналогичными выпущенному знаку? Почему использовались различные цифры номера банкноты, — чаще всего это «нули», реже определенные комбинации вида 123456, а иногда обычный «текущий» номер?

В качестве промежуточного итога мы готовы предложить критерии классификации «образцов», как отдельной части общей классификации бумажных денежных знаков. Они рассматриваются вместе с выпущенными знаками, а не с пробными оттисками. (т. к. косвенно относятся именно к сфере *обращения*). Учитываются следующие критерии.

– принципы и цели нанесения самого слова «ОБРАЗЕЦ». Не каждая банкнота, где оно есть, представляет собой *образец* по сути, если под этим понимать *эталон* для определения подлинности тиражного денежного знака. Зачастую это гашение, сделанное с целью придания признака неплатежеспособности и т. д. Здесь необходимо рассмотреть атрибуты образца, такие как специальная нумерация, надпечатка или перфорация и др.;

- наличие перфорации/надпечатки, ее особенности (односторонняя/двухсторонняя, нормальная/зеркальная и т. д.);
- особенности нумерации;
- наличие подписи кассира и ее особенности и т. д.

При этом необходимо отделить «образцы» от производителя от так называемых «казначейских образцов» или образцов от эмитента.

В результате на основе упомянутых выше критериев предполагается составить краткий обзор всех отечественных образцов бумажных денежных знаков, начиная с 1785 г.

«БУМАЖНЫЙ ЗОЛОТОЙ»: ВЗРОСЛАЯ ЖИЗНЬ ИГРУШЕЧНЫХ ДЕНЕГ В РОССИИ

Н. Л. Трегубов (Тула)

Игрушечные деньги, копирующие настоящие денежные знаки, являются важным обучающим инструментом в процессе всестороннего развития ребенка. С их помощью дети не только учатся считать, но воспроизводят в своих играх ситуации из взрослой жизни, связанные с товарно-денежными отношениями.

Однако иногда эти объекты, вырванные из привычного круга детской игры в покупателя и продавца, становились участниками далеко не детских событий. Ярким примером тому служит история так называемых «бумажных золотых».

В газете «Новое время» за 1907 г. в разделе «Хроника» была помещена небольшая заметка: «Во время беспорядков в Прибалтийском крае, известных под названием “латышской революции”, восставшими латышами были выпущены денежные знаки, весьма похожие на наши пятирублевые золотые. Сделаны они были из картона, вызолочены и украшены изображением вождя латышей под именем Индрика I. Действовавшими в Прибалтийском крае карательными отрядами монеты эти немедленно предавались уничтожению. Нам недавно случилось видеть один из таких “золотых” у бывшего управляющего канцелярией прибалтийского генерал-губернатора А. Г. Чаплинского. Монета представляет большой исторический интерес и, несомненно, составит в будущем значительную и ценную редкость, так как, насколько нам известно, едва ли в настоящее время уцелело более 2–3 подобных монет»¹.

Одна из таких картонных монеток (возможно, та, которую видел хроникер «Нового времени») попала в Государственный Эрмитаж. В нумизматической литературе «бумажный золотой» впервые был опубликован в 1962 году в третьем издании «Русской монетной системы» И. Г. Спасского в разделе «Частные деньги. Марки, суррогаты»². В издании 1970 г. информация об этом нумизматическом объекте передана практически без изменений: «Эрмитажной коллекции принадлежит очень редкий «бумажный золотой» — прессованный из позолоченного картона кружок,

¹ Новое время. № 11280. 1907. 8 (21) авг.

² Спасский И. Г. Русская монетная система. 3-е изд. Л., 1962. С. 205.

грубо повторяющий тип пятирублевой монеты Николая II. Из сохранившейся при нем записки видно, что в 1905 г. такие марки служили своего рода квитанциями для лиц, помогавших деньгами латышской революционной организации»¹. Без сомнения, и в газетной заметке, и в монографии И. Г. Спасского речь идет об одних и тех же предметах. Изображение же «Индрика I»², вероятно, привиделось репортеру в примитивной и безграмотной имитации золотой пятирублевки.

В 2003 г. вышел каталог И. М. Букина «Частные металлические боны на территории Латвии 1815–1940 гг.». Игорь Михайлович Букин (1937–2013) внес большой вклад в развитие российской и латвийской нумизматики и бонистики, на протяжении многих лет издавая в Риге уникальный журнал «Дополнение к каталогу коллекционера». Собственно, каталог стал итогом многолетних публикаций в журнале по теме частных металлических бон.

Отдавая должное автору и его труду, надо признать, что ряд предметов, помещенных в каталог, не соответствуют заявленной теме³: например, табельные и инструментальные марки, марки для оптовых партий пива и другие объекты, не имеющие отношения к денежному обращению Латвии. К этой категории относится и «бумажный золотой», который И. М. Букин охарактеризовал как «квитанцию-бону Рижской социал-демократической организации жертвователям на нужды революции» и присвоил ей степень редкости RRR (чрезвычайно редкая). В развернутом комментарии автор назвал «бумажный золотой» залоговой квитанцией и даже смог увидеть в нем крамолу, так как «рижские социал-демократы уже тогда предрекали крах “золотых николаевских денег” после победы революции, поскольку на боне указано, что она “бумажная”». Привел И. М. Букин и собственные воспоминания о беседе с участником революционных событий в Риге в 1905 г., которому в ту пору было всего 16 лет. По словам собеседника Игоря Михайловича, такие «золотые» выдавались на мероприятиях организации, где проходил сбор пожертвований на революцию. Марка выдавалась всем, вне партийной принадлежности и суммы взноса, и «была очень популярна в то время»⁴.

¹ Спасский И. Г. Русская монетная система. 4-е изд. Л., 1970. С. 234.

² Латышская форма имени Генрих. Возможно, автор имел ввиду Индрика Асара (Indriķis Asars, 1864–1914), который возглавлял боевую дружину революционеров в рижском районе Торнякалнс. В 1906 г. военный суд приговорил И. Асара к пожизненной каторге. В 1914 г. он умер в центральной рижской тюрьме. См.: История Латвийской ССР. Т. 2. Рига, 1953. С. 412.

³ Букин И. М. Частные металлические боны на территории Латвии 1815–1940 гг.: Каталог. Рига. 2003. С. 10, 11.

⁴ Там же. С. 64.

В последнее время темы «бумажного золотого» дважды касался ростовский экзонурист В. А. Назаров. В 2007 г. он опубликовал «второй тип» «бумажного золотого». «... Латышская революционная организация предпринимала выпуск картонных монетовидных знаков, своим изображением отдаленно напоминавших николаевские червонцы и, соответственно, называвшиеся — “бумажный золотой”. Известны два типа таких «червонцев» — с указанием номинала и без такового (с одной стороны — двуглавый орел; с другой — портрет Николая II). В настоящее время оба варианта являются большой редкостью. Говорить об их стоимости не представляется возможным, т. к. предметы эти не каталогизированы, а в повседневном предложении “бумажных золотых” просто нет»¹.

Еще одна публикация на тему «монетовидных знаков латышской революционной организации» была сделана В. А. Назаровым в номере журнала «Нумизматика», посвященном 200-летию Отечественной войны 1812 г.² Неверно истолковав краткую информацию И. Г. Спасского и будучи не знаком с каталогом И. М. Букина, В. А. Назаров выдвинул ложный тезис, что «номинал» «бумажного золотого» соответствовал сумме вноса. Исходя из этого, должны были существовать и другие номиналы (тоже, естественно, редкие), которые, конечно, и были найдены («атрибутированные» Назаровым как 10 рублей и 1 рубль). Более того, автором был сделан вывод о двух эмиссиях, осуществленных латышской революционной организацией: «анонимно-безноминальной» и с надписями и номиналами, а «учитывая характерные особенности отечественной нумизматики, в которой отнюдь не редки случаи перекрестного использования штемпелей, нельзя исключать и такого явления, как так называемые перепутки». В завершении статьи автор выразил надежду, «что данная публикация активизирует поиск коллег в этом направлении, в результате чего будут закрыты <...> “белые пятна” выпуска картонных монетовидных знаков латышской революционной организацией в 1905–1907 гг.»³.

Настоящим сообщением откликаемся на призыв В. А. Назарова, но вначале приведем маленькую заметку, опубликованную в газете «Тульские губернские ведомости» за 1897 г.: «Капитан артиллерии Эдуард Эдуардович Генрих заявил 3 части (полиции — *Н. Т.*), что 3 февраля он послал кухарку свою Колиткову в лавку Лимонада, что на Миллион-

¹ Назаров В. А. Марки в... металле, монеты... на бумаге // Коллекция. 2007. № 1–2. С. 43.

² Он же. Марки-квитанции Латышской революционной организации // Нумизматика. 2012. № 1 (31). С. 204–207.

³ Там же. С. 206–207.

ной улице, за покупкой риса, причем вручил ей билет 5 рублей достоинства. Состоящий в этой лавке приказчиком крестьянин Папкин, сдавая Калитковой с 5 рублей 4 руб. 88 коп., дал ей в счет этой суммы игрушечную бумажную монету в виде золотого с надписью «5 РУБ. 1898 г.» с одной стороны и государственным гербом с другой, предупредив ее, что монета эта стоит теперь 3 рубля, а в будущем (году — *Н. Т.*) — 5 рублей. Кроме того, одновременно с этим, Папкин сдал какому-то покупателю такими же игрушечными монетами в числе 3-х с 10 рублей. Папкин виновным себя не признал; по обыску — игрушечных монет у него не оказалось»¹.

Ситуация анекдотичная, но именно в этой заметке автор, современник событий, называет вещи своими именами: «бумажный золотой» — игрушечная монета. Таким образом, никаких выпусков Рижской (Латышской) революционной организации (редких, очень редких и чрезвычайно редких) не было. Проводя кружечный сбор, рижские революционеры на память о пожертвовании давали игрушечную картонную монетку. Да это и понятно, не могла же организация, находившаяся на нелегальном положении, печатать марки или виньетки со своим названием, да и хранить такие марки было небезопасно.

С конца XIX в. игрушечные монеты получили широкое распространение в Европе, особенно в Германии. Эти миниатюры, отчеканенные из железа, цинка, меди и олова, подражали действующим денежным знакам. Нередко использовался и пресованный картон². Основными изготовителями игрушечных и миниатюрных монет были граверно-штамповочные фирмы и типографии Германии³.

Именно такие картонные монетки, покрытые золотистой и серебристой фольгой, прошли через руки революционеров и их сторонников, жандармов, журналистов, мошенников и наивных обывателей, оказавшись, в конце концов, в музейных и частных собраниях. Однако нумизматы, не знакомые с «маргинальной» темой игрушечных денег, смогли лишь установить некоторые факты бытования «бумажных золотых» во взрослой жизни и не разглядели в них истинное предназначение — детские игрушки.

В заключение приводим небольшой каталог игрушечных картонных денег, имитирующих монеты Александра III и Николая II (*Табл. 1*).

¹ Тульские губернские ведомости. 1897. 06 февр.

² *Aschoff G.* Deutsches Kinderspielgeld: Ein numismatisches Randgebiet. 2009. S. 8, 9, 117–123.

³ Например, типография Германа Зоннтага в Мюнхене (Н.С.М.) печатала открытки с тисненными изображениями монет, схожими с «бумажными золотыми».

Таблица 1.

№	Номинал	Аверс	Реверс	Диаметр, мм.	Источник
1	5 рублей	Портрет императора Александра III вправо ★ Б. М. АЛЕКСАНД. III ИМПЕРА. И САМОДЕРЖ. ВСЕРОССИЙСКИ.	Двуглавый орел 5 РУБЛЕЙ 18... Г.	21,5	Собрание автора. См. Рис. 1а ¹
2	10 рублей	Портрет императора Николая II влево Б. М. НИКОЛАЙ II ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОСС.	Двуглавый орел 10 РУБЛЕЙ 18... Г. 2	?	Частное собрание
3	5 рублей	Портрет императора Николая II влево БУМАЖНОЙ ЗАЛОТОЙ	Двуглавый орел 5 РУБ. БУМАЖНОЙ	21	Спаский И. Г. Русская монетная система. 4-е изд., Л., 1970. С. 234.
4	5 рублей	Портрет императора Николая II влево БУМАЖН. ЗАЛАТОЙ	Двуглавый орел 5 РУБЛЕЙ ...	21	Собрание автора. См. Рис. 1б.
5	1 рубль	Портрет императора Николая II влево	Двуглавый орел БУМАЖНЫЙ РУБЛЬ	33	Назаров В. А. Марки-квитанции... С. 207.
6	1 рубль	Портрет императора Николая II влево Б. М. НИКОЛАЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОСС.	Двуглавый орел РУБЛЬ 1896 г.	33	Собрание автора
7	Без номинала	Портрет императора Николая II влево	Двуглавый орел	22,5	Назаров В. А. Марки-квитанции... С. 206.

Рис. 1. «Бумажные золотые». (Собрание автора)

¹ Время не пощадило «бумажные золотые», поэтому автор приносит извинения за качество иллюстраций.

² Возможные варианты прочтения — «1888», «1889», «1898», «1899».

**РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ВВЕДЕНИЕ
В ОБРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ-МАРОК В 1915 ГОДУ**
(по материалам донесений управляющих местными
отделениями Государственного банка)

Н. С. Чернышёва (Санкт-Петербург)

Во время Первой мировой войны в России денежное обращение стало полностью бумажным. Несмотря на ряд мер, принимаемых правительством (введение ограничения размена бумажных денег на монеты, выпуск все большего количества денежных знаков достоинством 1 рубль и т. п.), разменный кризис нарастал. Согласно постановлению Совета министров от 22 сентября 1915 г. в обращение вводились разменные деньги-марки достоинством 1, 2, 3, 10, 15 и 20 копеек. Первоначально были выпущены марки трех крупных достоинств, затем (в 1916 г.) — остальные.

За основу для оформления этих денежных знаков были взяты почтовые марки юбилейной серии, изготовленные в 1913 г. в память 300-летия Дома Романовых. Печатали деньги-марки на плотной бумаге и без клеевого слоя. На обороте они содержали надпись о хождении наравне с монетой. Фактически они находились в обращении до 1919 г., когда почти полностью исчезли, потеряв свою покупательную способность вследствие инфляции. Общая сумма выпущенных за это время денег-марок составила 480,3 млн рублей¹.

Таким образом, выпуск денег-марок явился следствием необходимости остановить разменный кризис. Была ли однозначной реакция населения на такой вид разменных знаков? По всей видимости, правительство понимало, что выпуск денег-марок взамен привычной звонкой монеты может вызвать недовольство. По указанию управляющего Государственным банком, начиная с осени 1915 г. стали поступать донесения управляющих местных отделений банка о мерах, принятых в целях скорейшего и успешного выпуска в обращение разменных марок, а также о реакции населения.

Согласно этим документам, выпуск нового вида денег был встречен по-разному. Так например, управляющий Сибирским отделени-

¹ *Ходяков М. В.* Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб., 2009. С. 19.

ем Государственного банка сообщил о «полном доверии» населения к новым деньгам¹, а в Пскове деньги-марки были «встречены местным населением как необходимая вещь, без которой нельзя обойтись при денежных расчетах»², и по этой причине никаких недоразумений не возникало.

Управляющие многих местных отделений Государственного банка писали о том, что из-за слишком сильного недостатка монеты в некоторых городах (в Ревеле, Могилеве, Виннице, Смоленске и др.) деньги нового вида были приняты весьма благосклонно³.

В Севастополе население ожидало новые деньги «с большим нетерпением», активно использовало их в обращении, но в то же время поступали жалобы на неудобства при использовании денег-марок в дождливую и ветреную погоду, а также во время торговли такими продуктами, как мясо и рыба, когда руки продавца влажные⁴.

А вот в Москве и Петрограде реагировали на новые деньги с большим недовольством. Жаловались, прежде всего, на быструю изнашиваемость, неудобный формат новых денег, а также отсутствие резких отличий в достоинствах знаков оплаты по цвету и размеру, что значительно затрудняло расчеты при плохом освещении и среди неграмотного населения. Особенно неудобны были марки номиналами 15 и 20 копеек: их было наиболее трудно отличить друг от друга при тусклом освещении, что вызывало частые недоразумения при платежах на улице вечером. Зазубренные края всех денег-марок мешали их пересчету. Кроме того, во время дождя марки мокли, слипались между собой, а от ветра — разлетались. Но, несмотря на то, что в первые дни встречались случаи отказа от марок, например, среди извозчиков, к октябрю в столицах подобного уже не встречалось. Также населению столичных городов не понравилось название «марка», поскольку проводилась аналогия с немецкой маркой — валютой Германии⁵.

Похожие жалобы поступили из Ялтинского отделения Государственного банка. Уличная торговля Ялты наиболее активно велась на набережной, где постоянно дул ветер, а по вечерам наступала полная темнота. Кроме того, до выпуска денег-марок в обращение в Ялте, были получены

¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 60. Д. 91. («Донесения управляющих местных отделений, контор и казначейств отделу кредитных билетов о реакции населения на введение в обращение различных марок»). Л. 55.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 13, 14, 15, 24.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 8, 11.

столичные газеты, содержащие статьи, дискредитирующие новые разменные знаки. В первое время это затруднило их выпуск в обращение¹.

Следует сказать, что слухи зачастую играли не последнюю роль, становясь причиной негативной поначалу реакции населения на введение в обращение денег-марок. Так, например, в Кременчуге непродолжительное время рабочие отказывались брать деньги-марки из-за разговоров о предстоящем изъятии их из обращения².

Жалобы на неудобства в обращении, связанные с форматом и оформлением денег-марок, таким образом, встречались повсеместно. В ряде городов (к примеру, в Новгороде, Казани, Киеве, Ярославле) управляющие отделениями Государственного банка указывали на то, что в целом население отнеслось спокойно к новым деньгам, но среди неграмотного и малограмотного населения встречалось недоверие³. Иногда крестьяне вовсе отказывались принимать марки «из опасения быть обманутыми»⁴.

В некоторых случаях и торговцы отказывались принимать новые деньги. Так, в Георгиевске (Терская область, ныне Ставропольский край) произошел эпизод, когда деньги-марки, выданные из разменной кассы аптекарскому магазину Эпштейна, принесли назад со словами: «таких денег не надо, если других нет»⁵. В том же городе некоторые купцы, получив деньги из кассы частично серебром, частично марками, приносили марки обратно, заявляя, что обойдутся выданным серебром. К началу ноября, однако, по сообщению георгиевского казначейства, такие случаи стали единичными⁶.

Помимо недовольства выпуском новых денег, встречались и злоупотребления из-за их сходства с обычными почтовыми марками. О подобных случаях сообщают управляющие московского, петроградского, псковского и некоторых других отделений. Злоупотребление выглядело следующим образом. Сначала деньгами-марками оплачивали почтовую корреспонденцию, затем получатель отклеивал марку, очищал знак погашения и использовал вновь в качестве разменного знака⁷. Управляющий Псковским отделением Государственного банка указывал на то, что надпись «ПОЧТА» на деньгах-марках вызывает «путаницу в понятиях, в особенности у простого человека»⁸.

¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 60. Д. 91. Л. 34, 34 об.

² Там же. Л. 42.

³ Там же. Л. 27, 52, 53.

⁴ Там же. Л. 53 об.

⁵ Там же. Л. 35 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 8–9, 11–11 об.

⁸ Там же. Л. 6.

В целом введение денег-марок прошло спокойно. В условиях разменного кризиса людям выбирать не приходилось. Кроме того, на местах был проведен ряд мер, облегчивших принятие новых денег населением. Повсеместно управляющие местными отделениями Государственного банка созывали совещания, на которых разъясняли необходимость данной меры в условиях нехватки монет. В собраниях принимали участие представители разных слоев населения: городской голова, торговцы, заводчики, землевладельцы и т. д. Все участники, безусловно, выражали «полную готовность идти навстречу мероприятиям правительства»¹. Кроме того, они высказывали свои идеи о том, какие меры следует предпринять для успешного выпуска денег-марок в обращение. Так, в ряде городов власти заблаговременно оповещали население разными способами: рассылали во все местные учреждения циркуляры, объясняющие значение выпуска новых денег и содержащие просьбу провести разъяснения среди неграмотных²; публиковали объявления в местных газетах; развешивали листовки в трамваях, на вокзалах, пристанях³. В некоторых случаях местные власти прибегали к помощи церкви в информировании населения и формировании положительного отношения к нововведению⁴.

Участники собраний передавали сообщения населения о том, как сделать более деньги-марки удобными в использовании. Чаще всего высказывались мысли о необходимости увеличения их формата⁵ и о желательности выпуска марок номиналом 25 и 50 копеек⁶. Встречалось также пожелание выдавать марки не в листах, а сброшюрованными книжками небольшого формата на разные суммы — 1, 2, 3, 5 рублей и т. д.⁷

Таким образом, благодаря своевременным мерам, проведенным местными властями, в большинстве населенных пунктов население было подготовлено к выпуску новых денег. Кроме того, немалую роль в принятии денег-марок сыграла нехватка в обращении разменных монет. Несмотря на недовольство населения внешним видом новых денег, последние были встречены как необходимость, без которой в существовавших тогда экономических условиях обойтись было нельзя.

¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 60. Д. 91. Л. 1.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 27, 29, 44, 45.

⁴ Там же. Л. 14, 44.

⁵ Там же. Л. 1, 3 об., 37, 39.

⁶ Там же. Л. 3 об., 12.

⁷ Там же. Л. 8.

РОССИЙСКИЙ РУБЛЬ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ДО 1920 ГОДА

А. Озолиня (Рига)

До начала Первой мировой войны российские бумажные деньги и монеты на территории Латвии пользовались нераздельным доверием населения. С началом войны реальная ценность денег резко упала. Уже в конце июля 1914 г. императорским указом прекратили обмен банкнот на золото, одновременно расширив право эмиссии Государственного банка на 1,2 млрд рублей. Покупательная способность банкнот постоянно таяла. Российское правительство старалось заполнить недочет в государственном бюджете усиленной печатью денежных купюр и пуском их в оборот. Поэтому резко изменились объем и структура денег, находившихся в обороте. В первые два года войны из оборота исчезли монеты на сумму 745 млрд рублей. Из-за нехватки мелочи 25 сентября 1915 г. было принято решение выпустить 10, 15, и 20 копеек в виде марок. 20 декабря того же года выпустили новые разменные казначейские знаки небольшого формата — 1, 2, 3, 5 и 50 копеек, а в начале 1916 г. 1, 2, и 3 копейки в виде марок. С 1 июля 1914 г. до 1 марта 1917 г. количество бумажных денег, находящихся в обращении, возросло в 6,7 раз. Все упомянутые денежные знаки были в обороте и на территории Латвии. Вместе с другими оккупационными деньгами и деньгами местных самоуправлений они создавали хаос в денежном обращении.

В ходе Первой мировой войны, летом 1915 г. немецкие войска заняли Курземе. Эта территория вместе с оккупированными литовскими и польскими областями была включена в округ верховного главнокомандующего Восточного фронта (Обер Ост) с управлением в Елгаве. Уже в марте 1915 г. официальным платежным средством на этой территории была определена немецкая марка. В апреле 1916 г. немецкий Восточный банк торговли и промышленности открыл особую Восточную ссудную кассу в Позене (ныне Познань), задача которой была эмитировать ссудные кассовые знаки — ост-рубли и ост-копейки с такой же ценностью, как аналогичные номиналы российских денежных знаков.

В апреле 1918 г., когда немцы оккупировали Видземе и Латгале, немецкая Восточная ссудная касса в Каунасе получила задание выпустить ссудные кассовые знаки нового образца с номиналом в марках, так называемые ост-марки. Чтобы ограничить оборот все еще широко используемых

российских царских денег, 11 ноября 1918 г. немецкая оккупационная власть провозгласила немецкие бумажные марки и ост-деньги единственными законными платежными средствами¹.

На территорию Латвии во время немецкой оккупации попало около 2 млрд ост-рублей. Большая часть ост-денег и немецких марок обращалась в Курземе и Риге, в Видземе главным платежным средством остались царские рубли. Как законное платежное средство рубли и ост-деньги в Республике Латвия служили до введения латвийского рубля.

Документы и свидетельства современников показывают, что в Курземе и Риге главным платежным средством были немецкие деньги, в свою очередь, в Видземе жители больше доверяли платежным средствам царской России. В воспоминаниях современников мы читаем, что в Риге тем, у кого были российские денежные знаки, приходилось посещать «черную биржу» на улице Смилшу, чтобы достать нужные немецкие знаки. Прямо на улице обмен не происходил. Там ходили вооруженные немецкие солдаты, которым было приказано следить за тем, чтобы обмен не происходил. А «обменщик» с хозяином российских денежных знаков только договаривался о курсе. Сам обмен денег происходил в «Кафе Биржи» или коридорах домов. «Обменщики» особенно ценили темные коридоры, где часто удавалось наивным сельским жителям дать или меньше денег, чем следовало, или поддельные купюры².

После провозглашения независимости Временному правительству Латвии пришлось срочно решать вопрос о восстановлении разрушенной экономики и о возможности укрепления оборонных способностей нового государства. Правительство работало в условиях финансового хаоса, когда банковская система была практически разрушена, и в повседневных сделках одновременно использовали денежные знаки разных стран и самоуправлений с взаимно переменными курсами. 11 ноября 1918 г. министр финансов Латвийской республики издал указ о том, что при подписке на 5% «Заем Свободы» будут приниматься царские, ост-рубли и «думские» деньги, соблюдая курс 1 царский рубль = 0,8 ост-рублям = 1,25 «думским» рублям³. «Керенки» не принимали. Этот указ считается первым, которым новая Латвийская республика пыталась регулировать денежный оборот. Хотя вначале это относилось только к подписке на облигации займа, этот курс учитывали и в других платежах государству. В частных сделках этот курс не всегда

¹ Verordnung über die Zahlungsmittel//Verordnungsblatt für die Baltischen Lande. 1918. № 35.

² *Kārklīņš A.* Mūsu naudas reforma. Rīga, 1927., 5–6. lpp.

³ Pagaidu valdības likumu un rīkojumu krājums. Rīga, 1919., № 27.

соблюдали, а все больше стали пользоваться русскими денежными знаками, прежде всего кредитными билетами царского времени. Им доверяли и народ, и новое Временное правительство, вспоминая их доверенную ценность и надеясь, что они возвратят ее, как только в Россию вернется политическая стабильность. Российские императорские денежные знаки все еще были валютой, которая котировалась на иностранных биржах, хотя и потеряла большую часть своей ценности¹. Значительное количество царских банкнот пополнило денежное обращение при возвращении беженцев после провозглашения независимости Латвии, и в декабре 1918 г. Временное правительство изменило курс: 1 царский рубль приравнивали к 1 ост-рублю и 1,15 думским рублям².

Керенки, которые так же, как царские и «думские» деньги, продолжали печатать в России и после Октябрьской революции, в 1919 г. стали официальным платежным средством в части Латвии, занятой большевиками, по курсу 1 ост-рубль = 1 царскому рублю = 1 «думскому» рублю = 1 рублю «керенками». «Керенки» остались главным средством обращения. Их неохотно принимали крестьяне, отдавая предпочтение царским деньгам. Не помогали даже угрозы и репрессии новой советской власти — все царские денежные знаки, которые советская власть в Латвии получила от Советской России и пускала в оборот, оседали в сбережениях жителей и в оборот не возвращались. Острый недостаток платежных средств стал причиной того, что Рижский и Цесисский советы рабочих депутатов решили выпустить свои денежные знаки.

В Западной Латвии, где советская власть не сформировалась, 29 января 1919 г., на заседании кабинета министров Временного правительства Латвийской Республики было принято решение выпустить латвийские государственные казначейские знаки, которые обеспечивались всем государственным состоянием и временно служили платежным средством³. 22 марта указом Временного правительства министру финансов было поручено выпустить латвийские государственные казначейские билеты в латвийских рублях и мелочь бумажными копейками. 26 марта был официально зафиксирован новый курс против оставшихся в обороте немецких и российских валют: 1 латвийский рубль = 1 ост-рублю = 2 немецким маркам = 1,5 царским рублям⁴.

¹ *Kārklīņš A.* Mūsu naudas reforma. Rīga, 1927., 7. lpp.

² *Valdības Vēstnesis.* 1918. № 1.

³ *Rīkojums par valstskases zīmju izlaišanu//Latvijas Sargs.* 1919. № 53.

⁴ *Rīkojums par kursu//Latvijas Sargs.* 1919. № 56.

Была начата эмиссия латвийского рубля, но ее объем был недостаточен, чтобы ликвидировать нехватку мелочи в обороте. Поэтому иностранные деньги и платежные средства самоуправлений еще оставались в обращении. Закон от 25 августа 1919 г. установил, что российские царские кредитные билеты номиналами 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100 и 500 рублей должны принимать во всех платежах, казначейские знаки 10, 15, 20 и 50 копеек в платежах до 20 рублей, а мелкие разменные марки 1, 2, 3 и 5 копеек только в платежах до 3 рублей¹.

Укрепление нового латвийского рубля происходило с трудностями. Так как закон, по которому его ввели в оборот, не установил его как единственное официальное платежное средство, латвийскому рублю пришлось конкурировать с другими, более привычными, оборотными средствами. Многие латышские экономисты и политики считали это самой большой ошибкой Временного правительства, которая вызвала осложнения в переходном периоде до ввода полноценной валюты — лата.

Официальные курсы правительства были причиной того, что в государственную кассу вливались только латвийские рубли и российские разменные марки, а немецкие марки и царские рубли, которые были необходимы для внешних закупок, приходилось приобретать неофициально на черной бирже, потому что их оценили ниже фактического курса. В свою очередь курс нового латвийского рубля стремительно падал. Для улучшения состояния по предложению министра финансов в начале 1920 г. в здании Рижской биржи разрешили официальный обмен денег, и банки там открыли свои пункты обмена².

Законом от 18 марта 1920 г. латвийский рубль объявили единственным официальным платежным средством в стране³. Российский рубль из оборота надо было изъять до 20 апреля 1920 г., меняя его по курсу 50 копеек против 1 царского рубля. Закон от 18 марта 1921 г. запретил использовать в торговле и обменивать российские денежные знаки, выпущенные при Николае II и при Временном правительстве⁴. Это обосновывали истощением оборота царских денежных знаков в Европе. Во время обсуждения закона отмечалось, что их использование и котировка на биржах во многих странах уже прекращена. В течение двух

¹ Likums par Krievijas cara laika naudas zīmēm//Likumu un valdības rīkojumu krājums. 1919. № 10.

² Rīkojums par naudas zīmju pirkšanu, pārdošanu un mainīšanu.//Valdības Vēstnesis. 1920. № 3.

³ Likums par vienīgo maksāšanas līdzekli un agrāko līgumu un parādu nokārtošanu.//Likumu un valdības rīkojumu krājums. 1920. № 181.

⁴ Likums par Krievijas bijušo valdību papīra naudas zīmēm.//likumu un valdības rīkojumu krājums. 1921. № 69.

месяцев после опубликования закона в установленном порядке все российские бумажные деньги надо было регистрировать, и тогда их можно было обменять в государственной кассе. Так оборот российских платежных средств в Латвии закончился.

«ДЕНЬГИ ДЛЯ ДУРАКОВ»: ПРОПАГАНДИСТСКИЕ НАДПЕЧАТКИ НА КРЕДИТНЫХ БИЛЕТАХ ОБРАЗЦА 1918 ГОДА

И. С. Шиканова (Москва)

В коллекции бумажных денежных знаков отдела нумизматики Государственного исторического музея хранятся государственные кредитные билеты образца 1918 г. (т. н. «пятаковки» или «пензенки»)¹ с перфорацией² и пропагандистскими надпечатками Осведомительного агентства Добровольческой армии (ОСВАГа), всего 85 экз. Различные антибольшевистские тексты помещены на банкнотах в 5, 10 и 25 рублей³.

– 80 экз. с текстом: «Деньги для дураков»;

– 2 экз. с текстом «Долой “пятаковские”/и “ленинские” деньги»; «Обманули комиссары/Кучу денег надавали/А теперь за эти знаки/Ты не купишь и собаки» (Рис. 1);

– 1 экз. с текстом: «Большевики обещали Вам/Мир, хлеб и свободу, а дали/Войну, голод и чрезвычайку/И в придачу фальшивые деньги»;

– 1 экз. с текстом: «Эти деньги тоже, что фальшивые. Они не признаны ни в России, ни за границей. Комиссары-коммунисты еще раз нагло обманывают вас. Долой советскую власть и ее фальшивые деньги»;

– 1 экз. с текстом: «Деньги у большевиков, как и все остальное, обман. Эти деньги никто не признал. Комиссары набивают карманы настоящими деньгами, а народу дают “ленинские” и “пятаковские”, которые

¹ 15 мая 1919 г. согласно декрету СНК РСФСР были введены в обращение государственные кредитные билеты образца 1918 г. достоинством 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1000 рублей — «эвакуационный кредит», напечатанный Пензенской фабрикой Управления фабриками заготовления государственных знаков.

² Перфорация производилась с целью вывода денежных знаков из обращения.

³ Приводятся и другие номиналы банкнот и тексты ОСВАГа. В кн.: Кардаков Н. И. Каталог денежных знаков России и Балтийских стран 1769–1950. Берлин, 1953. С. 363–366.

Рис. 1. Государственный кредитный билет достоинством 10 рублей образца 1918 г. с антибольшевистским текстом и перфорацией. Уменьшено

нигде не будут приниматься. Не давайте себя обманывать. Не берите советские деньги. Долой советскую власть и ее фальшивые деньги».

ОСВАГ — это осведомительное агентство, которое появилось летом 1918 г. при дипломатическом отделе руководителя Добровольческой армии генерала М. В. Алексеева. С начала 1919 г. оно было реорганизовано в пропагандистский отдел при Особом совещании¹ при главкоме ВСЮР А. И. Деникине, который огромное внимание придавал пропагандистской работе. В своем приказе за № 175 от 14 декабря 1919 г. под отдельным пунктом 11 значилось: «Пропаганде служить исключительно прямому назначению — популяризации идей, проводимых властью, разоблачению сущности большевизма, поднятию народного самосознания и воли для борьбы с анархией»².

Такие задачи ставились перед ОСВАГом, в подчинении которого находились ряд газет, журналов и театров и которым издавались брошюры и листовки.

Идея использовать «пятакки» с нанесенными на них антибольшевистскими стишками и лозунгами как пропагандистские листовки принадлежала, по-видимому, профессору гражданского права Петербургского университета К. Н. Соколову. Именно он руководил ОСВАГом с марта 1919 г.³

Денежная масса государственных кредитных билетов образца 1918 г., выпущенных в обращении в мае 1919 г. новым советским правительством, к концу этого же года достигла 123,1 млрд рублей⁴. И, в связи с денежным

¹ Особое совещание являлось законодательным и распорядительным органом управления антибольшевистских сил на Юге России в 1918–1919 гг.

² Деникин А. И. Поход на Москву («Очерки русской смуты»). М., 1989. С. 178.

³ В марте 1920 г. ОСВАГ был ликвидирован.

⁴ Наше денежное обращение // Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. / Под ред. Л. Н. Юровского. М., 1926. С. 13.

голодом в стране, она быстро распространялась среди населения. Особенно раздражало белогвардейских идеологов то обстоятельство, что народ охотно принимал эти деньги. И это не удивительно. Советское правительство, выпуская банкноты, разработанные еще Временным правительством, не успевшим осуществить их изготовление и выпуск в обращение, в свою очередь, учитывало психологию людей. А именно — население уже привыкло к качественно отпечатанным кредитным билетам Временного правительства с орлом без царских регалий — символом государства. Как известно, до начала денежной реформы они ходили со значительным лажем по отношению к прочим суррогатам, наводнявшим денежное обращение в стране. Кроме того, на купюрах был оставлен привычный для обывателя текст на лицевой стороне: «Кредитные билеты размениваются Государственным банком на золотую монету без ограничения суммы и обеспечиваются всем достоянием государства». Ниже отпечатаны подписи «управляющего» и кассира. На оборотной стороне — предостережения от подделки кредитных билетов.

Намеренно не изменяя вышеприведенные тексты на купюрах, большевистское правительство рассчитывало на их популярность у населения. Эти надписи на банкнотах связывались с довоенной хорошей жизнью, сильным рублем, разменивающимся на золото и обеспеченным достоянием государства. Хотя было очевидно, что в 1919 г. в обращении не было не только золота, но и серебра и даже меди. Однако на билетах стояла подпись главного комиссара Народного банка — Георгия Леонидовича Пятакова, и некоторой части населения это обстоятельство внушало определенный оптимизм.

Задачей же ОСВАГа была дискредитация эмиссии «пятакоек». Билеты с надпечатками ОСВАГа являются своеобразными свидетельствами противостояния «белой» и «красной» идеологий в период Гражданской войны.

Известный российский историк В. Г. Сироткин в своей книге «Зарубежные клондайки России» писал: «С высоты прошедших лет, читая воспоминания участников Гражданской войны с «красной» и «белой» сторон, начинаешь понимать, что оба «антипропа» — в Москве и в Ростове-на-Дону — были зеркальным отражением друг друга, только с обратными знаками. В Москве висели «Окна РОСТА» со стихами Маяковского и Демьяна Бедного, в Ростове — «Окна ОСВАГа» с виршами Наживина или «белого Демьяна» рифмоплета А. Гридина...»¹.

¹ Сироткин В. Г. Зарубежные клондайки России. М., 2003. С. 288.

СИМВОЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКАХ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Л. В. Кудзеевич (Санкт-Петербург)

Одной из групп изображений, присутствующей на денежных знаках, являются символы, обозначающие государственное устройство выпустившей их страны, — монархия, президентская или парламентская республика и др. Присутствуют такие элементы и в рисунках бумажных денежных знаков периода Гражданской войны в России.

Государственные кредитные билеты Российской империи, находившиеся в обращении до 1922 г., имели несколько вариантов изображений, обозначавших монархическую форму государственной власти в стране. В первую очередь это были основные атрибуты монархической власти — корона, скипетр и держава, присутствовавшие не только как элементы государственного герба, но и как отдельные изображения. Частично эту функцию выполняли также исторические портреты императоров и императрицы и императорский вензель.

Появлявшиеся в 1917–1922 гг. на территории бывшей империи новые государственные образования использовали в оформлении своих денежных знаков как аналогичные варианты символических изображений, так и заимствованные из практики других стран.

Непопулярность российской императорской формы монархии была в 1918–1920 гг. настолько высока, что единственным, кто позволил себе поместить на деньгах ее регалии, стал командующий Западной добровольческой армии полковник П. Р. Бермонт-Авалов. На всех номиналах армейских временных разменных знаков, выпущенных в 1919 г. в Митаве (Латвия), можно увидеть полный вариант герба империи и дополнительную корону — на знаке в 25 марок. В остальных случаях использования на денежных знаках государственной эмблемы России, в том числе при подражании рисункам «царских» кредитных билетов, монархические атрибуты тщательно из них убираются. Особый случай — появление державы на оборотной стороне денежных знаков Полевого казначейства Северо-Западного фронта 1919 г. и в лапах двуглавого орла на казначейских знаках Сибирского временного правительства 3 и 300 рублей, выпущенных Российским правительством А. В. Колчака в 1919 г. По моему мнению, взятая отдельно от других регалий, она скорее обознача-

ет здесь понятие «держава — государство» и как территории, и как государственных институций¹.

Тем не менее, формы правления, предполагавшие наличие наделенного значительной властью главы государства, не были полностью отвергнуты, что и нашло отражение в оформлении некоторых денежных эмиссий. Небольшое государственное образование с монархической формой правления — Северо-Кавказский эмират — существовало в конце 1919 — начале 1920 г. в горных районах Чечни и Дагестана. На лицевой стороне всех выпущенных эмиратом кредитных билетов помещена его эмблема, в верхней части которой «изображен символ восточной монархии — чалма с короной»².

Другая, близкая к монархической, форма правления была в Украинской державе — глава этого государства Павел Скоропадский имел титул гетмана. Поэтому на ряде денежных знаков Украинской державы 1918 г. можно увидеть регалии гетманской власти: бунчук и булаву. Так, в верхней части рисунка билетов 3,6% займа Государственного казначейства за гербом Украины видны два бунчука, булава и шестопер (*Цв. вкл. XX, 1*); на лицевой стороне знака достоинством 1000 карбованцев присутствуют бунчук и булава (*Цв. вкл. XX, 2*), а еще одна булава помещена в руку женской фигуры на ее обороте; на обороте знака достоинством 10 карбованцев присутствуют булава с саблей. Другой вариант обозначения формы власти — портрет правителя — был использован на знаке Державной Скарбниці в 100 карбованцев. На нем конгревным тиснением изображен один из наиболее известных гетманов Украины Богдан Хмельницкий с булавой в руке³.

Аналогичное изображение можно увидеть и на деньгах еще одного государственного образования юга России — Всевеликого Войска Донского. На денежном знаке достоинством 250 рублей и билете достоинством 50 копеек Ростовской-на-Дону конторы Государственного банка, выпущенных летом 1918 г. в бытность войсковым атаманом П. Н. Крас-

¹ *Ходяков М. В.* Монархическая идея на денежных знаках периода Гражданской войны в России 1918–1920 гг. // Династия Романовых: 400 лет в истории России: материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 18 ноября 2013. СПб, 2013. С. 338–340; *Кудзеевич Л. В.* Политическая символика на денежных знаках 1917–1922 гг., выпущенных на территории бывшей Российской империи // Политическая история России. Теория и музейная практика: Сб. науч. трудов ГМП ИР. Вып. 9. СПб, 2017. С. 113–114, 121–122.

² *Парамонов О. В.* Государственная символика Северо-Кавказского эмирата в 1919–1920 годах: «Один день войны более ценится Богом, чем целый месяц поста» // Нумизматический альманах. М., 2008. № 2 (34). С. 20–25.

³ *Грошові знаки та монети України: Альбом.* Харків, 2005. С. 86, 90–91, 95.

нова, помещен портрет донского войскового атамана М.И. Платова (*Цв. вкл. XX, 3*). Особо стоит подчеркнуть, что на билете 50 копеек Платов держит в руках булаву. В период своего управления Войском Краснов всячески стремился подчеркивать государственную самостоятельность региона и ее исторические корни, в том числе и с помощью символики¹.

Если символика обозначения индивидуальной власти на государственном и прочих уровнях разрабатывалась веками и имела устойчивые традиции, то символика власти представительной, особенно в парламентской республике, таких традиций к началу 1917 г. не имела. Единственным изображением подобного рода, встречавшимся на тот момент на денежных знаках нескольких стран мира, было здание парламента. По этому пути и пошло Временное правительство России, поместив на облигациях «Займа Свободы» и кредитных билетах достоинством 1000 рублей изображение Таврического дворца, где проходили заседания Государственной думы (*Цв. вкл. XX, 4*)². После свержения в феврале 1917 г. императора и роспуска старого правительства Дума оставалась фактически единственным легитимным органом государственной власти (формально она была распущена Николаем II 25 февраля 1917 г.).

На государственных денежных знаках изображения зданий, где проходили основные заседания законодательных органов власти, впервые появились, по всей видимости, в Северной Америке в период Гражданской войны. В пятом выпуске бумажных денег Конфедеративных Штатов Америки 1862 г. на банкнотах в 5, 10 и 20 долларов изображены Капитолии в Ричмонде, штат Вирджиния (столица Конфедерации), Колумбии, штат Южная Каролина, и Нэшвиле, штат Теннесси, соответственно. Вскоре после окончания Гражданской войны здание Капитолия в Вашингтоне появляется на двухдолларовой банкноте США серии 1869 г. Здания парламента можно также увидеть на банкнотах достоинством 1 доллар Канады выпуска 1897–1900 гг. и 50 песо Республики Чили выпуска 1899–1914 гг.³

К началу Гражданской войны в России «думские» 1000-рублевки разошлись по всей территории Российской империи, и новый символ

¹ Баранов А. Г., Лазарев В. А. История выпуска донских денежных знаков//Нумизматический альманах. 2006. № 1 (29). С. 38.

² Кудзеевич Л. В. К вопросу о символике на денежных знаках 1917 года//Предваряя Революцию: книжные, архивные и музейные коллекции: материалы научно-практической конференции Третьи Рязановские чтения (19 февраля 2016). М., 2017. С. 232–240.

³ Standard Catalog of World Paper Money, General Issues, 1368–1960 — любое изд.

народовластия был перенесен на некоторые региональные денежные знаки. Первой была Одесская городская управа, ставшая в декабре 1917 г. основным эмитентом «разменных билетов города Одессы». На разработанных и утвержденных тогда рисунках билетов достоинством 3, 5, 10 и 25 рублей, подписанных исполняющим обязанности городского головы Б. Фридманом, на оборотной стороне было помещено изображение здания Городской думы (*Цв. вкл. XXI, 5*). В этом здании на Думской площади, где сейчас размещается Одесский городской совет, Городская дума работала с 1899 г. Гласные думы из своего числа избирали исполнительную власть — городскую управу, в которую входили городской голова и несколько членов. Выборы в Городскую думу Одессы 7 августа 1917 г. выиграла партия социалистов-революционеров, получившая большинство в 65 мест. На втором месте были кадеты (15 мест), украинские же социалисты получили лишь 5 мест. С ноября 1917 г. контроль над городом пытались установить представители различных национально-политических образований, а в обществе активно обсуждалась идея провозглашения Одессы «вольным городом». В столь сложной общественно-политической обстановке изображение на городских разменных билетах здания думы — законно и свободно избранного органа народного самоуправления — могло иметь несколько смысловых вариантов, которые нуждаются в дальнейшем изучении¹.

Сходная ситуация, вероятно, сложилась и с выпуском городских кредитных бон Кременчугского городского общественного управления в 1918 г. Точная дата и обстоятельства этой эмиссии пока не выяснены, но изучение оформления бон позволяет сделать некоторые предположения. Кременчуг — крупный промышленный город в Полтавской губернии, большую часть 1918 г. входил в состав Украинской державы, поддержанной немецкими войсками. Однако на всех бонах серии в 1, 3, 5 и 10 рублей, кроме подписи члена Управы и изображения здания Городской думы, присутствует двуглавый российский орел, а все тексты даны на русском языке. Сложив эти данные, можно сделать вполне определенные выводы о политических предпочтениях городского общественного управления Кременчуга в период создания бон. Изображенное же на их обороте здание было построено в 1803 г. для адми-

¹ *Файтельберг-Бланк В., Савченко В.* Одесса в эпоху войн и революций (1914–1920). Одесса, 2008. <https://coollib.com/b/185778/read> (дата обращения 27.08.2018); *Николаев Р. В.* Банкноты родом из Одессы // Водяной знак. 2006. № 9 (41). <http://www.vodyanoznak.ru/magazine/41/783.htm> (дата обращения 27.08.2018).

нистративных нужд и использовалось не только думой и ее управой, но и другими учреждениями. Оно было взорвано немецкими войсками во время Второй мировой войны, и сейчас его можно увидеть только на старых открытках и фотографиях.

Еще один денежный знак со зданием парламента появился в конце 1920 г. в Демократической республике Грузия. В центре композиции лицевой стороны купюры в 5000 рублей образца 1921 г. изображено здание бывшего дворца наместника Кавказа с развевающимся над ним грузинским флагом (*Цв. вкл. XXI, б*). Расположенный в самом центре Тбилиси на проспекте Руставели, дворец стал знаковым местом как для Грузии, так и для всего Закавказья. С конца 1917 г. там располагался Закавказский Сейм, 26 марта 1918 г. здесь же была объявлена независимость Грузии и, через два дня, Армении и Азербайджана. С 12 же марта 1919 г. и до захвата города Красной Армией в нем располагался новый высший законодательный орган страны — Учредительное Собрание. Основной задачей Собрания была разработка Конституции Грузии (принята 21 февраля 1921 г.), но оно также принимало необходимые законы и утвердило однопартийное (социал-демократическое) правительство Демократической республики Грузия под председательством Ноэ Жордания, работавшее в том же здании. Изображение дворца как символа новой народной власти оказалось подходящим и для правительства Социалистической Советской Республики Грузия, изменившей на своей боне в 10 000 рублей только флаг над дворцом, и для Совнаркома Федерации ССР Закавказья, также работавшем во дворце и оставившем его на своих денежных знаках. Сейчас в нем находится Дворец учащейся молодежи Грузии¹.

Продолжением данной символической линии можно в определенной степени считать и помещение рисунка замка Тоомпеа в Таллине в центре лицевой стороны казначейского знака в 500 марок 1923 г. Эстонской Республики. С 1922 г. на территории замка в специально построенном здании заседал эстонский парламент Riigikogu («Государственное собрание»). В дальнейшем в XX в. идея изображения на бумажных денежных знаках зданий парламента или правительства как символов власти получила широкое распространение.

¹ *Авчугов А. Ю.* Государственные эмиссии Грузии 1918–1922 гг. // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирование. 2005, № 5 (27). С. 127; *Жуков А. А., Малышев В. П.* Денежные эмиссии Закавказья. Грузия, Азербайджан, Армения. 1917–1924 гг.: Энциклопедия. СПб., 2008. С. 21; http://old.youthpalace.ge/menu_id/8/lang/3/История (дата обращения 27.08.2018).

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ (на материалах Минска)

Ю. П. Латушкова (Минск)

Зимой 1919 г. началась советско-польская война. Наступление частей польской армии на Беларусь шло по направлениям Вильно-Лида-Молодечно, Барановичи-Минск, Кобрин-Пинск.

Неопределенность планов относительно включения занятых земель в Польшу (инкорпорация или федерация) привела к созданию временного института польской гражданской администрации — Гражданского управления Восточных земель. Были выделены Виленская, Брестская, Вольнская и Минская округа.

В подконтрольных польской администрации регионах сложилась специфичная денежная система. Рассмотрим ее на примере Минска, крупного железнодорожного и транзитного узла, важного административного центра Беларуси, находившегося под оккупацией с 8 августа 1919 по июль 1920 г. Материалы по его экономическому положению регулярно печатали газеты «Звон» (с 12 октября 1919 г. — «Беларусь») и «Минский курьер».

На момент оккупации Минска денежная масса в городе состояла из нескольких разных по своим официальным эмитентам, котировкам и покупательной способности денежных знаков, номинал которых указывался в русских рублях. Это были: «царские» («николаевские», «романовские») банкноты — кредитные билеты Российской империи образца 1898–1912 гг.; «думские» («думки») — кредитные билеты достоинством в 250 и 1000 рублей, выпущенные Временным правительством; эмитированные им же «керенские» («керенки») — казначейские знаки номиналами 20 и 40 рублей; совзнаки. Эти денежные знаки объединяло полное отсутствие реального обеспечения и, в большинстве случаев, единый эмиссионный центр — Советская Россия.

В городе сохранялось и некоторое количество ост-рублей (оккупационных денежных знаков, выпускавшихся немецкими властями под эгидой Восточного банка торговли и промышленности), ост-марок и немецких марок (хотя прием германских оккупационных денежных знаков был запрещен с 11 февраля 1919 г. всем учреждениям, за исключением Казначейства). С приходом легионов к уже имеющимся видам денег добавились марки польские. Именно в период польской оккупации параллель-

ное обращение валют, начало которому положили эмиссии Временного правительства, достигло своего пика.

Рассмотрим роль каждой из валют в денежном обращении Минска. Основную часть денежной массы, имевшейся на руках у населения и в наличии учреждений осенью 1919 г., составляли «керенки» и «совзнаки». Именно в них «при советах» исчислялись рыночные цены и выплачивалась заработная плата. Курс их был крайне нестабилен и низок. Они неохотно принимались в платежи крестьянами и торговцами. Часто газеты приводили единый курс для двух этих валют, хотя изначально «керенки» котировались заметно выше. В апреле 1920 г. котировки этих денежных знаков окончательно исчезают из прессы.

«Думские» рубли котировались ниже царских, но заметно выше «керенок». В качестве важного препятствия к широкому использованию «думских» рублей в денежном хозяйстве города газеты называют крупные номиналы этих купюр (250 и 1000 рублей).

«Царский» рубль был принят польской администрацией в качестве основной платежной единицы после оккупации Минска. Он высоко котировался и был в дефиците, изымаясь из обращения и оседая в накоплениях горожан. Резкая смена валюты привела к ряду злоупотреблений и конфликтов. В городе произошел рост цен, несколько замаскированный снижением чисел на ценниках (на конец августа — начало сентября между «царскими» и «керенскими» рублями была разница в 4–5 раз). Газеты регулярно указывают на требования оплаты услуг и товаров только в «царских» рублях, рассматривая это как злоупотребление. Некоторые учреждения вводили для своих служащих выплату фиксированной части заработной платы в «царских» рублях.

Польскую марку население встретило настороженно. В прессе публиковалась информация об отказе приема ее в платежи как местными купцами, так и зарубежными предпринимателями. Тем не менее, с начала 1920 г. марка должна была заменить «царский» рубль в качестве основной денежной единицы. Однако резкое падение ее курса в начале января 1920 г. (всего выделяется три таких момента: в начале января, в начале марта и в конце мая — начале июня 1920 г.) значительно замедлило перевод расчетов в городе на эту валюту. Тем не менее, весной 1920 г. польские марки прочно входят в денежное обращение Минска. В них указываются штрафы и цены. К моменту освобождения города население тезаврирует эти денежные знаки наравне с «царскими» и «думскими» рублями.

Практически так же часто как «царский» рубль и польская марка, в прессе фигурирует марка немецкая. В конце августа 1919 г. она исполь-

зовалась для выплаты заработной платы некоторым категориям служащих, наравне с «царским» рублем, к которому ее котировки близки. Осенью 1919 г. и зимой 1920 г. газеты отмечают дефицит немецких марок в городе, равно как и польских марок, ост-марок и ост-рублей, австрийских крон. Указаний цен в них не встречается.

Начиная с середины мая 1920 г., газеты регулярно публикуют курсы иностранных валют, таких как доллары, франки, фунты стерлингов. Эти денежные знаки поступали в город вместе с благотворительными миссиями и от эмигрировавших ранее за границу родственников и друзей минчан.

Кроме бумажных денежных знаков, до первой декады марта в газетах печатаются котировки золотых и серебряных монет Российской империи. Курс банковской монеты постоянно растет. Пресса отражает повышенный спрос на эту категорию денег, но данных о предложении монеты в периодической печати нет.

Установленный советской властью паритет имевшихся в обращении денежных знаков так и не стал реальностью. Колебания курсов на «черной» бирже в этот период можно рассматривать как реакцию населения и рынка на действия властей, политические и военные события. В период польской оккупации это явление достигло апогея: курсы формировали как частные лица на «неофициальной бирже», так и различные организации. Резкая смена котировки могла произойти в любой момент, не только в зависимости от вида денежных знаков, но и от их номинала и сохранности (в прессе отдельно указываются курсы крупных и мелких купюр, ветхих и новых). Многочисленные махинации раскручивали вокруг «рваных» «царских» рублей, которые шли по заниженному курсу.

Подобная ситуация не устраивала ни городскую администрацию, ни Управление Восточных земель. Магистрат обращался к польским властям с просьбой о сохранении в обращении всех денежных знаков, курсировавших ранее, и об установлении их твердого курса.

Уже в сентябре 1919 г. устанавливаются карательные меры в отношении спекулянтов валютой и проводятся облавы на «черной» бирже. Был введен запрет на обмен денежных знаков где бы то ни было, за исключением официальных меняльных контор, в своей деятельности обязанных ориентироваться на регулярно публикуемые газетами курсы валют на Варшавской бирже. Конторы эти должны были принимать к обмену все денежные знаки, курсировавшие в городе, за исключением «советских». Следует отметить, что при установленном директивно и неоднократно законодательно подтвержденном позже паритете марки

польской и «царского» рубля, курс марки в меняльных конторах изначально закладывался на 10% ниже «царского».

Отметим, что первые шаги по установлению фиксированных курсов имевшихся в обращении валют были предприняты польской администрацией намного раньше: со 2 июня 1919 г. по распоряжению Генерального комиссара Восточных земель все налоги и выплаты должны были исчисляться в «царских» рублях; устанавливался паритет «царского» рубля и марки польской. Во второй половине 1919 г. равенство марки польской, ост-марки и «царского» рубля было неоднократно подтверждено законодательно. В реальности в ноябре 1919 г. курс марки польской на рынках Минска был ниже на 8–15%. Законодательство не успевало за изменением котировок и не могло остановить падение курса марки. В мае 1920 г. курс был установлен в 216 марок польских за 100 рублей «царских», а спустя несколько дней на «черной бирже» он составлял уже 225–240 марок польских за 100 рублей «царских».

Осенью 1919 г. формируются основные направления денежных потоков, транзитным центром на пути которых стал Минск. Из Минска в Варшаву шел отток «царских» денег: именно за них делались купцами и магистратом закупки оптовых партий товаров, необходимых для города, в них осенью 1919 г. взымались штрафы и налоги. В сложившейся ситуации отток «царских» рублей в Варшаву и за рубеж грозил финансовой катастрофой для края. 14 января 1920 г. был введен запрет на вывоз «царской» валюты с «Восточных окраин» в бывшую «Польшу Конгрессовую»; разрешение на вывоз могло давать только Министерство финансов.

Из Польши в Минск поступали польские марки, которыми выдавалась заработная плата в учреждениях и на предприятиях. С февраля 1920 г. по приказу Генерального комиссара все учреждения и общественные кассы должны были принимать деньги и выплачивать заработную плату только в польской валюте; прием «царских» денег прекращался. Приказ этот не был реализован. В мае правительством устанавливается твердый (довоенный) курс рубля и вводится запрет операций в рублях; прекращается поступление российских знаков в польские кассы. Однако котировки «царского» рубля (равно как и «думского») регулярно публикуются городской прессой вплоть до июля 1920 г.

Из Варшавы и Вильно, в город, ставший одним из транзитных центров на пути в Советскую Россию, хлынула масса «керенок», в том числе фальшивых. Из Минска эти денежные знаки вместе с «советскими» при первой возможности отправлялись в «Советы». Курс «керенок» и «совзнаков» рос со стабилизацией фронта. Сложнее определить ситуацию с «думски-

ми» деньгами: по информации, попавшей на страницы прессы, из Минска они поступали на территории, подконтрольные Юденичу и Деникину.

Таким образом, в период польской интервенции в денежном хозяйстве Беларуси основными валютами выступают «царский» рубль и марка польская. Котировки других валют регулярно упоминаются, однако цен, штрафов, налогов в них не приводится. Рано определяются основные денежные потоки, в которых Минск занимает место транзитного центра. Попытки польских властей преодолеть кризисные явления успеха не имели.

ВЫПУСК ОБЕСПЕЧЕННЫХ ОПИЕМ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ В СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ОБОСТРЕНИЯ ДЕНЕЖНОГО КРИЗИСА 1918–1920 ГОДОВ

А. Ю. Кузнецов (Москва)

На денежных знаках, выпущенных Семиреченским Советом народных комиссаров на территории современного Казахстана в 1918 г., можно прочесть необычную надпись «Кредитные билеты обеспечиваются опием, хранящимся в Государственном банке». А на самих знаках в качестве оформления можно видеть цветы мака и даже листья марихуаны. Нигде до этого в мире не было ничего подобного — по сути наркотики официально объявлялись залогом стабильности денежного обращения, наравне с золотом и прочими ценностями.

Чтобы ответить на вопрос, почему было выбрано столь экзотическое обеспечение этой эмиссии и откуда у местных большевиков взялся опиум, необходимо совершить исторический экскурс во времена присоединения различных областей Средней Азии к России.

Семиречье — область, на территории которой находятся современные государства Казахстан и Кыргызстан, получившая свое название из-за семи крупных рек, протекающих в этом районе. Проникновение России в Семиреченский край произошло после присоединения к Империи казахских Младшего и Среднего Жуза (союза) по их просьбе с целью защиты последних от экспансии Кокандского ханства.

В результате побед над кокандцами были заложены ряд крепостей, в том числе и укрепление Верный (современный город Алматы) в 1854 г. Началась колонизация Семиречья — в основном казаками Сибирского

казацкого войска, которое было образовано в 1867 г. Наказным атаманом был назначен победитель кокандцев, пристав Большой орды Герасим Алексеевич Колпаковский.

В 1864 г. на сопредельной Семиречью территории Китая в Синьцзяне вспыхнуло восстание мусульманского населения — дунган и таранчей (уйгур) против Цинского правительства, и к 1866 г. восставшие полностью очистили край от китайцев, образовав новые государства — Джетьшаар в Кашгарии и союз дунганских городов в Урумчи и Манасе. Для России результатом явился упадок торговли, возросшее количество набегов на российскую территорию и нападений на российских подданных. На границах России образовались фактически разбойничьи государственные образования.

Правительство Китая неоднократно обращалось к России с просьбой о введении войск в долину реки Или, однако такое решение было принято только после того, как один из старшин Старшего Жуза Тазабек Бусурманов с тысячей семей откочевал в Илийский край, по пути разграбив несколько аулов других родов и угнав их скот. Таранчинский хан Абель-оглы отказался выдать беглецов и оскорбил послов. Колпаковский, получив приказ о наступлении от генерал-губернатора Туркестана К. П. фон Кауфмана, в 1871 г. вторгся в Кульджу, за неделю разогнал туземные войска, а Абель-оглы поймал и выслал в Россию на жительство в Верный, где тот жил до конца своих дней.

Пробыли русские в Кульдже до 1883 г., когда по русско-китайскому договору 1881 г. покинули территорию современного СУАР.

Из-за боязни возмездия китайцев за убитых в ходе восстания, в русское подданство попросились около 60 000 дунган и уйгуров. Им разрешили поселиться в Джаркентском и Верненском уездах.

Они занимались земледелием, возделывая сады, огороды, где в числе прочего выращивали мак — это была основная статья дохода дунган в Китае в то время. Поражение Китая в опиумных войнах за право европейцев беспрепятственно торговать опиум привело к росту наркоманов в Китае. В стране в 450-миллионным населением насчитывали 25 млн наркоманов. Опиум не только завозили из Индии, но и выращивали в Китае. В Синьцзяне этим занимались дунгане, и после переезда в России они продолжили это доходное дело.

В Средней Азии хоть и было распространено потребление мака в виде кокара (отвар из маковых головок) и курение опия, однако собственных посевов не было. Ханы хоть и не преследовали за употребление наркотика так, как за запрещенный шариятом алкоголь, но и не поощряли это.

Российские власти после соответствующих исследований также запретили в 1878 г. изготавливать и употреблять наркотики по всему Туркестанскому краю¹. Однако, несмотря на запрет, в России дунгане продолжили выращивать мак и контрабандой поставлять его в Китай.

Так продолжалось до начала Первой мировой войны, когда поставщик необходимого на фронте болеутоляющего морфия — Германия, и основной экспортер мака (сырья для морфия) — Турция стали противниками России в войне. В мае 1915 г. принято решение о возделывании опийного мака и создании промышленной базы по переработке сырья. В качестве базы было выбрано Семиречье — как наиболее подходящее место по климату и наличию контингента, уже умеющего возделывать культуру. Посевы опийного мака были легализованы, государство начало скупать у населения опий-сырец.

Большевики пришли к власти в Верном 5 марта 1918 г. Новой власти понадобились деньги для содержания государственного аппарата и армии. Произошло изъятие денег со счетов и сейфов банков, обложение контрибуцией капиталистов города. Началась реквизиция товаров на складах, скота, предприятий и крупных домовладений. В том числе был реквизирован и непереработанный опий-сырец.

Новая власть просила денежного подкрепления из центра, отправили телеграмму Ленину: «Просим немедленного распоряжения о высылке нам денежных знаков — сорок миллионов. У нас обеспечение есть — опий, шерсть, скот и кожа»².

Запас опия в начале 1919 г., согласно записке финансового отдела Семиреченского облисполкома составлял 760 пудов³. Однако ранее реквизировано было больше, порядка 1200 пудов — весь 1918 г. большевики торговали с китайцами в Кульдже, меняя опий на товары и оружие. Ф. Мельников, матрос с «Потемкина» (высланный после восстания на броненосце в Верный), писал: «Мы обязались губернатору давать опий, а он разоружать белые части и вместе с товаром отправлять в Верный». В Кульджу были отправлены 25 подводов «ценного товара»⁴.

Однако предпринятые меры не отодвинули финансовый кризис. Поступление денег из Москвы было невозможно из-за боевых действий и от-

¹ Григорьев П. Туземцы и кокнар//Туркестанские ведомости. 1880. № 27.

² Алма-Ата в период Октября и в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.). Летопись событий/Под общ. ред. С. Джусупбекова. Алма-Ата, 1949.

³ ЦГА РК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.

⁴ Гуревич Б. П. Взаимоотношения советских республик с провинцией Синьцзян в 1918–1920 гг. //Советское китаеведение. 1958. № 2.

резанности Туркестана линией фронтов. В связи с этим началась подготовка к самостоятельной и санкционированной Москвой эмиссии в Ташкенте. Однако независимо от Ташкента и в Верном 15 апреля создали финансовую комиссию по производству собственных денежных знаков в составе Шевелева, Неупокоева, Гуданец и Сторожева.

Выпуск «верненских рублей» (так называли в периодике местные боны) состоялся 18 апреля 1918 г. на сумму 20 миллионов рублей от имени Семиреченского Совнаркома «под обеспечение опия, хранящегося в отделении Госбанка»¹. Подписаны они были военным комиссаром Бересневым и комиссаром финансов Пономаревым. Эта эмиссия была узаконена в феврале 1919 г. постановлением ЦИК Туркестанской республики, разрешившей выпуск на сумму 100 миллионов рублей. Однако верненские власти постоянно превышали разрешенный контингент эмиссии и не отчитывались перед Ташкентом о расходах. Это вызывало недовольство комиссара финансов Туркестанской республики Якова Ренесланца. О Семиреченских руководителях он говорил как о людях «с познаниями и кругозором конторщика»².

В ноябре 1918 г. состоялся второй выпуск «верненских рублей». Это было связано с упразднением Совнаркома, и на бонах теперь стояли подписи должностных лиц Семиреченского облисполкома — председателя Кучина и заведующего отделом финансов Бородинца. Также было предписано в целях защиты от подделок снабдить боны сериями — для 1 рубля устанавливалась серия 001, для 3 рублей 002 и т. д. по возрастающей³.

После формального разрешения Ташкента на выпуск бон в 1919 г. произошла смена дизайна бон крупных номиналов. «Верненские рубли» стилистически стали похожи на туркбоны⁴ — возможно, эскизы для них готовились художниками из Ташкента. Предыдущие выпуски бон, более примитивно оформленные, не изымались, и были в обращении одновременно.

Официально курс «верненских рублей» был установлен наравне с туркбонами. Однако на рынках они котировались ниже туркбон в полтора-два раза⁵. То есть за одну и ту же работу чиновники и красноармейцы в Верном и Ташкенте фактически получали разные деньги. Население тре-

¹ Заря свободы. [Газета г. Верный]. 1918. № 40.

² ЦГА РУ. Ф.Р37. Оп. 1. Д.16. Л.84.

³ ЦГА РК. Ф.489. Оп. 1. Д.144. Л.73.

⁴ Туркбоны — временные кредитные билеты Туркестанского края, выпущенные с разрешения СНК РСФСР в 1918–1920 гг. — *Прим. ред.*

⁵ *Рапопорт Я.* Верненский рубль//Народное хозяйство Туркестана. 1920. № 1.

бовало прекратить выпуск этих суррогатов, и были случаи отказа принимать эти деньги на территории края. Однако эмиссия оставалась главным источником дохода властей, и выпуск денег продолжался, пока с ликвидацией к концу 1919 г. Оренбургского фронта не установилась связь центра с Ташкентом и не появилась регулярная финансовая помощь.

По акту, подписанному заведующим финотделом Демченко, эмиссия «опиумных денег» прекратилась 15 октября 1919 г., когда был опечатан «монетный двор по выпуску бон»¹. Всего было выпущено бон на сумму 273 298 000 рублей².

После этого они активно изымались из обращения и уничтожались.

Обменивались «верненские рубли» до 1 января 1920 г. на туркбоны по курсу 1:1.

Из-за прекращения собственной эмиссии и бесперебойного снабжения Семиреченского края турбонами удельный вес «верненских рублей» в денежном обращении к концу 1920 г. составлял менее 1%. По данным управляющего банком Лузгина к ноябрю 1920 г. в обращении оставалось 106 млн. Из них мелкими купюрами, по опыту не предъявляемыми к оплате, 13 млн; из оставшихся 90 млн 30–40% пропавшие и неплатежеспособные купюры³.

Ввиду относительно небольшой эмиссии (например, тираж 50 рублей 1919 г. составлял всего 1700 экземпляров)⁴ и выкупа эмиссии, сегодня семиреченские денежные знаки в коллекциях встречаются достаточно редко.

ПУТЕШЕСТВИЕ «КЕРЕНОК» ЗА ТРИ МОРЯ: СЕКРЕТНАЯ КОМАНДИРОВКА ГЕНЕРАЛА В. В. НАГАЕВА (1919)

А. С. Кручинин (Москва)

Финансовая реформа, проведенная в 1919 г. кабинетом Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака и предусматривавшая изъятие из обращения «керенок» — 20-и 40-рублевых казначейских знаков образца 1917 г., которые в 1918–1919 гг. широко печатались советской

¹ ЦГА РК. Ф. 489. Оп. 1. Д. 356. Л. 289.

² Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 10. Л. 64.

³ Там же. Л. 65.

⁴ Там же. Л. 64.

властью, — довольно подробно освещена в исторической и мемуарной литературе, хотя и продолжает подчас оцениваться недостаточно объективно. Согласно постановлению Совета министров от 15 апреля 1919 г. (утверждено Колчаком на следующий день), с 15 мая «керенки» становились «не обязательными к приему по платежам», причем до 15 июня они подлежали сдаче в отделения Государственного банка, казначейства и проч. с перспективой получить «половину принятой суммы» по «временной именной квитанции» к началу следующего года, а другую половину — в течение двадцати лет¹. Такой, по сути дела, принудительный заем, разумеется, не мог относиться к числу популярных государственных мероприятий, а после военных поражений и падения правительства Колчака, в ситуации, когда обычно начинается поиск ошибок и виновников, вызвал и многочисленные резкие комментарии.

Один из самых ярких и в то же время пристрастных мемуаристов, бывший член омского кабинета Г. К. Гинс уже в 1920 г. вынес реформе уничтожающий приговор: «на фронте жаловались на то, что солдат утратил “интерес” к победам, потому что захват керенок в качестве военной добычи перестал давать ему барыш. Внутри страны жаловались промышленники, потому что крестьяне перестали привозить товар на ярмарки, не зная, долговечны ли те деньги, которыми им будут платить...» и т. д.² Разделял он и неприязнь к «главному виновнику» — министру финансов И. А. Михайлову, вообще пользовавшемуся репутацией интригана и просто выскочки — рассказывали, будто на вопрос журналиста о его возрасте 29-летний Михайлов не без юмора ответил: «Если бы Вы знали, сколько мне лет, — сибирский рубль вообще ничего бы не стоил!»³.

Но у реформы были сторонники и помимо Михайлова. В условиях, когда темпы эмиссии «советских керенок» стремительно возрастали (только в январе-апреле 1919 г. — 8198,3 млн рублей!), а линия фронта непрерывно колебалась, — сохранялась угроза насыщения рынка колоссальным количеством обесцененных денег, что было бы ничуть не меньшим экономическим ударом, чем любое аннулирование любых денежных знаков. Финансовый работник с многолетним стажем В. П. Аничков так вспоминал позже свои тогдашние размышления о борьбе против «керенок»: «Количество рублей на душу населения по ту сторону фронта (в РСФСР. — А. К.) к тому

¹ См. например: *Аляжкин А. В., Баранов А. Г.* История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург, 2005. С. 198–199.

² *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак: Поворотный момент русской истории, 1918–1920 гг. М., 2008. С. 328–329.

³ *Мелихов Г. В.* Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003. С. 69.

времени достигало приблизительно десяти тысяч, а по эту вряд ли превышало тысячу. Настанет конец войны, Москва будет взята, и в этот момент население Центральной России окажется во много раз богаче, чем жители окраин, прилагавшие усилия к сохранению ценности денег. <...> Становилось очевидным, что нужно было либо насыщать денежный рынок нашими рублями в одинаковых размерах с советскими, либо совершенно огрaдить себя от поступления советских рублей и керенок»¹. В сущности, вопрос о денежной реформе был настолько ясным, что премьер-министр колчаковского кабинета П. В. Вологодский за самые горячие ее месяцы ни разу не удосужился упомянуть о реформе в своем дневнике².

Наконец, не позволяет считать реформу провалившейся и реакция населения, которое, охотно или неохотно, несло на обмен имевшиеся у него «керенки» в достаточно больших количествах. Уже к концу июля, по сообщениям прессы, было сдано их на сумму 983 млн рублей (при том, что к началу 1919 г. в кассах отделений Государственного банка на всей «колчаковской» территории имелось «керенок» на сумму в сто с лишним раз меньшую)³, и лишь военные неудачи вскоре, в конце лета — осенью, естественно снимут этот вопрос с повестки дня. А пока возникал другой вопрос — что делать с изъятыми миллионами, скапливавшимися в отделениях банка, казначействах и проч.?

Решение, которое сразу напрашивается, — коль скоро эти деньги ни в коем случае не будут возвращены в оборот, значит, их нужно уничтожить физически, — возможно, действительно иногда проводилось в жизнь. Полковник И. С. Ильин записывал в дневнике 6 июня: «Казак Иванова-Ринова (генерал, атаман Сибирского казачьего войска. — А. К.), когда захватили несколько денежных ящиков с керенками и романовками и по приказанию начальства, навалив кучу, стали все это сжигать, потеряли сразу весь вкус к войне»⁴. Однако здесь обращает на себя внимание не только уже знакомое желание выставить разбойниками и стяжателями тех, за чьими спинами спасали свои жизни и Гинс, и Ильин, но и малая достоверность сведений: «романовские» (рубли императорского образца) никто не аннулировал, более того, они считались наиболее ценной из русских валют, и сожжение их просто неправдоподобно.

¹ Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М., 1998. С. 199.

² См.: Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. С. 157–173.

³ Подробнее см. в нашей работе: Кручинин А. С. Адмирал Колчак: Жизнь, подвиг, память. М., [2010]. С. 368–373.

⁴ Ильин И. С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина, 1914–1920. М., 2016. С. 375.

Генерал Г.И. Клерже, весной — летом 1919 г. служивший в штабе Верховного главнокомандующего, впоследствии вспоминал, что «было признано необходимым переклеить все запасы указанных денег («керенок». — А. К.) особыми агитационными лозунгами и пачками разбрасывать их с аэропланов над линией фронта большевиков и своих войск»¹. Известны и несколько экземпляров таких «агит-керенок» — это типографские листовки с наклеенными на обороте аннулированными казначейскими знаками, которые действительно «заклеймлены», вероятно, ручными штемпелями². Впрочем, «клеяние» миллионов аннулированных купюр представляется задачей совершенно нереальной, да и более практичное применение «керенкам» было скоро найдено.

При обсуждении вопроса о доставке в Россию новых денежных знаков, отпечатанных в США, правительство Колчака придерживалось взгляда о нежелательности отправки части тиража на Юг России, где борьбу возглавлял генерал А.И. Деникин: «Нужду Деникина в деньгах, в каких угодно размерах, удовлетворим присылкой наших знаков», — однако современная версия, будто под «нашими знаками» подразумевались «денежные знаки, выпускаемые омским правительством (казначейские знаки, краткосрочные обязательства и т.д.)»³, не кажется нам правдоподобной. Достаточно вспомнить скорбные замечания Гинса о непритязательном внешнем виде «сибирских денег», особенно в сравнении с южнорусской полиграфической продукцией, в том числе денежными знаками⁴. Снабжать Деникина «сибирскими», производство которых не успевало обеспечивать потребности самой Сибири, было бы слишком большим легкомыслием... однако оставались запасы сданных на обмен «керенок»!

В Европейской России главной опасностью с точки зрения «экспорта инфляции» считались уже не столько «керенки», сколько новые денежные знаки, выпускавшиеся советской властью с 15 мая 1919 г. по старым клише с двуглавыми орлами, но снабженные факсимильной подписью «управляющего Государственным банком» (главного комиссара Народного банка) Г.Л. Пятакова — «пятаквки», против которых и повело борьбу существовавшее при Деникине гражданское управление. «Керенки» же казалось вполне допустимым перевозить с восточного театра на южный, и о прецеденте такой командировки и даже о некоторых ее

¹ Клерже Г.И. Революция и гражданская война: Личные воспоминания. Ч. 1. Мукден, 1932. С. 163–164.

² Алямкин А.В., Баранов А.Г. История денежного обращения... С. 189 (иллюстрация).

³ Там же. С. 248–249.

⁴ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак... С. 298, 425.

Рис. 1. Генерал В. В. Нагаев. Фотография 1918–1919 гг. с дипломатического паспорта (печати – российского министерства иностранных дел, японской дипломатической миссии в Сибири и международного бюро паспортного контроля в Афинах).

подробностях сохранились документальные свидетельства, а главным действующим лицом здесь оказался пятидесятипятилетний генерал Виктор Владимирович Нагаев.

Он был кадровым военным, офицером Генерального штаба, участвовал в Русско-японской войне, заслужив Золотое оружие, и в Первой мировой, в 1916 г. получив орден Святого Георгия 4-й степени. После непродолжительного гражданства в «самоопределившейся» Грузии Нагаев в декабре 1918 г. прибыл в армию Деникина и был зачислен в резерв чинов. Весной следующего года он с девятью спутниками отправился в Сибирь, а в конце августа выехал из Омска по обратному маршруту — через Владивосток и далее морем: Токио, Гонконг, Сингапур, Коломбо, Порт-Саид, Афины, Новороссийск — к Деникину. Гинс свидетельствовал, что целью поездки было формирование на Юге России дивизии из «застрявших» там сибиряков, на что советом министров якобы было ассигновано 4000 английских фунтов стерлингов, и «этому же генералу выдано было еще на миллион рублей мелких керенок»¹. О том же поручении говорит в своем дневнике управляющий военным министерством гене-

¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак... С. 419.

рал А. П. Будберг, и вряд ли случайно накануне отъезда из Омска Нагаев был произведен в генерал-лейтенанты¹; однако поездка имела и еще одну цель, скрытую от глаз Гинса и Будберга.

Документы в целом подтверждают свидетельства Гинса о денежных суммах, доверенных Нагаеву (на самом деле — несколькими аккредитивами 5244 фунта, 16 шиллингов и 8 пенсов²) и о том, что деньги эти выделялись не на путевые расходы: на дорогу Нагаеву с тремя спутниками было выдано в общей сложности 200 фунтов и 7479 иен³, и путешественникам даже пришлось обналичить сумму в 355 фунтов, 3 шиллинга и 4 пенса из тех денег, на которые был выписан аккредитив. Основная же сумма в английской валюте, очевидно — как предназначенная для других целей, была сдана в кредитную часть управления финансов при Деникине; сдаче подлежали и врученные Нагаеву в Омске керенки, причём было их значительно больше, чем рассказывал Гинс.

Несколько иной вариант «сметы» приводит Будберг, утверждая, что Нагаеву на формирование сибирской дивизии было «экстренно ассигновано около 80 миллионов рублей романовскими и керенками», а всего якобы выделили «2000 фунтов стерлингов на расходы плюс обобранные из всех казначейств десятки миллионов романовских»⁴. Мемуарист, часто считающийся образцом хорошей информированности и объективной критики в адрес всего Белого движения, на конкретном примере невольно продемонстрировал то ли весьма поверхностные знания о том, что обсуждалось на заседаниях совета министров с его участием, то ли забывчивость при написании «дневника», то ли желчность до несправедливости применительно ко всему, не соответствующему его взглядам и мнению. Впрочем, вернемся к нагаевским «керенкам».

Добравшись через четыре месяца до Новороссийска, генерал 2 января 1920 г. сдал по акту в местное отделение Государственного банка «семьдесят два миллиона (72 000 000) рублей казначейскими знаками 20- и 40-рублевого достоинства». «Посылка» (согласно выданному в Омске дипломатическому паспорту Нагаев, несмотря на свой чин, считался «курьером с депешами») была довольно объемистой —

¹ ДРЗ. Архив-музей. Ф. 260. Выписка из приказа Верховного правителя и Верховного главнокомандующего от 28 августа 1919 г. (ввиду того, что архивный фонд находится в состоянии обработки, в ссылках на него указывается только наименование документа).

² Там же. Расписка начальника Кредитной части Управления финансов при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России от 9 декабря старого стиля 1919 г., без номера.

³ Там же. Расчет на выдачу путевого довольствия от Владивостока до Новороссийска; расчет на выдачу добавочного путевого довольствия.

⁴ Будберг А. П. Дневник // Архив Русской Революции. Т. 15. Берлин, 1924. С. 288.

29 тюков и 4 «сумки», упакованные в десять больших тюков за печатями министерства иностранных дел, так что попутчики явно оказались для него не лишними. Содержание же тюков в какой-то мере иллюстрирует географию и масштабы обмена аннулированных «керенок» в Сибири и захвата их у красных в качестве военной добычи. Тюки и сумки были опечатаны в Омском отделении Государственного банка (55 232 960 руб.), казначействах: Усть-Каменогорском (840 000 руб.), Татарском (239 180 руб.), Зайсанском (1 480 000 руб.), Кокчетавском (1 000 000 руб.) и Славгородском (2 000 000 руб.) и полевых казначействах: Сибирской армии (2 254 400 руб.), 1-го Сибирского корпуса (3 192 540 руб.), 4-го Сибирского корпуса (1 312 100 руб.), 1-го Средне-Сибирского корпуса (4 062 340 руб.) и 6-го Уральского корпуса (386 480 руб.)¹.

Немаловажно отметить, что, утверждая ассигнования на поездку Нагаева, совет министров, очевидно, не знал об отправке Деникину «керенок» — иначе наблюдательный и ехидный Гинс и желчный мизантроп Будберг не преминули бы это отметить; ничего не упомянул на этот счет в дневнике и премьер-министр Вологодский. Вероятно, такая скрытность была результатом «заговора» Михайлова, за десять дней до этого лишившегося своего поста, и управляющего министерством иностранных дел И. И. Сукина и следствием борьбы различных группировок в правительственных кругах: в постоянных попытках придираться к действиям недавнего министра финансов его недоброжелатели, конечно, не обошли бы своим вниманием и такую благодатную тему, как пересылка целых тюков денежных знаков практически через полмира.

Перевезенная сумма не достигала и 8% от всей, сданной керенками на обмен в Сибири, и нам неизвестно, были ли другие подобные перевозки. Однако даже в качестве единственного прецедента командировка генерала Нагаева представляет значительный интерес как впервые откровенный эпизод финансовой политики колчаковского правительства (а вернее, единоличной политики одного из министров) и как любопытный пример «маневра денежными знаками» (по аналогии с «маневром живой силой» в тактике) на той «войне денег», которая была неотъемлемой частью настоящей, кровопролитной войны.

¹ ДРЗ. Архив-музей. Ф. 260. Акт о приеме денежных сумм Новороссийским отделением Государственного банка от 20 декабря старого стиля 1919 г.; квитанция Новороссийского отделения Государственного банка от 5 декабря старого стиля 1919 г. за № 4624.

РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА НА ПРОВЕДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАЙМОВ IV ПЯТИЛЕТКИ (по материалам информационных сводок партийных работников)

М. Д. Новиков (Санкт-Петербург)

Послевоенное восстановление советской экономики требовало не меньших ресурсов, чем в военное время. Одним из важных способов привлечения денежных средств на возрождение народного хозяйства являлись государственные займы.

В период IV пятилетки (1946–1950 гг.) займовая кампания представляла собой единовременную ежегодную подписку с приобретением облигаций на сумму трех-четырёхнедельного заработка. Сумма подписки изымалась в бюджет из зарплаты. Подписка проводилась уполномоченными из комиссий по содействию государственному кредиту (комсодов). На момент 1946 г. продолжали действовать займы военного времени, выигрышные займы конца 1930-х гг., по которым также проводились выплаты выигрышей¹.

Особенность послевоенных государственных займов состояла в изменении цели привлечения денежных средств — достигнутая победа требовала восстановления экономики после войны. Однако инструментарий проведения этих политических кампаний продолжал оставаться мобилизационным. Патриотическая риторика, обоснование участия в займе как морального долга советского гражданина, напористые действия партийных работников, постоянное оперативное информирование партийных структур о выполнении планов подписки — все это использовалось государством, чтобы относительно легко получить нужные средства. Сами мероприятия проводились ежегодно в мае. В период IV пятилетки проведение подписки на заем обычно проходило с 3 по 6 мая. Информацию о подготовке очередной займовой кампании часто можно было встретить в документах совещаний секретарей райкомов ВКП (б), связанных с проведением мероприятий, посвященных празднованию 1 Мая². Возможно, акцент на солидарности всех трудящихся позволял легче проводить займовую кампанию с необходимыми государству результатами.

¹ ЦГА СПб. Ф. Р-9823. Оп. 1. Д. 195. Л. 3.

² ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 10. Д. 630. Л. 3.

Имеющиеся в открытом для исследователей доступе документы позволяют сформировать представление о реакции населения и спектре проблем, волновавших рядовых граждан. Как участие, так и неучастие подписке на займы фиксировались представителями партийных организаций на разных уровнях (местном, городском, центральном), что открывает возможность для изучения конкретных проявлений реакции. Именно анализ этих отдельных случаев позволяет реконструировать разнообразие эмоций граждан за потоками выверенной партийными организациями информации.

Однако фокусироваться только на негативных проявлениях реакции и случаях отказа от подписки на займы будет неправильно, потому что в одобрении действий государства можно обнаружить успешность восприятия новых идеологических установок, эффективность работы партийных организаций на низовых уровнях, способность партийных работников доводить государственные императивы до широких народных масс.

Перед каждым новым займом публиковалось Постановление Совета Министров СССР, после чего начиналась подписная кампания. Текст Постановления публиковался в «Правде» и оглашался по радио, а уже после этого начинался процесс подписки. Настроения граждан по поводу займовой кампании сразу же фиксировались партийными работниками.

Средства массовой информации уделяли существенное внимание позитивному отклику на действия государства, заполнив им все доступные каналы информации. На следующий день после опубликования текстов постановлений в периодической печати появлялись позитивные отклики на действия государства из разных концов Советского Союза. В таких статьях часто фигурировали фразы: «Постановление о займе встречено с большим одобрением», «подписка на заем проходит организованно», «люди встретили Постановление с огромным воодушевлением»¹. Эти и ряд подобных выражений характерны для заметок в «Правде» из разных регионов, что должно было демонстрировать единообразие в поведении и одобрение государственных инициатив. Информация из Ленинграда присутствовала в центральных газетах, и в ней также отмечалась всесторонняя поддержка действий государства².

Неотъемлемым элементом подписной кампании были митинги, на которых также демонстрировалось одобрение правительственной политики. На них говорили о перевыполнении подписки на заем³, заботе государства

¹ Правда. 1946. 5 мая. № 107.

² Правда. 1946. 6 мая. № 108.

³ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 20. Д. 469. Л. 4.

о населении¹, конкретизации целей использования средств, полученных в результате подписки². В выступлениях присутствовала сильная патриотическая риторика, направленная на укрепление продвигаемых государством идей. Действительно, ужасы недавно прошедшей войны не могли оставить никого в стороне, однако вскоре после ее окончания международная обстановка поставила СССР перед новым, на который также необходимо было быстро реагировать — началась Холодная война. Образы «старого врага» в лице Германии и «нового врага» в лице США находили свое место в выступлениях митингующих, чем дополнительно утверждали правоту действий советского государства и превосходство советского образа жизни³. Стояла задача стопроцентного охвата подпиской всех трудящихся, и для достижения этой цели использовались все возможные средства.

Значительное число позитивных откликов и подписок сверх заработка встречалось среди низкооплачиваемых категорий трудящихся⁴. Возможно, такое поведение было обусловлено надеждой на светлое будущее, посильный вклад в которое делали эти люди. Характерным примером может выступить речь уборщицы управления Октябрьской железной дороги Орловой, которую она произнесла в ходе проведения подписки на Третий государственный заем восстановления и развития народного хозяйства 1948 г.: «В тяжелые дни блокады у меня погибла дочь, сын сейчас находится в рядах Советской Армии, я понимаю, что каждый внесенный мною рубль займы государству идет на укрепление оборонной мощи нашей страны, при заработке в 250 руб. я с удовольствием даю государству займы 300 руб., зная, что внесенные мною деньги идут на улучшение благосостояния советского народа и моего лично»⁵.

Несмотря на значительное внимание, уделяемое одобрению займовых кампаний средствами массовой информации и партийными организациями, существовало и другое отношение к государственной политике. Формами выражения реакции здесь были негативные высказывания или отказ от подписки. Информацию о таких ситуациях можно обнаружить в основном в партийных документах, периодическая печать не говорила об этих проявлениях. В информационных сводках партийных организаций подобные «нездоровые настроения» описывались как «отдельные проявления» на фоне всеобщего одобрения. В некоторых случаях это была под-

¹ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 10. Д. 630. Л. 10.

² Там же. Оп. 20. Д. 469. Л. 15.

³ Там же. Д. 469. Л. 5.; Там же. Д. 812. Л. 2.

⁴ Там же. Оп. 10. Д. 630. Л. 12.

⁵ Там же. Оп. 20. Д. 469. Л. 7.

писка не на весь месячный заработок¹, где-то полный отказ от подписки². Тем не менее, имеющиеся данные позволяют говорить о том, что отказы не всегда были категоричными. Партийные работники в своих информационных сообщениях всегда демонстрировали возможность проведения индивидуальной работы с «отказником», которая в ряде случаев была успешной. Отмечались увеличение сумм подписки, но статистические данные показывают, что даже при проведении дополнительной работы далеко не всегда 100 % трудящихся подписывались на заем³.

Если говорить о причинах, побуждавших к неучастию в подписке, то в большинстве случаев они сводятся к нежеланию отдавать деньги государству. Наиболее распространенной фразой, которой граждане обосновывали отказ от подписки, была «Трудно стало жить». Однако «трудность» жизни была относительной в каждом конкретном случае. Действительно, при сокращении заработной платы или в ситуации, когда у женщины на войне погиб муж, и ей необходимо было воспитывать троих детей⁴, уполномоченные по подписке могли пойти на уступки и не заставлять человека подписываться на полную сумму. Вместе с тем, в источниках зафиксировано значительное количество упоминаний фразы «трудно стало жить» в качестве оправдания неучастия в подписке без наличия настоящего тяжелой жизненной ситуации⁵. Известны случаи, когда люди обосновывали свой отказ богатством государства, которое могло самостоятельно справиться без участия конкретного человека⁶.

Социальный состав «отказников» был разнообразным. Нередко среди них встречались члены ВКП (б) с высокими доходами. Пристальное внимание партийных работников уделялось к бывшим военнопленным или имевшим таких родственников гражданам⁷.

В целом суть проблем, волновавших советских граждан в процессе проведения подписных кампаний, была сосредоточена на повседневном быте: возможность купить продукты, обеспеченность жильем, выплаченная вовремя зарплата. Критическое отношение к государственной власти или призывы к ее свержению обнаружить не удалось.

Займовые кампании IV пятилетки, несмотря на все недовольства и негативные отклики, были осуществлены. Позитивным откликом на действия

¹ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 20. Д. 812. Л. 5.

² Там же. Д. 469. Л. 18.

³ Там же. Оп. 40. Д. 98. Л. 1-3.

⁴ Там же. Оп. 28. Д. 339. Л. 22.

⁵ Там же. Оп. 20. Д. 469. Л. 8.

⁶ Там же. Д. 604. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 469. Л. 61.

государства было заполнено все информационное пространство. Нельзя, конечно, безоговорочно обвинять советских граждан в неискренности высказываний, но далеко не все «одобрительные» отклики были такими на самом деле. Несмотря на то, что негативные отклики изображались как «исключения» из общего правила, их достаточно для доказательства существования несогласия с действиями правительства. В негативных ответах мы видим скорее желание людей обратить внимание государства на их насущные проблемы, вместо того, чтобы снова откладывать улучшение жизни на светлое будущее.

ДЕНЬГИ В ЖИЗНИ ЛЕНИНГРАДЦА В 1950-е ГОДЫ (по материалам протоколов партийных собраний)

Ф. К. Ярмолич (Санкт-Петербург)

Деньги в системе общественных отношений советского человека занимали неоднозначное место. С точки зрения идеологии они относились к пережиткам буржуазной системы, которые при построении коммунистического общества должны были отмереть как чуждый элемент социальной реальности. Исходя из этого идеологического постулата на государственном уровне формировалась альтруистическая концепция труда, в рамках которой трудовая деятельность не рассматривалась как основа личного обогащения.

Как известно, стимулирование трудовой деятельности в те годы происходило не только при помощи материальных поощрений, но и при помощи немонетарных механизмов — таких, как: бесплатное образование, здравоохранение, получение жилья по истечению определенного трудового времени. В целом, человеку предоставлялась высокая степень социальной защиты. Подобная ситуация приводила в ряде случаев к непониманию обывателем значения и места денег в жизни, это не позволяло привить культуру пользования денежными средствами.

Но несмотря на идеологию, материалы Ленинграда позволяют увидеть, что деньги все же являлись неотъемлемой частью социальной реальности горожанина. Изучая, казалось бы, далекую от финансов сферу человеческих отношений — досуг, сталкиваешься с тем, что недостаточное или неэффективное использование денежных ресурсов приводили

к невозможности нормальной и полноценной организации культурно-массовых, политико-идеологических и физкультурно-оздоровительных мероприятий.

Это подтверждается обращением к бюджету Ленинграда 1950-х гг., который частично публиковался в Бюллетенях Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. Более частные проблемы, возникающие в реализации бюджета города, отмечаются в финансовых отчетах Управления культуры Исполкома Ленгорсовета. Так, в отчете «Об исполнении бюджета гор[ода] Ленинграда за 1953 год и о бюджете на 1954 год»¹ вместе с удовлетворительной работой указываются недочеты в отношении, например, выполнения дополнительного задания по выпуску товаров народного потребления. В другом источнике описывается, как отсутствие средств не позволило нанять педагога в 1954 г. для кружка самодеятельности Усть-Ижорского клуба, хотя все необходимые музыкальные инструменты были закуплены².

Подобные явления приводили к обоснованной негативной реакции со стороны горожан, создавали предпосылки к появлению коррозии в немонетарной концепции социальной реальности и приводили к трещинам в системе альтруистического труда.

Понимание власти того, что без эффективного управления финансовыми потоками на предприятиях и в организациях экономическая составляющая и социальная ткань государства существовать не может, приводило к тому, что среди работников заводов и учреждений проводились лекции, семинары и другие учебно-просветительные мероприятия, знакомящие посетителей с основами экономики, особенностями социалистической системы хозяйствования, поднимались и иные экономические темы, рассчитанные на разный уровень аудитории³.

Следует отметить, что проводилась не просто просветительная работа по экономическим вопросам среди работников предприятий Ленинграда, но перед ними ставились и конкретные задачи. Например, от театров, музеев, парков, кинотеатров городские власти требовали выполнения плана

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 115. Л. 95–102.

² Справка о развитии сети клубных учреждений Управления за 1951–1954 год//ЦГАЛИ СПб. Ф. 105 Оп. 1. Д. 209. Л. 4.

³ Подобные образовательно-просветительные мероприятия проводило общество «Знание», учреждения, входящие в систему Управления культуры Ленгорисполкома, Ленинградский дом научно-технической пропаганды, профсоюзные организаций. Например, общие сведения о занятиях, посвященных экономическому профилю среди инженерно-технической интеллигенции, даны в Справке о политической учебе инженерно-технической интеллигенции г. Ленинграда [28 октября 1951 г.]//ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 55. Д. 203. Л. 2.

по денежным сборам от проводимых ими мероприятий, что, в свою очередь, являлось источником пополнения городского бюджета.

Поскольку деньги, как бы официальная идеология иного, являлись неотъемлемой частью общественных отношений, то они становились одним из элементов включения обывателя в политическое пространство.

Так деньги, а вернее их нецелевое использование некоторыми высшими должностными лицами, стали причиной, по которой ленинградцы обсуждали на собраниях высшие эшелоны власти. Отправной точкой диалога о коррупции в среде высшего руководства среди жителей Ленинграда стало письмо ЦК КПСС о министре культуры СССР Г. Ф. Александрове.

После прочтения этого письма на закрытом партийном собрании ГРМ 31 марта 1955 г. последовало обсуждение, в ходе которого сотрудник Сметанников заявил, что значительный разрыв в зарплатах между рядовыми гражданами и руководителями недопустим. Им указывалось, что большинство членов партии в материальном отношении очень ограничены, а те, кто упоминался в письме, получали огромные зарплаты. В силу этих обстоятельств выступающим ставится вопрос: «Для чего это нужно? Зачем эти явно излишние деньги?». Сам отвечая на поставленные вопросы, Сметанников отмечает, что «высокие зарплаты развращают людей и их детей. Это не воспитывает любовь к труду, бережливости».

В выступлении другого участника заседания Камчугова отмечалось, что материальные излишества и высокие заработные платы ряда руководящих работников приводят к моральному разложению. Несмотря на то, что выступление Камчугова протоколировалось, оратор не стремился чеканить каждую свою фразу и высказывался очень эмоционально: «люди жируют, теряют чувство меры, они не видят трудностей жизни переживаемых миллионами советских людей, отрываются от народа, становятся участниками различных интриг и оргий сомнительного качества. Почему министры, секретари обкомов, горкомов, руководители советских органов получают чрезвычайно большие оклады? За какие заслуги перед Родиной и народом они поставлены в исключительно благоприятные материальные условия? <...> В самом деле, такой руководитель помимо основного оклада получает еще два оклада на квартиру в конверте. С этих двух окладов получаемых тайно и членские взносы не платит, налогов с него не удерживают, на заем он не подписывается». Вообще отмечалось, что со сверхвысокими окладами руководства необходимо покончить.

Выступающий подчеркивал, что часто рассмотрение жалоб граждан на недостойное поведение руководителей происходит формально. В качестве примера он приводит отправленное им письмо на адрес

ЦК КПСС с жалобами на руководителей обкомов, которое было перенаправлено на рассмотрение руководителю областного комитета партии, о котором речь шла в письме.

Взяв слово для выступления сотрудница Химунина рассказала присутствующим, что в 1954 г. направила на имя Н. С. Хрущева и Г. М. Маленкова письмо, в котором отмечала, что есть определенная несогласованность в идеологии и практике. В частности, она указывала, что если советское общество сейчас живет в период перехода от социализма к коммунизму, то почему до сих пор существует разница в оплате труда: начальство получает в 50–60 раз больше, чем рядовой сотрудник. Но на это письмо ЦК ей не ответил¹.

Несмотря на значительную поддержку населения нефинансовыми способами, деньги все же относились к одному из сильнейших факторов мотивации. Если этот стимул в виде зарплаты оказывался незначителен, то стремление трудиться понижалось. И это явление было даже среди квалифицированного и идейного подготовленного персонала. Например, плохо работали по причине низких зарплат инженеры в ЦПКиО им. С. М. Кирова².

Стремление заработать приводило часть ленинградцев на путь далекий от того идеала советского человека, который прописывался в идеологической литературе. Даже работники «идеологического фронта» относились к числу тех, кто не смог подавить в себе «жажду наживы»: «в Ленинградском отделении Общества на протяжении всего периода его работы грубо нарушался Устав Общества, извращалась идея создания Общества. Нарушался принцип общественности в лекционной и издательской деятельности. Участвовала лишь узкая группа людей, большинство из которых попирая почетные задачи Общества, рассматривали последнее, как место для легкого заработка. Царила семейственность, панибратство, сепаратизм в работе аппарата. Подвизалась группа “жучков”, которые превращали благородную деятельность Отделения в коммерческое дело»³.

¹ Протокол № 7 закрытого партийного собрания ГРМ от 31 марта 1955 г. //ЦГАИПД СПб. Ф. 4406. Оп. 6. Д. 4. Л. 9–10.

² Протокол № 6 закрытого собрания партийной организации Управления культуры Исполкома Ленгорсовета 8 апреля 1954 г. //ЦГАИПД СПб Ф. 948. Оп. 5. Д. 7. Л. 5.

³ Протоколы № 4 закрытого партийного собрания партийной организации Ленинградского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний от 28 февраля и 1 марта 1950 г. //ЦГАИПД СПб. Ф. 5274. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

Раздел V

ҚЛАДЫ:

ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ,
ОПИСАНИЯ, СОХРАНЕНИЯ

СОКРЫТИЕ КЛАДОВ МОНЕТ В РАННИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РУСИ: ТРАДИЦИИ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

В. Н. Седых (Санкт-Петербург)

В VIII–XII вв. на территории Восточной Европы, лишенной естественных источников серебра, в местном денежном обращении использовалась иноземная монета. Становление и функционирование международных торговых путей на территории Руси и связанных с ними торгово-ремесленных поселений имели одним из своих главных результатов создание единой системы денежного обращения уже на рубеже VIII–IX вв. Именно к этому времени арабское монетное серебро стало активно поступать в пределы Северной Руси. В районе Ладоги система восточноевропейских речных магистралей смыкается с западной ветвью морских торговых путей, сформировавшихся в VII–VIII вв. С этого момента балтийская система коммуникаций приобретает общеевропейский характер¹.

Монетные клады — памятники, отражающие состав и закономерности денежного обращения, направление международных, культурных и др. связей определенной страны в тот или иной период. Они являются своеобразными регуляторами нормального функционирования товарного рынка, где монетная масса — количество монет (денег) — зависит от двух основных составляющих рынка: от общей суммы цен обращающихся товаров (суммы товарных цен) и от интенсивности торговых операций, т. е. скорости обращения денег².

В результате работ отечественных нумизматов были представлены полные своды известных находок и наблюдения о распространении импортов в отдельные периоды. Анализ денежно-вещевых кладов, содержащих разнообразные украшения, послужил одним из оснований для хронологической атрибуции предметов парадного убора IX–X вв.³ В настоящее время полностью преодолен скепсис по отношению к датирующей способности монетных находок, некогда высказанный рядом иссле-

¹ Лебедев Г. С. Этапы формирования Трансбалтийской коммуникационной системы (древность — раннее средневековье) // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1989. С. 102.

² Рябцевич В. Н. Некоторые вопросы тезаврации сокровищ // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1970. С. 150–161.

³ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 20–23; Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб., 2005.

дователей¹; в частности, Г. Ф. Корзухиной, которая отмечала: «Монеты при отсутствии собственного чекана, раз попав в пределы Древней Руси, имели хождение здесь и несколько столетий спустя после их выпуска»².

Меновая торговля оставалась важнейшей формой торговли периода раннего средневековья³. В условиях господства натурального хозяйства на Руси, работы ремесленников на заказ, а не на рыночный сбыт, ограниченных и нерегулярных связей между изолированными населенными пунктами, результатом чего был малый объем внутренней торговли, т. н. *купли*, господствующее положение принадлежало дальней торговле — «*гостьбе*», при которой привозные товары обменивались на рабов и продукты местных промыслов, собираемые князьями в виде дани с зависимого населения⁴. Постоянное движение товаров и монетного серебра через территорию Руси стимулировало ее торговлю и денежное обращение.

В основе успешных торговых операций Руси с иноземными купцами лежало передвижение огромных масс товаров и сырья, а одним из обязательных условий был активный торговый баланс Руси. Торговля и обмен осуществлялись по принципу «товар на товар», при этом эквивалентом в торговле служило монетное серебро. Особенности денежного обращения средневековья являются параллельное ему движение денег не в силу акта купли-продажи, а в результате распространенных в ту эпоху грабежей, дани, захвата военной добычи и пр.; частое выпадение монет из обращения в клады, превращение в сокровища. Экономически клады как «сберкассы» раннего средневековья могли быть вызваны значительным увеличением скорости обращения денег; превышением количества монет, необходимых для удовлетворения потребностей экономики региона, территории; низкими ценами на предлагаемые товары или недостаточной массой этих товаров.

Возникновение кладов как своеобразных «резервных фондов», переход обращающейся монеты в неподвижное сокровище объясняются исследователями по-разному. Для Руси домонгольского времени мы располагаем данными письменных источников, археологии и этнографии, свидетельствующими о разнообразии способов сбережения нажитого.

Как свидетельствуют письменные источники, использование земли для хранения ценностей на Руси имеет многовековую историю.

¹ *Raudonikas W. J.* Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930. S. 110; и др.

² *Корзухина Г. Ф.* Русские клады... С. 15.

³ *Потин В. М.* Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей. М., 1961. С. 88.

⁴ *Даркевич В. П.* Международные связи // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 397.

Рис. 1. Фрагменты ткани — упаковки монет кладов. IX в.

1 — Тимерёво, Россия; 2 — Skåne, Швеция

Помещение денег в землю было повседневным, обычным явлением, что было обусловлено отсутствием возможности организованного и надежного их хранения. Письменные источники фиксируют клады как способ хранения ценностей уже со второй половины XI в.¹ Иноземцы, посетившие русские земли в XVI–XVIII вв., отмечали в своих записках странный, по их мнению, русский обычай хранить деньги в земле, «...по обычаю, заимствованному от предков»². Скрытые ценности в древних летописях назывались «поклажа» или «скровище» (сокровище). Слово «клад» (от «класть») начинает широко употребляться лишь с XVII в. Клады возвратные (сокровища) или экономические, в отличие от культовых, должны были обеспечить сохранность сберегаемого и достаточную легкость доступа к нему для изъятия.

В раннее средневековье для территории Восточной Европы характерной упаковкой были наиболее доступные ткань и береста. Нередки находки сбережений в бересте, в «берестяной корзине», в глиняных горшках и металлических сосудах, изнутри обложенных берестой³. В грубую ткань был упакован Тимерёвский клад дирхамов IX в. (Рис. 1). Аналогичная упаковка зафиксирована для территории Скандинавии и южного побережья Балтийского моря⁴.

¹ Рязцевич В. Н. Некоторые вопросы тезаврации сокровищ // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1970. С. 153–155.

² Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 80; Мейерберг А. Путешествие в Московию // Чтения ОИДР. Кн. 1. Разд. 4. М., 1873. С. 179; Василевский И. М. (Не-буква). Романовы. Портреты и характеристики. Пг.; М., 1923. С. 252.

³ Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968. С. 16–19; Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. 4-е изд. Л., 1970. С. 55–56.

⁴ См., например, *Sogrus nittogetum saeculorum IX–XI. Qui in Suecia reperti sunt*. 3. SKÅNE 1. Åhus — Grönby. Stockholm, 1985. Pp. 15, 201. Pl. 15: 4, 155.

При наличии характерных для раннего средневековья упаковок (ткань, береста, кожа), наиболее распространенной и хронологически, и территориально упаковкой сбережений была керамика. В фундаментальной сводке Г. Ф. Корзухиной, посвященной русским кладам IX–XIII вв., указано, что из 175 кладов этого периода 62 было помещено в глиняные сосуды, нередко залитые воском, завернутые в мешковину или парчу¹. Мнению о преимущественном сокрытии кладов в периоды общественных потрясений противоречит тщательная подготовка перед зарытием в землю обнаруженных кладов. В. Н. Рябцевич считал, что клады, «как результат тревожной обстановки, составляют сравнительно небольшую часть обнаруживаемых денежных тайников»².

Забегая вперед, отмечу, что массовый характер тезаврации сокровищ на Руси вызвал к жизни целую отрасль гончарного ремесла, специализировавшейся на изготовлении разнообразных сосудов для сокрытия кладов, — так называемых кубышек.

Весьма распространена точка зрения, согласно которой все клады носили культовый характер и посвящались богам, знатным умершим или священным местам. Вместе с тем, этнографические данные, народные предания и письменные источники свидетельствуют о почитании и поклонении древних славян и других народов Восточной Европы деревьям, камням, озерам и источникам, которым они приносили жертвы. Часть находок кладов, таким образом, может рассматриваться в качестве жертвоприношений. Скандинавы, например, считали необходимым являться в загробный мир к богу Одину с сокровищами («Сага об Инглингах») с целью обеспечения мирной и спокойной жизни живущим.

Некоторая корректировка при обсуждении причин сокрытия кладов может быть сделана в отношении кладов, в составе которых встречены монеты с граффити в виде отдельных рунических знаков или целых надписей. Одно из рунических граффити, обнаруженное на монете из Тимерёвского клада IX в. (Рис. 2), дает основания сделать определенные предположения о причинах сокрытия клада. Надпись интерпретирована как «Бог». Следовательно, данная монета могла входить в состав культового клада или придавала зарытому сокровищу сакральный характер. Анализ сохранности монеты позволил Е. А. Мельниковой заключить, что «надпись была сделана за некоторое время до зарытия клада»³.

¹ Корзухина Г. Ф. Русские клады...

² Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. 2-е изд. Минск, 1977. С. 43.

³ Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 128.

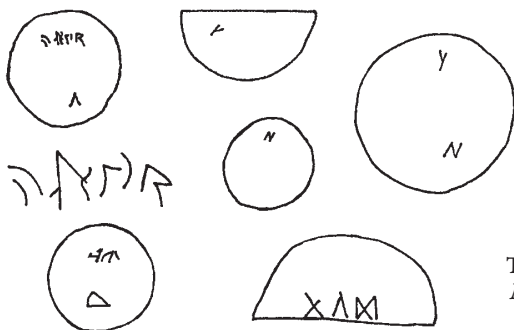

Рис. 2. Граффити на монетах Тимерёвского клада IX в. (по кн.: Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи...).

В шведских кладах на монетах с граффити надписи старшими рунами **gud** ('бог (и)') и надписи младшими рунами **kuþ** с тем же значением — наиболее часты¹. Кроме Тимерёва, на территории Восточной Европы монеты с аналогичными граффити были встречены еще дважды. Еще две монеты неизвестного происхождения с аналогичной надписью хранятся в фондах Государственного Эрмитажа и Исторического музея в Киеве².

Таким образом, можно предполагать, что, несмотря на активное участие в трансевропейской торговле, культурных, политических и иных связях, для населения Древней Руси, как, впрочем, и Скандинавии, клады не были в полной мере явлением экономическим, и богатству, видимо, в некоторых случаях придавался *сакральный характер*.

В науке представлено мнение о том, что серебро скрывали от своих же сородичей как *частную собственность*, либо оно принадлежало общинам, и их владельцы-ремесленники боялись хранить в мастерских такое значительное количество серебра: они доставали серебряные монеты для нужд производства по мере необходимости, переплавляя их на амулеты и украшения, но почему-то не успевали использовать полностью эти схороны³.

Клады являются не только показателями экономических связей с другими государствами, но и отражением («слепком») местно-

¹ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991. С. 42, 104; Нахаметян В. Е., Фомин А. В. Граффити на кувических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994. С. 139–208.

² Седых В. Н. Монетные находки в Тимерёво в контексте нумизматических данных территории Северной Руси // Труды по русской истории: Сб. статей в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова. М., 2007. С. 250–251.

³ Дубов И. В., Седых В. Н. О возможных причинах сокрытия кладов восточных монет в Древней Руси и Скандинавии // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2002. С. 11–14.

го денежного обращения¹. Это подтверждается находками кладов либо на территории поселений, либо в непосредственной близости от них². Датировка кладов дирхамов на территории Восточной Европы по младшей монете базируется на исключительной закономерности движения состава русского монетного обращения в IX — начале XI в.³ Установление четко очерченных периодов денежного обращения, отличающихся составом последнего, — одно из важнейших достижений отечественной нумизматики⁴. При этом анализ композиций кладов позволяет в ряде случаев откорректировать наши представления, полученные лишь на основании датировки клада по младшей монете. Так, в период 860–879 гг. количество выпавших кладов в Восточной Европе значительно увеличилось. Эти факты чаще всего интерпретируются как свидетельства неуклонного роста монетных поступлений на территорию Восточной Европы в период «резкого подъема» торговой активности⁵. Между тем, клады 860–870-х гг. (Тимерёво, Любынь, Шумилово и др.) содержат в основном дирхамы (от 91 до 100 %), которые были импортированы в Восточную Европу до эпохи Рюрика. В шести крупнейших кладах этого периода доля старых дирхамов, чеканенных до 862 г., составляет от 70 до 98 %, причем абсолютное большинство старых монет было чеканено в первые два десятилетия IX столетия⁶. Заключение о том, что более половины дирхамов, найденных в кладах этого периода, были ввезены в Восточную Европу задолго до эпохи Рюрика, подтверждается дан-

¹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 14.

² Потин В. М. Находки западноевропейских монет на территории Древней Руси и древнерусские поселения//НЭ [Т.] 3. Л., 1962. С. 185; Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; Пушкина Т. А. Новый Гнездовский клад//Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 171–186; и др.

³ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья...; Он же. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.

⁴ Макаров Н. А. Археологические древности как источник знаний о ранней Руси//Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 78.

⁵ Кирпичников А. Н. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение//Великий Волжский путь: Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 2001. С. 9–35.

⁶ Седых В. Н. Верхнее Поволжье в системе Великого Волжского пути (по археолого-нумизматическим данным)//Великий Волжский путь. Материалы II-го этапа Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», Санкт-Петербург — Стокгольм — Санкт-Петербург, 5–14 августа 2002 г. Ч. 2. Казань, 2003. С. 137–145.

ными большого клада 878/79 гг. из Сузы (Иран)¹. Т. е., в эпоху Рюрика на Ближнем Востоке обращалось совсем немного старых дирхамов. Таким образом, большинство старых дирхамов, бывших в обращении в Восточной Европе во времена Рюрика, попали туда *до 860 года*, в период *предшествующих интенсивных русско-исламских торговых связей*². В. Н. Рябцевич отмечал, что «упадок экономики на определенной территории может иметь своим выражением резкое увеличение числа монетных захоронений только в том случае, если территория эта *обладала ранее достаточно развитыми товарно-денежными отношениями*» (курсив наш — В. С.)³. Именно эти, скопившиеся ранее, сокровища в период военной нестабильности помещались в землю «до лучших времен».

Военно-политическая нестабильность в эпоху Рюрика способствовала тому, что накопленные ранее дирхамы стали попадать в землю. Клады этого периода зафиксированы на основной государственной территории того времени — в столицах: Новгород, Рюриково городище, Ладога, в военно-торговых и военно-административных центрах, основанных в этот период, в том числе три тимерёвских клада 860-х гг.⁴ Кроме того, учитывая существовавшую в Восточной Европе традицию помещения серебра в землю с целью сбережения сокровищ (об этом см. выше), можно предположить, что в число кладов, отражающих следствие этих бурных событий, должны быть включены сбережения, не востребованные, не изъятые из-за тревожной обстановки, но спрятанные в землю до ее наступления, т. е. в период, предшествующий событиям 860-х гг. (например, ладожский клад дирхамов 847 г.)⁵. К такимкладам примыкают клады, обнаруженные на Западной Двине — Даугаве, датируемые по младшей монете временем до призвания Рюрика (Ахремцы, Гробин, Соболево) и эпохой Рюрика

¹ Нунан Т. С., Ковалев Р. К. Клад 873/74 гг. из Любьи: Войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика//Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2002. С. 154–155.

² Об интенсивности этих связей свидетельствуют клады первой половины столетия.

³ Рябцевич В. Н. Некоторые вопросы тезаврации сокровищ... С. 161.

⁴ Седых В. Н. Новые данные к истории Великого Волжского пути//Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 177.

⁵ Мачинский Д. А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси//Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организуемые центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2001 года. Сб. статей. СПб., 2002. С. 25.

(Лучёсы, Витебская губ., Лифляндская губ.)¹. Как и «среднеокский» стусток кладов (Растовец, Борки, Мишнево и др.), клады по этой водной магистрали обязаны своим появлением, вероятно, поискам новых вариантов торговых путей зарождающегося государства. Вспышкой военных действий, «... которые нарушали картину нормального, равномерного и довольно редкого невострребования кладов», объясняют В. А. Булкин и Д. А. Мачинский появление двух «сгустков» кладов (волго-балтского и среднеокского) в период 862–878 гг.² Непокойное время отразилось, очевидно, и в другом виде памятников — в погребальных древностях³.

При всем разнообразии возможных причин сокрытия кладов в раннегосударственный период Руси вслед за учеными-нумизматами можно разделить все клады этого периода на две группы: *экономические* или *возвратные*, сокрытые с целью сохранения и последующего изъятия, и *культурные* или *безвозвратные* — жертвы, приношения. Нет сомнений, что дальнейшие археолого-нумизматические исследования позволят полнее воссоздать картину первых веков русской истории, ярким проявлением которой являются монетные клады.

ДЕНЕЖНЫЕ КЛАДЫ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ МОСКВЫ

Я. А. Козлов (Москва)

Музей археологии Москвы является отделом Музейного объединения «Музей Москвы» — одного из старейших музеев столицы. Появлению Музея археологии предшествовали крупномасштабные археологические раскопки в центре Москвы — на Манежной площади, связанные с ее реконструкцией. Раскопки проводились под руководством А. Г. Векслера в течение четырех лет — с 1993 по 1997 г. Во время раскопок был вскрыт культурный слой мощностью более 7 м. Он был насыщен наход-

¹ Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910; Янин В. А. Денежно-весовые системы русского средневековья...

² Булкин В. А., Мачинский Д. А. Русь конца VIII — начала X в. на балто-волжском и балто-донском путях//Финно-угры и славяне. (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 14.

³ Седых В. Н. Северная Русь в эпоху Рюрика по данным археологии и нумизматики//Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 84–96.

ками, относящимися к различным периодам жизни города. Были вскрыты фундаменты каменной застройки XVIII–XIX вв., деревянные мостовые, срубы домов и колодцев, а также каменные устои Воскресенского моста, который служил переправой через р. Неглинную. Вокруг сохранившихся фрагментов Воскресенского моста был создан Музей археологии, открывшийся в сентябре 1997 г.

Экспозиция подземного музея размещена в большом и малом залах и на верхней галерее над ними. В центре музея находятся восстановленные арки одной из сторон Воскресенского моста XVIII в. и фундамент белокаменного моста XVII в.

Важное место в экспозиции музея занимают клады. Они дают представление о ценностях у жителей средневековой Москвы, а также могут многое сказать о материальном положении и роде занятий их владельцев. Всего в экспозиции музея четыре клада, два из которых — денежные, один — вещевой и один — денежно-вещевой.

Самый ранний из представленных в музее денежных кладов насчитывает 158 серебряных копеек, изготовленных в технике проволочной чеканки. Монеты, найденные в 1954 г. в Пестовском переулке, были сложены в кожаный кошелек. Пестовский переулок в XVI–XVII вв. находился на окраине Москвы и являлся частью Рогожской ямской слободы. Судя по младшей монете, кошелек с монетами был сокрыт в 1608 г., во время бурных событий Смутного времени.

Другой денежный клад, представленный в музее, был обнаружен в 1970 г. в Ипатьевском переулке Китай-города во время строительных работ. Клад представляет собой медный таз, с 3398 испанскими серебряными монетами, общий вес которых составлял 74 кг. Основная часть клада — крупные испанские монеты в 8 реалов, но были и более мелкие в 4 и 2 реала. Большая часть монет была отчеканена в испанских колониях в Мексике, Боливии, Перу и Колумбии в 1479–1621 г. Клад испанских монет — имущество иностранного купца. Он являлся собранием драгоценного сырья для последующей перепродажи и был сокрыт, вероятно, во время крупного пожара 1636 г.

Денежно-вещевой клад является самым крупным в настоящее время кладом, найденным в Москве. Он был обнаружен в 1996 г. во время раскопок на территории Старого Гостиного двора при расчистке фундамента сгоревшего дома на шестиметровой глубине. Вещи находились в двух сосудах: белоглиняном, закрытом деревянной пробкой, и медном, накрытом деревянной миской. Рядом с кувшинами лежали два орнаментированных блюда. Внутри больших сосудов хранились 335 талеров

и свыше 95 000 русских серебряных копеек. Большая часть копеек была отчеканена в годы правления Ивана Грозного, Федора Иоанновича и Бориса Годунова. Талеры, отчеканенные из высокопробного серебра, были привезены из германских городов, швейцарских кантонов, Дании, Швеции, Норвегии, Польши, Нидерландов и других западноевропейских государств. Помимо монет, клад содержал 16 серебряных сосудов, изготовленных мастерами-серебряниками Руси и Западной Европы.

ФАЛЬШИВЫЕ МЕДНЫЕ КОПЕЙКИ ВРЕМЕНИ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА В СОСТАВЕ КЛАДОВ, ХРАНЯЩИХСЯ В ОТДЕЛЕ НУМИЗМАТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Т. М. Фурасьева (Санкт-Петербург)

Как уже неоднократно подчеркивалось различными исследователями, денежная реформа Алексея Михайловича, а также ее последствия для денежного обращения России до сих пор остаются темой малоизученной и требующей более тщательного рассмотрения. В ходе работ по систематизации медных копеек этого периода, начатых А. С. Мельниковой и продолженных современными исследователями (И. В. Гришин, В. Н. Клецинов, А. В. Храменков, А. С. Сарайкин, Г. Г. Шатохин, В. В. Зайцев), было выявлено не только большое количество ранее неизвестных типов штемпельных пар, но и множество фальшивых монет разного уровня технологического исполнения. Этому немало способствует привлечение уже известного, а также появляющегося нового кладового материала. Один из первых серьезных исследователей реформы 1654–1663 гг. К. В. Базилевич отмечал небывалый размах, который приняло фальшивомонетничество в этот период. По его мнению, «основная причина падения медных денег заключалась не в появлении “воровских денег”, а <...> в несоответствии между номинальной суммой выпущенных медных монет и количеством товаров, обращавшихся на рынке»¹. Однако, несмотря на это, «в глазах современни-

¹ Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936. С. 49.

ков опасность исходила не от несоответствия между номинальной суммой выпущенных денег и количеством товаров на внутреннем рынке <...>, а исключительно от поддельных медных монет»¹. Нельзя не согласиться и с утверждением В. В. Зайцева, что «исследование процессов изготовления и распространения фальшивых монет необходимо для понимания хода денежной реформы Алексея Михайловича и ее последствий»².

Клады медных монет, хранящиеся в Эрмитаже, также представляют интерес в связи с изучением особенностей денежного обращения середины XVII в. Коллекция ОН ГЭ насчитывает десять кладов времени Алексея Михайловича, четыре из которых (согласно данным М. П. Сотниковой и И. Г. Спасского) имеют в своем составе фальшивые медные копейки.

Один из них — комплекс из д. Юркино Островского района Псковской области, найденный в 1933 г. и насчитывающий 1772 монеты. Большинство копеек относятся к Псковскому монетному двору, одна поддельная. Два комплекса имеют неустановленную дату и место находки. Первый происходит из коллекции А. А. Бобринского (2742 экз.). Большинство монет отчеканено на старом Московском монетном дворе. Клад насчитывает 29 экз. поддельных копеек Московских монетных дворов, одну — Псковского двора и некоторое количество «варварских» подделок. Второй был атрибутирован И. Г. Спасским как часть коллекции Г. И. Лисенко и, судя по всему, является частью клада, найденного в развалинах Порховской крепости в 1827 г. Комплекс содержит 2858 медных копеек, большинство которых также относится к старому и новому московским денежным дворам, 11 — фальшивые монеты. Все три клада были систематизированы А. С. Мельниковой³.

Наибольший интерес представляет четвертый, депаспортизованный, комплекс из 515 медных копеек, выделенных из фонда «Дубликаты до 1921 г.». Выделение было произведено «по признакам внешнего вида и подтверждается логикой состава группы в целом»⁴. Благодаря материалам СПбФ АРАН нам удалось с большой долей вероятности ус-

¹ Кренке Н. А., Мельникова А. С., Зайцев В. В. Новый Дворцовый денежный двор в Москве XVII в. (Денежная реформа 1654–1663 гг. в контексте новых археологических открытий)//Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 162.

² Зайцев В. В. Русские монеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М., 2016. С. 248.

³ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже//Русская нумизматика XI–XX веков. Материалы и исследования. Л., 1979. С. 83.

⁴ Там же.

тановить время и место его обнаружения¹. Как следует из документов, комплекс является лишь частью большой находки (ок. 10 000 экз.), обнаруженной в Симбирске на берегу Волги приблизительно в 1870 г. Большинство монет относится к производству старого и нового Московских дворов и некоторое количество — псковского и новгородского чекана. Примечательным является присутствие значительного количества фальшивых монет — 152 экз., то есть около 25 % выделенного объема клада. В их числе: 116 экз. — подделки медных копеек старого и нового Московского двора, 36 монет грубые, иногда литые, некоторые — чеканенные латунные подражания. Такое соотношение подлинных и фальшивых монет может являться косвенным свидетельством того, что размеры клада значительно превышали дошедший до нас фрагмент. Здесь важно отметить, что характерной особенностью фальшивомонетничества середины XVII в. был не только его небывалый размах, но и, как отмечал К. В. Базилевич, вовлеченность в этот процесс представителей самых высоких социальных слоев. Этому вопросу также уделяли внимание Н. А. Кренке, А. С. Мельникова и В. В. Зайцев. «Дешевизна и доступность сырья оставляли широкие возможности для всевозможных махинаций со стороны администрации денежных дворов, выражавшихся в значительных объемах выпуска “неучтенной продукции”»². Учитывая, что большинство фальшивых копеек комплекса из Симбирска выполнено с соблюдением всех технологических особенностей денежного производства того времени, а также принимая во внимание первоначальный размер и характер клада, можно предположить, что перед нами следы крупной финансовой махинации.

В заключение стоит упомянуть еще один комплекс, время и место находки которого, к сожалению, не установлено. Предположительно, он попал в музей в 1918–1920-х гг. Это 260 медных копеек Московских старого и нового, Псковского и Новгородского денежных дворов, а также 53 монеты, которые остались неразобранными вследствие плохой сохранности. Среди них нами были выявлены три фальшивые копейки. Возможно, что при более детальном рассмотрении и в остальных пяти комплексах медных монет могут находиться неучтенные фальшивые копейки. Примечательно то, что из 10 комплексов медных монет, хранящихся в собрании ОН ГЭ, 8 — депаспортизованы, и, возможно, дошли до нас не в полном составе.

¹ *Фурасьева Т. М.* По следам одной беспаспортной находки из фондов отдела нумизматики Государственного Эрмитажа // Русское денежное обращение в X–XVII вв.: Нумизматический сборник к 60-летию Петра Григорьевича Гайдукова. М., 2015. С. 175–179.

² *Зайцев В. В.* Русские монеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М., 2016. С. 248.

Этот фактор, безусловно, искажает реальную картину, а также лишает нас возможности привлекать данные топографии для дальнейшего исследования данной темы. Однако выявление и классификация новых фальшивых монет из массы кладового материала представляется нам интересным.

КЛАД МОНЕТ КОНЦА XVII ВЕКА ИЗ ДМИТРОВСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

И. Ю. Шишков (Москва)

Весной 2016 г. в Московской области недалеко от трассы Дмитров — Клин А 108 севернее с. Покровское вблизи оврага и протекающей речушки Чернеевка (приток р. Сестры) местным жителем случайно был обнаружен клад серебряных монет от Ивана IV до Петра I, состоящий из двух частей, которые были найдены в одном месте на расстоянии 30 см друг от друга. Общее количество монет составило 801 экз.

Первый комплекс хранился в небольшой поливной чернильнице оригинальной кубической формы (*Цв. вкл. XXI, 1*), второй — в миниатюрной чернолощеной фляге-кубышке (*Цв. вкл. XXI, 2*). Общий вес монет из обоих комплексов составил 361,5 г. При первичном визуальном анализе стало заметным некоторое количество монет совместного правления Ивана и Петра Алексеевичей высокой степени сохранности с зеркальным полем и четким прочеканом. Состав клада — 797 копеек и 4 деньги — представлен в *таблице 1*. Предполагаемое время сокрытия — 1692 г.

С нумизматической точки зрения интерес представляют восемь монет клада. Шесть копеек, отчеканенных в период шведской интервенции 1611–1617 гг. Великого Новгорода, а также две денги Федора и Ивана Алексеевичей.

Работа Новгородского денежного двора по переделке старых денег в новые легковесные превратилась для шведских оккупантов в источник личного обогащения и инструмент поощрения нужных людей. До марта 1615 г. за 100 рублей старых денег шведы давали 6 рублей сверх и при этом получали 14 рублей прибыли (из «Книг Денежного двора»)¹. Всего

¹ Денежное обращение России: Исторические очерки. Т. 1. С древнейших времен до наших дней. М., 2010. С. [77].

из 100 рублей старых денег выходило 120 новых, т. е. весовую норму копеек снизили с 0,57 до 0,52 г. После марта 1615 г. из 100 рублей старых денег они уже стали чеканить 130 рублей, тем самым еще больше понижая вес копеек. При этом на монетах вместо имени Василия Шуйского появилось имя царя Михаила Федоровича.

Наиболее тяжеловесная копейка в комплексе — 0,54 г, самая легкая — 0,47 г. Остальные экземпляры имеют вес от 0,48 до 0,52 г, что может говорить о поздней их чеканке в разные годы шведской оккупации.

Деньги Федора и Ивана Алексеевичей встречаются крайне редко из-за своей малой величины. Вес деньги Федора Алексеевича составил 0,23 г, Ивана Алексеевича — 0,20 г.

Местность, где был найден клад, упоминается в различных письменных источниках. Самое раннее упоминание ближайшего к находке с. Покровское относится к 1559/60–1563/64 гг., когда населенный пункт назывался с. Лемтюгино. В селе уже стояла деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы, давшая второе название населенному пункту¹. Владел селом Петр Васильев сын Лизунов-Тургенев — из выборных дворян города Дмитрова². Позже, во время правления царя Василия Шуйского (1606–1610 гг.), его невестка Василиса Петрова Микитина заложила земли некоему Кашинцеву, который, в свою очередь, продал ее в 1625/26 г. Якову Боборыкину³. По писцовой книге 1626/27–1627/28 гг. с. Покровское является «приданной» вотчинной стольника Дмитрия Григорьевича Очина-Плещеева, которую «... он взял за жену свою за вдову Соломону Яковлевскую жену Боборыкина»⁴. В 1643 г. Дмитрий Григорьевич Плещеев заложил с. Покровское Никифору Логинову сыну Веревкину на сумму 1500 рублей «до Преображения» (6 августа) 1643 г. Так как Плещеев не смог вернуть долг, то село Покровское по закладной перешло к роду Веревкиных⁵. Этот период владения данными землями родом Веревкиных нас наиболее интересует, так как именно к нему относится сокрытие клада.

В марте 1682 г. вотчина Никифора Веревкина была поделена на две части между родственниками: селом Покровским по переписной книге 1705 г. владели Гаврила Иванов сын и троюродный племянник Иван Ва-

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 6011. Л. 631–632.

² Дворяне выборные («выбор из городов», с 1630-х гг. — городские дворяне), в Русском государстве в середине XVI — первой трети XVII в. один из статусных чинов Государева двора, затем — высший слой городских корпораций детей боярских.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 6011. Л. 617 об. – 618, 633.

⁴ Там же. Оп. 1. Кн. 627. Л. 656 – 656 об.

⁵ Там же. Оп. 4. Кн. 5979. Л. 386 об. – 393, 404 об., 405.

сильев сын Веревкин. В селе находилась церковь, два двора «помещиковых», два конных двора, скотный двор и четыре крестьянских двора¹.

Судя по всему, Гаврила Веревкин столкнулся с финансовыми трудностями в 1700-х гг., так как, начиная с 1702 г., сохранилась информация о сделках Гаврилы Ивановича по продаже своих земель. 9 декабря 1702 г. Гаврила заложил свою родовую вотчину (половину с. Покровского) стряпчему сытного дворца Даниле Михайлову сыну Воинову за 220 рублей при условии возврата денег до 15 декабря 1703 г.² Гавриле удалось собрать лишь 190 рублей и отнести их в Поместный приказ. Воинов потребовал записать вотчину на него³. Лишь в марте 1704 г. Веревкин смог вернуть Воинову всю сумму денег, и по взаимному уговору вотчина была оставлена за Гаврилой⁴. 12 февраля 1704 г. Гаврила продал стольнику Ивану Петрову сыну Беклемишеву половину д. Выстовчишки, Пруды, полпустоши Жилина, полпустоши Деребина, четверть пустоши Детино и четверть пустоши Лукина в Каменском и Лутосенском станах Дмитровского уезда за 700 рублей⁵. Менее чем через месяц он продал своему племяннику Петру Васильеву сыну Веревкину пустошь Лукину Лутосенского стана Дмитровского уезда за 15 рублей⁶, а половину пустоши Кузьминой и пустошь Степановой и отхожие луга на реке Лутосне в Лутосенском стане Дмитровского уезда — капитану «драгунского строя» Матвеем Афанасьеву сыну Дубасову за 100 рублей⁷.

Можно лишь гадать, какие проблемы были у Гаврилы Ивановича Веревкина, однако финансовые операции не касаются всех остальных владельцев членов его большой семьи, которые владели второй половиной родовых земель. Впрочем, до начала 1700-х гг. нет никаких известий, которые бы навели на мысль о финансовой несостоятельности Гаврилы.

Время сокрытия клада приходится на 1690-е гг. Вряд ли сумма денег, которая была спрятана в двух небольших емкостях, могла бы помочь Гавриле решить свои проблемы. Суммы от продаж земель несопоставимы с ценностью схрана в двух небольших емкостях (797 копеек и 4 денги общим весом 361,5 г — около 8 старых счетных рублей). Поэтому можно предположить, что клад мог быть связан с накоплениями Гаврилы Веревкина, однако, вряд ли именно он являлся владельцем клада.

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15066. Ч. 1. Л. 837 об. — 839.

² Там же. ДСЛ по Дмитрову. Кн. 15080. Л. СВИ об. — СГП об.

³ Там же. Л. ССИ об. — СЗІ об.

⁴ Там же. Л. СЛЗ — СМ об.

⁵ Там же. Л. СНВ об. — СНД об.

⁶ Там же. Л. КЕ об. — КӨ.

⁷ Там же. Л. ЛА об. — ЛГ.

Самое раннее графическое изображение местности, на которой был обнаружен клад, датируется 1769 г. и связано с проведением генерального межевания. Ближайшее поселение — с. Покровское, на месте находки клада показан лес, далее к юго-западу пролегает большая Клинская дорога, которая делит Покровское на две части. В связи с распространенными грабежами на дорогах любой торговец мог также иметь необходимость укрывать свои деньги.

Мы также не можем исключать еще одного потенциального хозяина схрона: возможно, клад связан и со служителем церкви Покрова Пресвяты Богородицы в селе Покровском.

Таким образом, на сегодняшний день для нас существуют три версии сокрытия клада. Какая версия будет наиболее правильной, могут показать дальнейшие исследования.

Таблица 1.

Состав клада

№	Период	Количество монет	Примечание
1	Иван IV (1547–1584)	4	2 копейки обрезанные, 2 денги
2	Шведы в Новгороде (1611)	6	
3	Василий Иванович Шуйский (1605–1610)	1	
4	Ополчение (1612)	1	
5	Михаил Федорович Романов (1513–1645)	313	291 копейка целая, 18 шт. с одной дыркой, 4 шт. с двумя дырками
6	Алексей Михайлович Романов (1645–1676)	183	180 копейки целые, 3 с одной дыркой
7	Федор Алексеевич Романов (1676–1682)	99	98 копеек и 1 денга
8	Иван Алексеевич Романов (1682–1696)	84	83 копейки и 1 денга
9	Петр Алексеевич Романов (1682–1725)	103	
10	В ущерб обращению (подделка)	6	
11	Неопределенная	1	
Всего: 801 экз.			

Таблица 2.

Вес шведских подделок

№ п/п	1	2	3	4	5	6
Вес (гр.)	0,47	0,50	0,50	0,48	0,52	0,54

КЛАД НАЧАЛА XX ВЕКА ИЗ ДЕРЕВНИ ШАТРИЦЕ КИМРСКОГО РАЙОНА КАЛИНИНСКОЙ (ТВЕРСКОЙ) ОБЛАСТИ

Н. В. Брагина (Тверь)

В 1950-х гг. в фонды Кимрского краеведческого музея (с 1977 г. входит в состав ТГОМ) был записан клад, состоящий из 15 монет¹. Клад был найден в деревне Шатрице гражданином Куликовым в 1945 г. Монеты из клада были переданы в Кимрский краеведческий музей в 1947 г. В 2008 г. старший научный сотрудник Тверского музея В. А. Бушлякова составила паспорт клада.

Деревня Шатрице находится в 22 км от г. Кимры на берегу р. Волги. В 1938–1939 гг. при создании Угличского водохранилища деревня Шатрице попадала в зону затопления. Деревня была переселена, но не затоплена. Сейчас существует как пристань, в некоторых документах она указывается как деревня Старое Шатрице.

Клад состоит из российских серебряных монет разных номиналов, чеканившихся в период с 1870 по 1915 г. В клад входят 4 монеты достоинством 50 копеек (1894, 1897, 1899, 1913 гг.) Номинал 20 копеек имеют 6 монет (1879, 1906, 1910, 1912, 1914, 1915 гг.) В кладе имеются 5 монет номиналом 5 копеек (1870, 1891, 1902, 1906, 1910 гг.) Монеты из клада отчеканены на Петербургском (13 ед.) и Парижском (2 ед.) монетных дворах².

Самая ранняя монета относится к периоду правления Александра II — 5 копеек 1870 г. Самая поздняя была отчеканена при Николае II — 20 копеек 1915 г. Время чеканки поздней монеты позволяет предположить, что тезаврация клада произошла в 1915–1917 гг.

¹ КИМ КП 813/1–15.

² См.: Уздеников В. В. Монеты России 1700–1917 гг. М., 2011.

КЛАД ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ИЗ ГОРОДА РЫЛЬСКА (КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ):

предварительное сообщение

Г. Ю. Стародубцев (Курск)

В июле 1954 г. при рытье ямы для гашения извести на территории бывшей усадьбы рыльского купца Сыромятникова ученик 10-го класса средней школы № 4 А. Воробьев на глубине 0,7 м обнаружил 10-литровый медный кувшин «с бумажными ассигнациями и серебряными монетами»¹. Из обнаруженных монет были отобраны 11 экземпляров с пробитыми отверстиями и переданы в Курский областной краеведческий музей для определения². После определения клад был передан Рыльскому краеведческому музею³.

В настоящее время кувшин находится в экспозиции Рыльского музея⁴ и представляет собой медный сосуд с высоким горлом и шарообразным туловом. В верхней части горловины находятся две подтреугольные накладки с округлыми петлями. Каждая из накладок приклепана с помощью пары заклепок с круглой шляпкой. Верхняя половина тулова вставлена в нижнюю «внахлест» и пропаяна. Дно сосуда с небольшим «поддоном».

Монеты и банкноты клада находятся в фондах Рыльского музея. Он содержит 312 серебряных монет, 5 облигаций займов и 22 бумажных денежных знака.

Монетная часть клада состояла из 1 подражания дангу Золотой Орды, а также копеек: 1 — Федора Ивановича, 2 — Бориса Годунова, 2 — Василия Шуйского, 266 — Михаила Федоровича Романова, 1 — русско-датская монета (деннинг)⁵, 2 — Алексея Михайловича, 1 — Ивана Алексеевича, 5 — Петра Алексеевича, 31 — неопределимой ввиду сильной по-

¹ Ланцев Г. Новые экспонаты музея // Курская правда. 1954. 17 авг.

² Все отосланные на определение монеты были в «плохом состоянии, надписи и изображения трудно определимы». В связи с этим клад был предположительно отнесен ко времени Петра I (Переписка Курского областного краеведческого музея с районными музеями по вопросам определения ценности археологических находок // ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 270).

³ Плаксин И. М., Шпилев А. Г. Свод курских кладов // Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., Шпилев А. Г., при участии Плаксина И. М. Курский край: История изучения курских древностей. Т. 5. Курск, 2000. С. 322–323.

⁴ РКМ 427/АРХ 13.

⁵ Мастер чекана Альберт Дионис, место чеканки Глюкштадт (Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. Табл. 11).

тертости. Среди последних на одной из копеек удалось прочесть «Васильевич», а на другой предположительно имя «Алексей».

Также среди неопределимых обнаружено 9 монет с пробитыми отверстиями. Такие же отверстия зафиксированы на трех копейках Михаила Федоровича и на всех монетах Петра I. Это позволяет предположить, что все они входили в состав монисто.

На двух монетах Михаила Федоровича обнаружены следы перечека, причем один из них предположительно в копейку Алексея Михайловича. Две монеты несут на себе следы двойного удара (1 — Михаила Федоровича, 1 — Алексея Михайловича).

В состав его бумажной части входили:

1. Облигации займов:

- билет второго внутреннего 5 % займа 1866 г. с надписью «Н. Бартенева» в левой верхней части лицевой стороны (серия 13053 № 27);
- облигация в 500 рублей 5 % «Займа свободы» (1 серия, № 0752497);
- облигация в 500 рублей 5 % «Займа свободы» (2 серия, № 121211);
- облигация в 500 рублей 5 % «Займа свободы» (4 серия, № 022541);
- облигация в 1000 рублей 5 % краткосрочного обязательства Государственного казначейства образца 1919 г. (группа XX, тип текста «ДД-Ко-»,¹ серия БЕ, № 39391, 1 июня 1919 г.);

2. Денежные знаки:

- 3 кредитных билета достоинством 1 рубль образца 1898 г. (серия КС, № 021627; серия НБ, № 235; серия НБ, № 255);
- кредитный билет достоинством 3 рубля образца 1905 г. (серия ГМ, № 474039);
- кредитный билет достоинством 5 рублей образца 1909 г. (серия ББ, № 529963);
- кредитный билет достоинством 10 рублей образца 1909 г. (серия НӨ, № 271692);
- кредитный билет достоинством 500 рублей образца 1912 г. (серия ВС, № 105107);
- 2 разменные марки достоинством 15 копеек образца 1915 г.;
- 4 казначейских знака достоинством 20 рублей образца 1917 г.;
- 3 казначейских знака достоинством 40 рублей образца 1917 г.;
- кредитный билет достоинством 250 рублей образца 1917 г. (серия АВ, № 212);

¹ По: Блинов С.И., Петин Д.И. Сибирские краткосрочные обязательства государственного казначейства номиналом 1000 рублей: литерно-серийный анализ//ПК. 2015. № 5 (91). С. 7–11.

– денежный знак ВСЮР достоинством 5000 рублей образца 1919 г., выпущенный 1-й ЭЗГБ ВСЮР в Феодосии (серия ЯБ, № 064)¹;

– кредитный билет достоинством 2 гривны Украинской Народной Республики образца 1918 г., выпущенный типографией Reichsdruckerei (серия А, № 2021473);

– знак Государственного казначейства Украинской Народной Республики достоинством 50 карбованцев образца 1918 г., выпущенный одесской типографией Е. Фесенко для Галицийской Социалистической Советской Республики (серия АО, № 246)²;

– кредитный билет Временного правительства Дальнего Востока достоинством 10 рублей образца 1920 г. (серия ГГ, № 087442)³;

– кредитный билет, достоинством 25 рублей образца 1918 г., выпущенный компанией American Bank Note Company (серия БР, № 649922)

Судя по составу находки, мы видим перед собой клад, формирование которого, вероятно, происходило в несколько этапов. Первоначальное накопление относится к времени царствования Михаила Федоровича Романова. Затем, при Петре I, к нему было добавлено монисто⁴.

Скорее всего, пополнение собрания происходило в годы Гражданской войны, когда западная часть территории Курского края поочередно занималась различными вооруженными силами. Весной 1918 г. в результате наступления с территории Украины германские войска полностью заняли Белгородский, Путивльский и Грайворонский уезды, часть Суджанского и Корочанского уездов, а также большую часть Рыльского уезда, что в целом составляло треть всей территории Курской губернии. Рыльск был занят 14 апреля 1918 г. Однако уже через 10 дней (25 апреля) он был вновь взят красными частями, которые продолжили преследование противника в сторону Крупца⁵.

Осенью 1919 г. части ВСЮР в составе Дроздовского, Самурского, Белозерского и Олонецкого полков при поддержке двух бронепоездов преодолели сопротивление Красной Армии севернее Льгова и 10 (23)

¹ *Истомин М. И.* Каталог бон Гражданской войны в России (1917–1922). Денежные знаки обязательного местного обращения. Т. 3. Юго-Восточный край, Крым, Северный Кавказ (1917–1920). Харьков, 2009.

² *Он же.* Каталог денежных знаков Гражданской войны в России. Т. 2. Ч. 1. Украина (1917–1920). Харьков, 2013.

³ *Он же.* Каталог денежных знаков Гражданской войны в России. Т. 6. Ч. 1 Поволжье, Сибирь, Дальний Восток (1917–1922). Харьков, 2012.

⁴ Время появления в кладе подражания золотоордынскому дангу определить не представляется возможным. Скорее всего, он был добавлен просто как предмет из серебра.

⁵ *Емельянов С. Н., Зорин А. В., Штилев А. Г.* Курский край в Гражданской войне. Курск, 2013. С. 198, 200.

сентября заняли Рыльск¹. Затем, в результате контрнаступления войск Южного фронта, к Рыльску от Глухова отошли находившиеся там части 2-й дивизии 5-го конного корпуса генерала Я. Д. Юзефовича, вошедшие в город в ночь на 1 (14) ноября 1919 г. Здесь они не задержались и уже 6 (19) ноября Рыльск заняли преследующие их части 41-й дивизии Красной Армии². Вероятно, именно тогда состав собрания пополнился купюрами УНР, ВСЮР, кредитным билетом образца 1918 г., а также облигацией достоинством 1000 рублей, выпущенной в Омске в июне 1919 г.

Соккрытие клада, скорее всего, произошло в период реформы 1922–1924 гг., когда все находившиеся в обращении денежные знаки, а также обращавшиеся в качестве денег различные ценные бумаги и купоны к ним обменивались на новые денежные знаки в соотношении 10 000:1. Не исключена возможность, что часть клада — клад XVII–XVIII вв., найденный в годы Гражданской войны, и вновь укрытый в эти беспокойные годы. В любом случае Рыльский клад 1954 г. представляет собой интересное собрание, требующее его дальнейшего изучения.

КЛАД БУМАЖНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ СО СБЕРКНИЖКОЙ ИЗ СОБРАНИЯ ТВЕРСКОГО МУЗЕЯ

Н. В. Чекунина (Тверь)

В 1983 г. учениками 2 и 4 «б» классов средней школы № 22 г. Калинина (ныне — Тверь) Сергеем Медведевым, Валентином Зюзиным и Александром Дмитриевым был найден и передан в дар Калининскому музею денежно-вещевой клад из 61 бонны и сберегательной книжки начала XX в.³ Школьники обнаружили комплекс во дворе своего нового дома № 33 по ул. Жигарева на месте снесенных старых. Предметы находились в небольшой дощатой двери, «вероятно, от чердака или погреба» (размер: 1 × 0,5–0,7 м) под одной из досок.

Клад до сих пор должным образом не изучался и не экспонировался, но был упомянут в буклете ТГОМ «Тверские клады» в разделе «От ку-

¹ Емельянов С. Н., Зорин А. В., Шпилев А. Г. Курский край... С. 348.

² Там же. С. 424–425, 458.

³ Тв. М КП 12476/1–62.

бышки до сберкнижки», характеризующем разнообразие кладовых комплексов из фондов музея¹.

Клад содержит бумажные денежные знаки номиналом 1, 3, 5, 10 и 25 рублей образца 1898, 1905, 1909 гг. на общую сумму 426 рублей. Среди них оказались 26 бон выпуска царского правительства Российской империи на сумму 194 рубля: 1 (1 экз.), 3 (1 экз.), 5 (13 экз.), 10 (10 экз.) и 25 рублей (1 экз.); 20 бон выпуска Временного правительства на сумму 142 рубля: 1 (3 экз.), 3 (3 экз.), 5 (4 экз.) и 10 (11 экз.) рублей, а также 14 бон на 90 рублей выпуска Советского правительства номиналом 5 (10 экз.) и 10 рублей (4 экз.)².

Сберегательная книжка в составе клада дает нам редкую возможность узнать точное имя владельца сбережений. Григорий Иванович Матвеев открыл счет № 2043 в Государственной сберегательной кассе № 782 при Казначействе г. Твери, возможно, еще в конце XIX в. 26 августа 1905 г. он уже получил новую сберкнижку № 7410, на которую со старой были перенесены 443 рублей 31 копейка накоплений. Счет был сразу же вкладчиком завещан и далее существовал под номером 7411.

Вплоть до конца 1913 г. сумма вклада пополнялась Григорием Ивановичем ежегодно, кроме 1907 г. При этом по размеру вносимые им средства значительно колебались и могут быть разделены на две части.

Первые, — небольшие, — 3, 5, 8, 10 рублей относились к самому началу календарного года и, видимо, следовали за получением вкладчиком каких-то ежегодных выплат (жалование, рента за жилье и т. п.), часть которых он откладывал на сберкнижку.

Вторые, — крупнее, — вносились осенью. Последним всегда предшествовало снятие владельцем со сберкнижки небольшим меньших сумм. Ежегодно весной на протяжении 1910–1913 гг. Матвеев получал на руки часть сбережений в размере: 50, 48, 49 и 60 рублей, а в октябре — возвращал на счет чуть большую сумму — 65, 70, 50 и 74 рубля соответственно. Характер движения средств позволяет предположить, что вкладчик мог инвестировать снятые с книжки деньги в какие-то сезонные проекты, приносящие прибыль к осени, например, связанные с сельским хозяйством или судоходством или давать эти деньги в рост. Прирост накоплений в результате этой деятельности в разные годы составлял от 1 до 21 рубля, всего за 4 года — 52 рубля.

¹ Виноградова Е. Ю., Бушлякова В. А. Тверскиеклады. Тверь, 2010.

² Горянов И. М., Мурадян М. А. Бумажные деньги России (1769–2010). М, 2014.

А 5 ноября 1905 г. Матвеев снял со счета сразу 400 рублей. Остаток при этом составил 53 рубля 31 копейку — минимальный за все время ведения этой сберкнижки. Но уже 5 декабря вкладчик внес на нее — 410. В этом случае движение средств могло диктоваться чрезвычайными обстоятельствами. Октябрь-декабрь 1905 г. — период массовых забастовок и вооруженных восстаний, сопровождавшихся призывами левых партий забирать вклады из государственных сберегательных касс, требуя уплаты всей суммы золотом. Это время характеризуется «бегством капиталов» из них. Вполне возможно, общей панике предался и Г. И. Матвеев, но одумался и вернул деньги на счет, чтобы не терять годовых процентов.

С конца 1913 г. он почти четыре года не появлялся в сберкассе, что позволяет предположить, что он был мобилизован в связи с началом Первой мировой войны.

Последние отметки в сберкнижке сделаны крайне неразборчиво и при поступлении клада в музей были предположительно датированы 1914 г., равно как и время сокрытия комплекса. Однако проставленная сумма последних начисленных процентов в 119 рублей 41 копейку при процентной ставке по вкладам, действовавшей с 1 января 1911 г., в 3,6% годовых, говорит о том, что в этой записи учтены начисления за несколько лет (1913–1916), и ее следует читать как: «% по 1917 г...».

В ГАТО хранятся отчеты о состоянии Государственной сберкассы № 782 при Тверском губернском казначействе за 1915 и 1916 гг. Согласно им, на счете № 7411 в эти годы производились только начисления процентов по вкладу: 30 рублей 85 копейка и 31 рубль 96 копеек соответственно. На 1 января 1917 г. сумма вклада достигла 920 рублей 17 копеек, что совпадает с зафиксированной в сберкнижке¹.

Из них 2 мая 1917 г. Г. И. Матвеев получил на руки 300 рублей. На счете остались 620 рублей 17 копеек. Это последняя запись в документе. После этого вкладчику, вполне вероятно, пришлось вернуться на фронт. Мы не знаем, как сложилась его судьба, но вклад был завещан, и сберкнижка могла храниться у наследников. Они также могли принять участие в формировании кладового комплекса. Наличие в нем бон Советского правительства говорит о том, что последний раз домашний тайник пополнялся не ранее конца 1917 г.

К началу 1918 г. деятельность сберегательных касс в России практически замерла, хотя формально они были сохранены новой влас-

¹ ГАТО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 477. Л. 85 об.; Там же. Д. 492. Л. 114.

тью: вклады в государственных сберкассах и проценты по ним объявлялись неприкосновенными. Но судьба сбережений индивидуальных вкладчиков решалась по «классовому» принципу. Сберегательные учреждения были освобождены от нерушимого ранее обязательства хранить тайну вкладов. Власти могли по своему усмотрению конфисковывать хранящиеся в сберкассах деньги, приобретенные «нетрудовым путем». При этом критерии понятия «нетрудовой путь» четко определены не были.

Накопления Г. И. Матвеева при средней сумме вклада на одну сберегательную книжку в Российской империи в 1915 г. в 236 рублей вполне могли попасть в разряд последних. Выявить информацию о сословной принадлежности и роде деятельности вкладчика, к сожалению, пока не удалось. Можно лишь предположить, что он не относился к высшим слоям общества. Современный двор дома № 33 по ул. Жигарева в г. Твери (где был обнаружен клад) в начале XX в. находился в далеко не респектабельном районе, на самой окраине города в пространстве между Пивоварским и Татарским переулками, улицами Смоленской и Старо-Воробьевской. Деревянный дом, в котором был оборудован тайник, с разных сторон находился в непосредственной близости от Смоленского кладбища, Дровяной площади и Тверского кавалерийского училища.

В марте 1918 г. деятельность сберегательных касс была восстановлена, но операции по вкладам, в том числе, с завещательными распоряжениями, были жестко ограничены. Каждый месяц местное начальство определяло, какую сумму со счетов можно выдавать, а сотрудники касс размещали объявления. Возможно, в это время Григорий Иванович уже не мог распоряжаться своим вкладом, даже если и желал.

В связи с возникшим недоверием к сберкассам, сбережения населения осуществлялись в это время уже почти исключительно в натуральных формах, а также — в золотых монетах царской чеканки и драгметаллах, хранившихся в тайниках. Вследствие революций и Гражданской войны к осени 1918 г. произошло полное свертывание операций сберкасс. Помимо этого, накопления Г. И. Матвеева быстро обесценились из-за начавшейся безудержной инфляции. Они могли оказаться невостребованными и перейти в разряд кладов уже только поэтому.

КЛАДЫ БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ ИЗ СОБРАНИЯ ОТДЕЛА НУМИЗМАТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Е. С. Семилетникова (Москва)

В ОН ГИМ хранятся три клада бумажных денежных знаков. Все они были сокрыты в сложный период становления советской власти и представляют собой ценный источник по истории денежного обращения в послереволюционное время. Следует отметить, что находки кладов бумажных денег являются относительно не частыми, в связи с недолговечностью материала.

Первый клад был найден в 1982 г. в д. Елмачи Канашского района Чувашской АССР. При разборке старого дома в подполе были обнаружены бумажные денежные знаки, завернутые в тряпку. В кладе были представлены купюры образца 1917–1923 гг., всего 592 экз. на общую сумму 341 621 рубль.

Наиболее ранней банкнотой в кладе является государственный кредитный билет 1000 рублей образца 1917 г. (1 экз.), выпущенный Временным правительством. В кладе присутствовали 4 экз. государственных кредитных билетов номиналом 250 рублей образца 1918 г. (т. н. «пятаквки»), выпускавшиеся в обращение советским правительством с 1919 г. Наибольшее количество в кладе составили расчетные знаки РСФСР 1919–1921 гг. (т. н. «совзнаки») — 585 экз. на сумму 339 615 рублей. Расчетные знаки РСФСР образца 1919 г. представлены в кладе номиналами: 1 рубль (5 экз.), 3 рубля (5 экз.), 15 рублей (1 экз.), 30 рублей (103 экз.), 60 рублей (114 экз.), 100 рублей (19 экз.), 250 рублей (109 экз.), 500 рублей (80 экз.), 1000 рублей (30 экз.), 5 000 рублей (2 экз.).

Расчетные знаки РСФСР образца 1921 г. представлены в кладе номиналами в 500 рублей (45 экз.); 1 000 рублей (63 экз.); 5 000 рублей (5 экз.); 10 000 рублей (1 экз.); 25 000 рублей (2 экз.); 50 000 рублей (1 экз.).

Расчетные знаки позиционировались советским правительством как вынужденная переходная форма от денег к их полной отмене. Одной из важных идей построения коммунистического государства являлось постепенное отмирание денег и организация натурального безденежного расчета с населением за его труд. Впоследствии история показала утопичность этих положений. Однако на начальном этапе формирования советского государства В. И. Ленин и его сторонники (Н. И. Бухарин и др.)

являлись приверженцами теории отмирания денег, при этом они понимали, что отмена товарно-денежных отношений — процесс длительный и будет происходить постепенно.

Следует отметить, что для совзнаков были введены новые номиналы, которые ранее не применялись для купюр — 15, 30, 60 рублей. Из-за инфляции советское правительство увеличивало номиналы расчетных знаков. Так, в 1921 г. были выпущены «совзнаки» достоинством в 25 000, 50 000 и 100 000 рублей. «Совзнаки» находились в обращении до мая 1924 г.¹

Самыми поздними банкнотами в данном кладе являются купюры первой советской денежной реформы 1922–1924 гг.: государственный денежный знак достоинством 1 рубль образца 1922 г. (1 экз.), и государственный денежный знак достоинством 5 рублей образца 1923 г. (1 экз.).

Представленные в кладе купюры 1922 и 1923 гг. связаны с деноминациями, проводившимися в рамках денежной реформы 1922–1924 гг., которая была направлена на ликвидацию огромной массы разнообразных денежных знаков и выпуск твердых денег. Деноминация 1922 г. не смогла справиться с инфляцией в стране. Вторая деноминация 1923 г. прошла более успешно, в ее ходе денежные знаки 1922 г. заменялись знаками 1923 г. из расчета: 1 рубль образца 1922 г. равнялся 100 рублям образца 1923 г., или 1 000 000 рублей предыдущих выпусков².

Как видим, в составе данного клада подавляющее количество составляют расчетные знаки РСФСР (585 экз. из 592). Такое большое количество «совзнаков» в кладе можно предположительно объяснить их быстрым обесцениванием вследствие деноминаций. Возможно, владелец клада надеялся на то, что в будущем расчетные знаки снова будут приниматься по курсу один к одному³.

Второй клад был найден в 1986 г. в Москве в 3-м Неглинном переулке (сейчас — Нижний Кисельный) при расчистке территории рабочими в печке разрушенного дома. В кладе были представлены купюры за период с 1898 г. по 1919 г., всего 1955 экз. на общую сумму 716 627 рублей.

В состав данного клада входили:

– купюры Российской империи, всего 21 экз.: государственные кредитные билеты достоинством 1 рубль образца 1898 г. (1 экз.), 3 рубля об-

¹ Деньги России. 1000 лет. М., 2000. С. 242.

² Мельникова А. С. Твердые деньги. М., 1971. С. 48.

³ В 1924 г. обмен совзнаков на новые деньги осуществлялся следующим образом: 1 рубль нового образца приравнивался к 50 000 «совзнаков» 1923 г. или 50 млрд «совзнаков» предыдущих выпусков. См.: Деньги России... С. 242.

разца 1905 г. (2 экз.), 5 рублей образца 1909 г. (10 экз.), 10 рублей образца 1909 г. (4 экз.), 25 рублей образца 1909 г. (3 экз.) и билет государственно-го казначейства достоинством 50 рублей 1914 г. (1 экз.);

– выпуски Временного правительства, всего 1085 экз.: казначейские знаки («керенки») номиналами в 40 рублей (443 экз.) и 20 рублей (638 экз.); 5 % облигация «Займа свободы» в 100 рублей 1917 г. (3 экз.) и 5 % облигация займа свободы в 40 рублей 1917 г. (1 экз.);

– 2 экз. денежных знаков, выпустившихся Главным командованием Вооруженных сил Юга России (ВСЮР): достоинством 500 рублей 1918 г. и 1000 рублей 1919 г. Место печатания этих двух денежных знаков — г. Новороссийск, эмиссия Ростовской-на-Дону конторы Государственного банка;

– выпуски первых лет советской власти, всего 847 экз.: государственные кредитные билеты образца 1918 г. («пятакочки») номиналами 25 рублей (111 экз.), 250 рублей (159 экз.), 500 рублей (231 экз.), 1 000 рублей (311 экз.), 5000 рублей (27 экз.), 10 000 рублей (8 экз.).

Состав второго клада наиболее разнообразен в отношении представленных эмитентов. Здесь присутствуют выпуски Российской империи, Временного правительства, ВСЮР, РСФСР. Данный клад — яркий пример того, сколько разнообразных денежных знаков откладывалось у населения в послереволюционный период.

Третий клад был найден в 2001 г. в Москве на Спартаковской площади в тайнике ниши стены дома № 25. В кладах были представлены купюры за период с 1898 по 1923 г. Всего 215 экз. на общую сумму 16 002 рубля 50 копеек и 100 шагов.

В данном кладах находились:

– государственные кредитные билеты Российской империи, всего 172 экз.: 1 рубль образца 1898 г. (21 экз.); 3 рубля образца 1905 г. (72 экз.); 5 рублей образца 1909 г. (60 экз.); 10 рублей образца 1909 г. (17 экз.); 25 рублей образца 1909 г. (1 экз.); 100 рублей образца 1910 г. (1 экз.);

– расчетная марка Украинской народной республики 50 «шагів» (шагов) 1918 г. (2 экз.);

– 35 экз. денежных знаков ВСЮР: денежные знаки 1918 г. представлены номиналами в 5 рублей (3 экз.), 10 рублей (8 экз.), 25 рублей (14 экз.), 100 рублей (1 экз.), 250 рублей (6 экз.), 500 рублей (2 экз.) и денежный знак 1919 г. номиналом в 100 рублей (1 экз.). Большинство денежных знаков были напечатаны в г. Ростов-на-Дону, кроме 11 экз. знаков номиналом 25 рублей, которые были напечатаны в г. Новороссийске; эмиссия Ростовской-на-Дону конторы Государственного банка;

– расчетные знаки РСФСР номиналом в 500 рублей образца 1919 г. (2 экз.) и 5 000 рублей образца 1919 г. (2 экз.);

– государственные денежные знаки РСФСР образца 1922 г. номиналом в 25 рублей (1 экз.) и 1000 рублей (1 экз.) и купюра 50 копеек образца 1923 г. (1 экз.).

В третьем кладе обращает внимание превалирование денежных знаков Российской империи (172 экз. из 215), а также наличие 35 экз. денежных знаков ВСЮР. Наличие в двух московских кладах денег ВСЮР говорит о том, что данные денежные знаки имели хождение в центральной России. Известно, что они были выпущены значительными тиражами¹.

Все три клада можно датировать приблизительно одним и тем же временем. Вероятнее всего, что первый и третий клады были сокрыты в 1923–1924 гг., в период планомерного изъятия из обращения всех ходивших на тот момент разнообразных бумажных денег и установления единого образца советских денежных знаков. Второй клад, возможно, был сокрыт немного раньше, в 1919–1920 гг.

Данные клады показывают, что население, недавно пережившее революцию, Гражданскую войну, политику «военного коммунизма», а также испытывая частные обесценивания денежных знаков, сомневалось в окончательной стабилизации советской денежной системы. Люди сберегали свои накопления не только в новых советских деньгах, но также и в «романовских», «белогвардейских» и «думских», к которым еще не утратили доверия.

¹ Исследователь денежного обращения ВСЮР А. Г. Баранов писал: «Совокупный объем выпуска денежных знаков Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) оценивается суммой в десятки миллиардов рублей». (Баранов А. Г. О выпуске денежных знаков ВСЮР образца 1920 года//XIV ВНК. Гатчина. 16–21 апреля 2007 года. СПб, 2007. С. 215).

Раздел VI

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ ПРОИЗВОДСТВА
И ОБРАЩЕНИЯ МОНЕТ
И БАНКНОТ

НУМИЗМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»: СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Вяч. С. Кулешов (Стокгольм)

Вопросы истории средств денежного обмена (means of exchange) и реконструкции систем денежного обращения в средневековой Руси не теряют актуальности. При обсуждении этих тем привлекаются главным образом такие письменные памятники, в которых упоминания и исчисления денежных сумм и платежей эксплицированы в тексте и составляют одну из основ содержания (таковы Русская правда, договоры, грамоты)¹. Меньше внимания уделялось повествовательным памятникам, в которых нумизматические ситуации как бы «растворены» в нарративе, затрудняя подходы к реконструкции денежных систем. Кроме того, в историко-нумизматических публикациях, как правило, не проводится лексико-семантический анализ контекстов, который позволил бы избежать ошибок в понимании ключевых нумизматических терминов. К сожалению, даже среди специалистов распространено ошибочное смешение (неразличение) таких лексических омонимов как *злато* I ‘золото, металл Au’, *злато* II ‘золотые предметы, золотые изделия’ и *злато* III ‘деньги’, *куна* I ‘шкурка куницы, единица куньего меха’, *куна* II ‘стоимостный эквивалент куны I в серебре (bullion silver)’ и *куны* III (pl. tantum) ‘деньги’, *скоть* I (sg. tantum) ‘деньги; состояние, богатство (wealth)’ (< герм. *skattaz ‘то же’) и *скоть* II (sg. tantum) ‘домашние животные’ (очевидно, от *скоть* I, так как собственно славянским обозначением домашних животных было *životъ)². Особенно не повезло слову *гривна*, имевшему на протяжении древнерусской истории четыре диахронически сопряженных, но проти-

¹ См., главным образом: *Бауер Н. П.* Денежный счет Русской Правды//Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. статей. М.; Л., 1937. С. 183–244; *Он же.* История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. /Изд. подг. П. Г. Гайдуков. М., 2014; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956; *Он же.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009 и др.

² Последняя ошибка послужила поводом для написания целой книги, незаслуженно обойденной вниманием советских и современных исследователей: *Лучинский М. Ф.* Деньги на Руси IX–XII вв.: против одного ошибочного представления. (Уч. зап. Казанского финансово-экономического института им. В. В. Куйбышева. Вып. XII). Казань, 1958.

вопоставленных значения¹: *гривна* I 'жесткое шейное украшение', *гривна* II 'крупная весовая единица (weight unit) денежного металла (bullion)', *гривна* III 'слиток денежного металла весом в гривну II' и *гривна* IV 'счетная единица для мелких денежных единиц' (последнее значение является *связанным*, поскольку эта гривна IV выступает только в словосочетаниях); описанные здесь четыре значения составляют эволюционный ряд: I → II → III → IV.

Ниже предлагается описание трех древнейших «срезов» древнерусской лексической системы, документирующих денежный обмен (в экономико-антропологическом смысле) и совокупность нумизматических ситуаций раннего этапа (X — начало XII в.) в отражении «Повести временных лет» (1116–1017 гг.) и предшествующих ей повествовательных памятников — «Начального свода» (ок. 1093 г.), «свода Никона» (1078–1079 гг.) и «Древнего сказания» (первая половина XI в.), реконструируемых при помощи лингвистических и текстологических средств².

Срез 1: текст «Древнего сказания» (устная традиция X — первой половины XI в.). При исчислении славянских *даней* X в. упоминаются в сочетании с единицами обложения (*муж, дым, рало*) **две меховые и одна монетная единица: белая веверица от мужа, черная куна от дыма, щьляг от рала**, т. е. соответственно 'шкурка зимней белки (*Sciurus*)' (< общеслав. **véverica*, др.-рус. диал. *векша*)³, 'шкурка куницы (*Martes*)' (< общеслав. **kuna*) и 'серебряная монета' (< общеслав. **šćьlegъ* — старое заимствование из герм. **skillingaz* 'то же'). При

¹ См. о соотношении первых двух значений: Кулешов Вяч. С. К предьстории древнерусской платежной гривны // Материалы и исследования Отдела нумизматики. (Труды ГЭ. [Т.] 61). СПб., 2012. С. 151–174.

² Я опираюсь на систему взглядов и текстологических реконструкций, восходящих к работам академика А. А. Шахматова, в наше время плодотворно развиваемую А. А. Гиппиусом и С. М. Михеевым, см.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // Подг. текста и предисл. М. Присекалова // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 4. М.; Л., 1940. С. 8–150; Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 36–63; Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011 и др.

³ Об этой белой веверице ~ векше см.: Кистерев С. Н. Спорные вопросы начальной истории русского денежного обращения // Очерки феодальной России. Вып. 1. М., 1997. С. 197–220; Он же. Место векши в системе древнерусского денежного счета // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция, Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г.: Тез. докл. и сообщ. СПб., 1998. С. 125–126; Добродомов И. Г. Веверица, векша, белка // Восьмая ВНК. Москва. 17–21 апреля 2000 г.: Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 124–125. Пчелов Е. В. «Белая веверица» в «Повести временных лет» // Девятая ВНК. Великий Новгород. 16–21 апреля 2001 г.: Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 117.

исчислении ежегодной новгородской *дани* киевскому князю Игорю упоминаются **весовые единицы серебра**: *триста гривен в год* от общины (*мира дѣля*). В тех же единицах (гривнах II) рассчитаны единовременная царьградская *дань* воеводе Олегу — *двенадцать гривен на человека* (при сорока мужах на одном корабле), *окуп* варягам (*по две гривны от человека*), новгородская *дань* Ярослава Киеву (*две тысячи гривен*), плата его *гридям* (*тысяча гривен*), трофейные дары *старостам* (*по десять гривен*), *смердам* (*по гривне*) и *новгородцам* (*по десять [гривен] всем*).

Пятикратно встречается устойчивое сочетание *злато и паволоки* ‘золотые изделия и парча’: как персональная (*самъ же взя*) контрибуция воеводе Олегу от греков, как приношение Олега князю Игорю в Киев (*злато и паволоки и овощи и вино и всякое узорочье*), как основа царского хозяйства Святослава (*злато, паволоки, вино, различные фрукты, серебро, кони, меха, воск, мед, рабы*¹) и как взятка греческого цесаря Святославу (*искусимъ его любезнив ли есть злату и паволокамъ, послаша къ нему злато и паволоки, положиши предъ нимъ злато и паволоки*). Во всех этих контекстах налицо лексема *злато* II ‘золотые изделия’.

Наконец, в значении ‘**деньги**’ употреблены две лексемы: *куны* III (два случая: *Пождите, оже вы куны сберуть, за мѣсяць; Святополкъ съде в Киевѣ по отци и съзва кыянѣ и нача даяти имѣние имъ, овѣмъ корзна, а другимъ кунами и раздая множество*) и *злато* III (*не тотѣрво ми ихъ златомъ окупитѣ*).

Обратим внимание на тот немаловажный факт, что лексема *скоть* I ‘деньги’ в тексте «Древнего сказания» отсутствует, а *сребро* упоминается лишь единожды — в значении *сребро* II ‘серебряные предметы, серебряные изделия’ (в описании имперской экономики Святослава); в то же самое время денежное серебро (*куны* III) систематически обозначается указанием сумм, рассчитанных в *гривнах* II. Кроме того, полное отсутствие в тексте «Древнего сказания» фразеологизованного копулятивно-го сочетания *злато и сребро* ‘богатство (wealth)’ (вариант: *сребро и злато*) позволяет осторожно предположить, что это последнее получило распространение не ранее конца X в. (первая фиксация — текст «свода Никона», прямая речь Владимира Святославича под 6504/996 г.) и может быть добавлено к списку маркеров более поздних слоев древнейшей летописной традиции (см. ниже).

¹ См. специально об этом контексте: Кулешов Вяч. С. Золото и паволоки, серебро и кони: царская экономика государства Святослава Игоревича в сравнительном освещении // Средневековая Русь. Вып. 13. М., 2018. С. 17–22.

Срез 2: текст «свода Никона» (устная и письменная традиция конца X в. — 1070-х гг.). В этом текстовом слое содержится новый материал для описания нумизматических ситуаций и заключены исключительно важные контексты, позволяющие констатировать лексическую инновацию (*скоть* I ‘деньги’), реконструировать лексико-фразеологическую инновацию (выражение *злато и серебро*, вариант: *серебро и злато*) и документировать лексику тернарного контраста ‘**богатство**’ vs. ‘**деньги в форме весового серебра**’ vs. ‘**деньги в форме ценного меха**’.

Перечисление даров византийского императора княгине Ольге (под 6463/955 г.): *злато и серебро и паволокы и съсуды разьноличныя* (здесь налицо значения ‘золотые изделия’ и ‘серебряные изделия’, точные соответствия в словоупотреблении имеются в текстовом слое «Древнего сказания», см. выше). Ответный (в соответствии с принципом взаимности) дар Ольги, по словам послов императора, должен был представлять собою *челядь и воскъ и скору*¹ и *вои* ‘рабов, воск, драгоценный мех, воинов-наемников’.

Под 6504/996 г. читаем о том, что Владимир Святославич *повелъ всяку нищу и убогу приходити на дворъ княжь и възимати всяку потребу, питье и ядение и от скотницъ кунами*, где последнее означает денежные выплаты (*кунами* III) из княжеских сокровищниц (*скотьница* < *скоть* I ‘деньги; сокровище’). Его же прямая речь под этим годом: *сребромъ и златомъ налѣсти не имамъ дружинѣ, а дружиною налѣзу злато и серебро, якоже дѣдъ мои и отецъ мои доискашешя злата и сребра дружиною*, т. е. ‘не получится у меня добыть себе дружину с помощью богатства, а с помощью дружины богатство я себе добуду, так же как мои дед и отец нашли себе богатство’; настойчивое употребление сочетания *злато и серебро* (трижды в одном предложении) явственно указывает на его сильнейшую фразеологизацию. Последний факт подтверждается следующим контекстом (рассказ о половецком разгроме Киева под 6576/1068 г.): *и дворъ княжь разграбиша, бецисленое множество злата поимаша и сребра и кунами и скорою*², т. е. ‘[половцы] разграбили княжеский двор, взяли несчетное количество богатства в виде денежного серебра и денежного меха’, где налицо *злато и серебро* ‘богатство’, *куны* III ‘денежное серебро’ и *скора* II ‘денежный мех’.

¹ *скора* II (sg. tantum) ‘денежный мех’ (из *скора* I ‘единица меха; шкура’); типологически ср. обще-сев.-герм. **skraha*- ‘шкура, мех’ (отсутствует в словаре: Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden; Boston 2013), откуда обще-приб.-фин. **raba* ‘деньги’.

² Чтение по Ипат. и Хл.; в Лавр. здесь употреблена лексема *бълъ*, означающая, очевидно, ‘мех зимней белки’.

Лексема *скоть* I ‘деньги’ дважды встречается в следующем контексте (под 6526/1018 г.): *начаша скоть събирати от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривен, а от боярь по 18 гривен, и приведоша варягы и вдаша имъ скоть*; здесь же упомянуты денежные единицы *куна* II и *гривна* II (о них см. выше); последняя также налицо в контекстах: *и бѣ гладь великъ, по полугривнѣ голова конячья* (под 6479/971 г.) и *раздаваше 300 гривень убогымъ* (под 6504/996 г.).

Срез 3: материал «Начального свода» и ПВА (устная и письменная традиция 1080–1110-х гг.). Исключительно важна запись под 6583/1075 (вставка составителя Начального свода), где дается точное толкование значения слова *богатство*: *Святославъ же величаяся показа имъ богатъство свое, они же видѣвши бещисленное множество злато и сребро и паволокы*, т. е. под ‘богатством’ киевский летописец конца XI в. понимал обладание большим количеством золотых и серебряных предметов и парчи. Под 6559/1051 г. читаем в тексте сказания о создании Печерского монастыря (вставка составителя ПВА): *Антонии бо не имѣ злата ни сребра*, т. е. ‘не имел богатства’ (‘был беден’).

Здесь же упомянем и следующие два контекста: *Олеѣъ приде из Володимеря <...> и вдаѣхъ отцю 300 грив(енъ) золота*, т. е. ‘денежную сумму в 300 гривен II’ («Поучение» Владимира Мономаха; использована древнерусская полногласная форма ст.-слав. *злато* III ‘деньги; денежная сумма’). Такое же соединение терминов *злато* III ‘деньги; денежная сумма’ и *гривна* II читаем под 6605/1097 г. (в рассказе о распре 1097 г.): *Ляхове же обѣщашася ему помагати, и взяша у него злата 50 грив(енъ)*, т. е. помощь поляков была оплачена (князем Святополком Изяславичем) денежной суммой (*злато* III) в 50 гривен II.

Наконец, в завершение предпринятого выше и по необходимости сжатого рассмотрения нумизматических ситуаций в текстах древнейшего летописания, следует процитировать следующий русско-половецкий контекст начала XII в. (под 6611/1103 г.): *приведоша Белдюзя, к Святополку, и нача Белдюзь даяти на собѣ злато, и сребро, и конѣ и скоть*, т. е. речь идет о попытке откупиться с помощью золотых и серебряных изделий, коней и домашних животных — всего того, что составляло основу богатства (wealth) половецкой знати.

Итак, совокупность данных ПВА позволяет реконструировать фрагменты истории восточноевропейских денежных систем в статике (в виде нескольких последовательных хронологических срезов) и динамике, продемонстрировать их лексическую и лексико-фразеологическую реализацию и преодолеть проблемы, связанные со смысловым разграни-

чением многочисленных омонимов, до сих пор представлявших немалые трудности для интерпретации. Древнерусскому языку древнейшей поры были прекрасно известны концепты 'деньги' и 'богатство', а денежный и товарный обмен в диалоге обществ X — начала XII в. основывался на гибком и многоуровневом сосуществовании единиц разных функциональных типов, из которых в тексте ПВЛ наиболее полно отразились денежное серебро и денежный мех, а также (товарная и денежная) парча, рабы, воск, кони и овцы (*скоть* II).

ПРОБНЫЕ МЕДНЫЕ МОНЕТЫ В ПЕРЕПИСКЕ ДЬЯКА А. А. БЕЛЯЕВА И Ф. М. АПРАКСИНА ЗА 1710 ГОД

Р. В. Краснов (Санкт-Петербург)

В фондах РГАВМФ отложились документы, относящиеся к деятельности Кадашевского монетного денежного двора, начиная с 1701 г. и до переподчинения его Правительствующему Сенату, включая период с 8 августа 1706 по 1 июня 1711 г., когда Монетный двор находился под управлением Приказа морского флота — в ведении «адмиралтейца» Ф. М. Апраксина. Особый интерес представляет переписка Ф. М. Апраксина с дьяком Приказа морского флота А. А. Беляевым за 1710 г. об изготовлении на Кадашевском дворе пробных образцов медной монеты, не привлекавшаяся ранее исследователями.

Напомним, что в начале XVIII столетия Приказу большой казны, которым руководил боярин, князь П. И. Прозоровский, подчинялись Красный (Старый) серебряный и Набережный медный денежные дворы, а также два временных серебряных денежных двора. Именным указом от 7 мая 1701 г. в Москве, в Кадашевской слободе, в строениях бывшего Хамовного (Ткацкого) двора был открыт Монетный денежный двор, выделенный в управление Приказу воинских морских дел — в ведение боярина и адмирала Ф. А. Головина. Прибыль от переделов, начавшихся 8 августа 1701 г., распределявшаяся в равных долях между Приказом воинских морских дел и Приказом адмиралтейских дел (Адмиралтейским приказом) во главе с Ф. М. Апраксиным, поступала на строительство и содержание флота. Помимо серебряных переделов монет и «мелких денег» или проволочных копеек, на основании именного указа от 1 сен-

тября 1701 г. с октября того же года здесь приступили к выделке российских золотых монет — червонцев. Вместе с монетами на Кадашевском дворе изготавливались наградные и памятные медали.

В письме от 2 августа 1706 г. Петр I поручает Ф. М. Апраксину «присмотреть» за приказами (кроме Посольского), находившимися в ведении скончавшегося 30 июля Ф. А. Головина, а «денги и протчия вещи запечатать до указа»¹. Известие о кончине Ф. А. Головина Ф. М. Апраксин получил 4 августа, а 5 августа 1706 г. в письме к царю «адмиралтеец» сообщил, что предлагал опечатать Кадашевский двор П. И. Прозоровскому, но он «изволил отказать, <...> что ему того делать не надлежит»². К этому делу он не смог привлечь и Ф. Ю. Ромодановского, который оказался в отъезде. Кадашевский двор, как следует из письма от 5 августа 1706 г., был «запечатан» в присутствии самого Ф. М. Апраксина, стольника Г. А. Племянникова, П. П. Шафирова, «щетного правителя» Монетного двора Д. Протасьева и дьяка Оружейной палаты А. А. Беляева. Отвечавший ранее за Кадашевский двор дьяк Приказа воинских морских дел Я. К. Борин был отставлен, т. к., по словам самого «адмиралтейца», «... не запечатать того двора не смел: стал безглавно; Борину одному не поверил»³. Затем была составлена опись, опубликованная И. В. Ширяковым⁴. Приказание «адмиралтейца» о составлении описи на основании царского указа датировано 5 августа, а сама опись — 8 августа 1706 г. С этого времени Монетный двор и «Школа математико-навигационных наук» перешли под управление Приказа морского флота, в ведение Ф. М. Апраксина. За них перед «адмиралтейцем» отчитывался дьяк А. А. Беляев.

С октября 1699 г.⁵, когда в Москве открыли Набережный медный денежный двор, здесь приступили к выпуску денег и полушек из расчета веса 2 денег (копейки) в 3 золотника или 12 рублей 80 копеек из пуда, а с 1701 по 1703 г. — в 2,5 золотника или 15 рублей 40 копеек из пуда меди. Как отмечает И. В. Ширяков, в 1703 г. начал сокращаться приток «старых денег» для серебряного передела, и, в условиях безденежья, дьяк Приказа Воинских Морских дел Я. К. Борин предложил Ф. А. Головину начать выпуск на Кадашевском дворе медной монеты по новой ве-

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1900. Т. 4. С. 324. № 1304.

² Там же. Примечания. С. 992.

³ Там же.

⁴ Ширяков И. В. Опись Приказа воинских морских дел и Кадашевского монетного двора 1706 г.: комментарий и текст // Российский рубль. 700 лет истории. Материалы Международной научной конференции. Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. Великий Новгород, 2017. С. 149–161.

⁵ Официально — с 1700 г.

совой норме: копейку — в золотник, денгу — в половину золотника и полушку — в четверть золотника¹.

7 февраля 1704 г. последовал именной указ, данный из Приказа большой казны, о начале выделки медной монеты по новой весовой норме, но из расчета веса копейки в 2 золотника или 19 рублей 20 копеек из пуда с изображением на копейке «великого государя воображения на коне»². На основании этого указа к выпуску медной монеты — копеек, денег и полушек — приступил не только Набережный, но и Кадашевский двор. Однако, судя по сохранившимся документам, медный передел на Монетном дворе не был открыт и в ноябре 1704 г.³

Успешное внедрение в обращение медной монеты позволяло казне, получая доход от выпуска, скупать сырье: золото и серебро. Вместе с тем, в обращение стали поступать фальшивые или «воровские» медные монеты — «отливные копейки и денежки» (термин И. Т. Посошкова). В 1708 г. «прибыльщик» И. Т. Посошков подает в Приказ морского флота проект с расчетами о выпуске новой медной монеты «с укреплением от воровства» — с улучшенным внешним оформлением, в нескольких вариантах весовой нормы: копейку в золотник, т. е. равной весу денги образца 1704 г., копейку в «золотник без четверти» и копейку в половину золотника — в весе полушки образца 1704 г. Распоряжением Ф. М. Апраксина 16 октября 1708 г. И. Т. Посошкову для приготовления «опытных денежных снастей» на «дело образцовых медных денег» было выдано 10 рублей⁴. Вероятно, экземпляры копеек с датами «1708» и «1709» связаны с проектами И. Т. Посошкова.

Действительно, в «Корпусе русских монет» великого князя Георгия Михайловича, в томе посвященном монетам царствования Петра I (до 1710 г.), в числе монет 1708–1710 гг. были опубликованы экземпляры медных монет с датами «1708» (без букв) и «1709» (с буквами «М.Д», т. е. Монетный — Кадашевский — двор), с надписью на оборотной стороне — «ЦРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСІЕВИЧЬ.

¹ *Ширяков И. В.* О начале медной чеканки на Кадашевском монетном дворе // НЧ [ГИМ] 2013 года. Москва, 19–20 ноября 2013 г. Материалы докладов и сообщений. М., 2013. С. 144–145.

² *Краснов Р. В.* К исследованию денежной реформы 1696–1718 гг.: именной указ от 7 февраля 1704 г. // НЧ [ГИМ] 2011 года. Памяти Алексея Владимировича Фомина. Москва, 21–22 ноября 2011 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2011. С. 99–100.

³ *Он же.* К вопросу об открытии медного передела на Кадашевском монетном денежном дворе по материалам РГАВМФ // НЧ [ГИМ] 2016 года. Москва, 22–23 ноября 2016 г. Материалы докладов и сообщений. М., 2016. С. 184.

⁴ *Он же.* Проект И. Т. Посошкова 1708 года // НЧ [ГИМ] 2014 года. Москва, 24–25 ноября 2014 г. Материалы докладов и сообщений. М., 2014. С. 76–79.

ВСЕА РОССИИ ПОВЕЛИТЕЛЬ», но отнесенных «по своим размерам» к денгам, а не к копейкам¹. Копейки, помимо улучшенного внешнего оформления лицевой и оборотной стороны, имели еще и гуртовую надпись, отсутствовавшую ранее на медных монетах массового выпуска. По расчетам В. В. Узденикова, копейка с датой «1708» была изготовлена по стопе порядка 35 рублей, а с датой «1709» в 55 рублей из пуда меди².

Наибольшее количество медных пробных образцов было приготовлено в 1710 г. В том же «Корпусе русских монет» было помещено семь пробных монет с датой «1710»: два варианта копейки, в том числе тип с датой славянскими буквами и обозначением Монетного двора — «М Д», три варианта денги, два из которых, а также полушка имели обозначение («М Д»)³. Из девяти пробных монет 1708–1710 гг. восемь — хранятся в собрании Государственного Эрмитажа, куда они поступили из коллекции Я. Я. Рейхеля, и Ф. Ф. Шуберта — И. И. Толстого. Экземпляр денги с датой славянскими буквами принадлежал великому князю Георгию Михайловичу (с 1909 г. — Русскому музею) — сейчас находится в Смитсоновском институте, в Вашингтоне (США). Здесь также хранится денга с клеймом Э. К. Гуттен-Чапского на аверсе и надписью на реверсе в пять строк — «РОС/ИСКАА/ДЕНГА/1710/МД».

Переписка Ф. М. Апраксина и дьяка Приказа морского флота А. А. Беляева за 1710 г., кроме выпуска серебряных наградных медалей за Полтавскую баталию⁴ и закупок сырья⁵, а также текущих дел, частично отражает изготовление пробных медных монет «нового» штемпеля как образцов для последующего утверждения увеличенной весовой нормы. Следует отметить, что пробы с датой «1710» распределяются на две группы: первая — копейка и денга с датой славянскими буквами — представляет собой неутвержденные образцы улучшенного внешнего оформления; вторая — копейка, денги и полушка — с новым весом, также с улучшенным внешним оформлением, с гуртовой надписью или узором (на полушке). По мнению В. В. Узденикова, монеты второй группы были отче-

¹ *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствования императора Петра I. СПб., 1914. Т. 2. С. 116. № 1382. Табл. XLV. № 22. С. 130. № 1556. Табл. L. № 28.

² *Уздеников В. В.* Монеты России 1700–1917. М., 2004. С. 175, 390.

³ Там же. С. 144–145. № 1699–1705. Табл. LV. № 21–27.

⁴ *Краснов Р. В.* К истории изготовления наградных медалей за Полтавскую баталию // Нумизматика. 2016. № 2 (40). С. 160–167.

⁵ *Ширяков И. В.* Золотая чеканка Кадашевского монетного двора 1701–1711 гг. // ИСГИМ. Т. 20. (Труды ГИМ. Вып. 207). М., 2017. С. 99.

канены по весовой норме равной примерно 25 рублям¹. Относительно гурчения медной монеты в РГАВМФ сохранился указ Петра I от 13 февраля 1710 г., записанный «в бытность его, великого государя, на манетном дворе», о прибавке оклада на 50 рублей, с 144 до 194 рублей в год «резного дела мастеру» Кадашевского двора Федору Алексею (Ф. Подорую) «за новозделанной инструмент которым изображающа по ребру медных денег литеры»² (Рис. 1). По мнению М. И. Смирнова, Ф. Подоруй принял участие в изготовлении всех пробных медных монет 1708–1710 гг.³

Характерной особенностью копейки и денги с датой славянскими буквами является наличие латинских «G» и «L» вместо буквы «Ѣ». На копейке в словах «ВѢСА РОЛII», на денге — «ВѢСА РОГII», а также применение в шрифте вместо «Ѣ» — буквы «L» с небольшим хвостиком посередине. Латинские буквы «G» меньшего размера, встречаются в надписи «РОГИГКОI РѢБЛОВИКЪ» на реверсе пробного серебряного рублевика с датой «1710»! Более того, латинская «G» имеется и на не опубликованном ранее в «Корпусе русских монет» варианте полушки 1713 г. из собрания Русского музея с буквами «М Д» (Монетный двор) на лицевой и надписью на оборотной стороне «ВѢСА РОГII»⁴.

Впервые о выделке «новых» медных денег упоминается в письме дьяка А. А. Беяева к Ф. М. Апраксину от 6 мая 1710 г.: «Г делу, государь, новых медных денег инструменты во всякой готовности, которыми зделав по указу твоему копеек и денежек по 5 алтын к тебе, государю, с подьячим Немчиновым ради ясного ведения, и таковым ли непременно, как в надписаниях и гербе, так и в мере весу быть послал»⁵. Из приведенного текста письма следует, что распоряжением «адмиралтейца» на Кадашевском дворе был приготовлен инструмент и сделано копеек и денег по 5 алтын, т. е. копеек — 15 штук и денег — 30 штук. Следовательно, к указанной дате (6 мая 1710 г.) был исполнен не только инструмент для гурчения, но и штампы для этих монет.

Несмотря на отправленные ранее образцы медной монеты, распоряжение от Ф. М. Апраксина А. А. Беяев не получил и в июле 1710 г., на что

¹ Уздеников В. В. Монеты России 1700–1917. М., 1986. С. 184–185; *Он же*. Монеты России 1700–1917. М., 1992. С. 225–226, 485; *Он же*. Монеты России 1700–1917. М., 2004. С. 175, 390.

² РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 55. Л. 128.

³ Смирнов М. И. Первые опыты по гурчению русских монет XVIII в. // Советский коллекционер. 1991. № 28. С. 97–102.

⁴ Краснов Р. В. Разновидность полушки 1713 года Кадашевского двора // ПК. 2012. № 6 (74). С. 21.

⁵ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

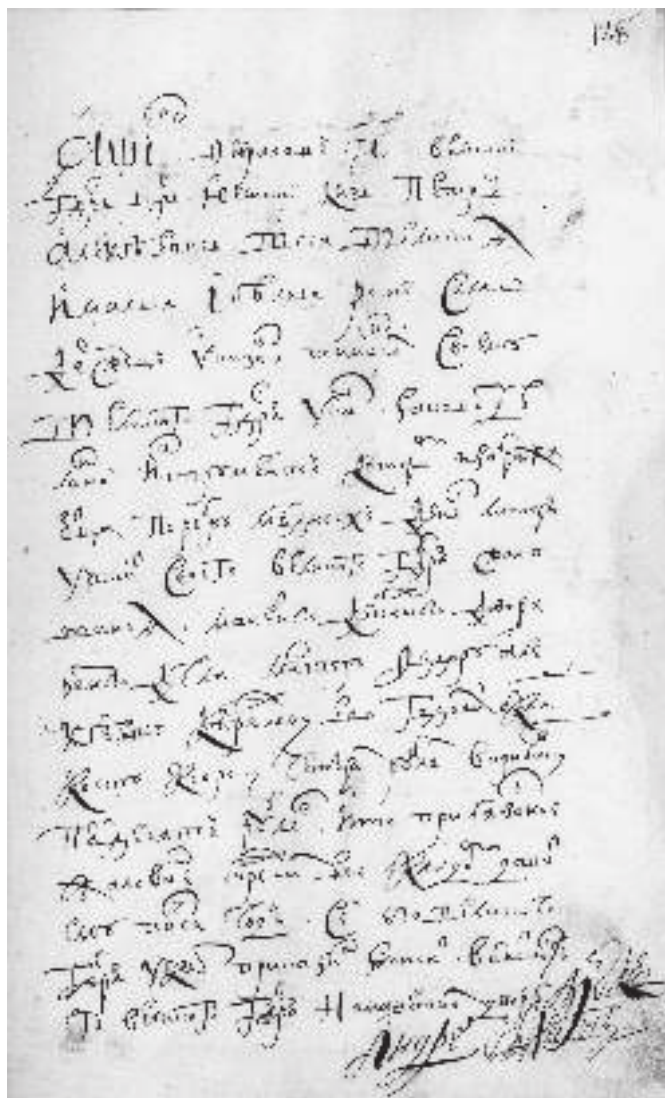

Рис. 1. Указ от 13 февраля 1710 года за «приписью» дьяка Андрея Беляева о повышении годового оклада мастеру Кадашевского двора Федору Алексееву (Подорую) за изготовленный им гуртильный инструмент (РГАВМФ).

указывает фрагмент письма к «адмиралтейцу» от 21 июля: «... требую милостиваго указу о деле медных новых денег, таковою ли мерою и весом производить повелитца, каковы тебе, государю, на пред сего посланы, чтоб, государь, начатием того дела вскоре умножить со временем оных денег к пред будущему году во отдаение народное тысяч число немалое»¹.

Распоряжение о выделке «новой» медной монеты А. А. Беляев запрашивал у Ф. М. Апраксина в письме от 29 сентября 1710 г.: «... прошу, государь, крайнего определения о деле новых медных денег, чтоб получа указ делать со временем и наполнить к будущему году оных число довол[ь]ное, а инструменты все к тому делу в готовности»². Дьяк Приказа морского флота 13 октября 1710 г. еще раз пытается получить от «адмиралтейца» приказание о выпуске «новой» медной монеты: «К делу, государь, медных денег нового обрасца денег инструменты имеем чрез многое время в готовности, а о деле, государь, их повелительнаго указу какую мерою оныя делать до ныне принять не получил, и того, государь, ради требую о том положенного предела, чтоб к будущему году чрез свободное время тех денег что возможем зделать»³.

Только 14 ноября 1710 г. Ф. М. Апраксин отправляет дьяку А. А. Беляеву распоряжение со ссылкой на приказание Петра I о переделе меди: «о новых медных денгах велено обождать и зделать стемпели против старого весу и привести новых и старых других от алтына до гривны и до пяти алтын, а серебряных копеек не делать»⁴. Отметим, что в 1710 г., кроме разработки увеличения весовой нормы медной монеты, предполагалось изменить внешнее оформление серебряных рублевиков, а также возобновить переделы алтынников и гривенников на Кадашевском дворе. В собрании ГИМ и ГЭ имеются экземпляры алтынников и рублевиков, а в ГРМ — уникальный гривенник с датой «1710»⁵. Выделкой медной монеты на Монетном дворе рассчитывали не только получать доход, но и скупать для переделов золото и серебро. В 1710 г., сетуя на большие расходы не только в Приказ морского флота, но и в другие места, дьяк А. А. Беляев отмечал, что «... ежели давать денги <...> то как может расти завод манетного двора и ново начатое дело медных денег»⁶.

¹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1. Л. 72–72 об.

² Там же. Л. 89 об.

³ Там же. Л. 91.

⁴ Там же. Д. 248. Л. 213.

⁵ *Краснов Р. В.* Пробный гривенник 1710 года из собрания Русского музея//НЧ [ГИМ] 2010 года. К 190-летию со дня рождения Ивана Егоровича Забелина. Москва, 23–24 ноября 2010 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2010. С. 54–56.

⁶ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 8. Л. 123 об.

1 июня 1711 г. на основании указа Петра I Правительствующий Сенат, переподчинил себе Кадашевский, Набережный и Красный дворы, куда был переведен серебряный и золотой переделы. Из переписки дьяка А. А. Беяева и «адмиралтейца» Ф. М. Апраксина следует, что сенаторы (в лице И. А. Мусин-Пушкин) в начале июня 1711 г. вновь рассматривали вопрос о выпуске медной монеты увеличенной весовой нормы — копейку в золотник, равной весу денги образца 1704 г.¹

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ДЕНЕЖНЫХ РЕФОРМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА В ФОНДАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

Т. В. Богданова (Санкт-Петербург)

РГИА — один из крупнейших архивов нашей страны. Его собрание насчитывает более 6,5 млн единиц хранения — это документы по истории Российской империи с конца XVIII в. по 1917 г. Среди прочих, в нем хранятся документальные материалы по истории денежных реформ и развития финансовой системы страны.

Основным источником для изучения истории монетарной политики Российской империи являются документы фондов высших и центральных органов государственной власти и управления, таких как: Коллекция именных указов и высочайших повелений Сенату (Ф. 1329), Общая канцелярия министра финансов (Ф. 560), Комитет финансов (Ф. 563), Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов (Ф. 583), Государственный банк (Ф. 587), Петроградский (Петербургский) монетный двор (Ф. 570) и многие другие.

Особую ценность для исследователей представляют архивные документы из личных фондов государственных деятелей: С. Ю. Витте (Ф. 1622), Д. М. Сольского (Ф. 694) и А. В. Васильева (Ф. 1566). В фонде Коллекции именных указов и высочайших повелений Сенату (Ф. 1329) хранятся наиболее значимые документы — подлинные указы российских императоров. Среди документов этого фонда следует выделить: именной

¹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 18. Л. 98 об.

указ Петра III от 24 мая 1762 г. об учреждении Знатного Государственного банка с конторами в Петербурге и Москве и выпуске «банковых билетов для облегченного обращения медных масс денег»¹; манифест Екатерины II от 29 декабря 1768 г. о выпуске в обращение государственных ассигнаций и об учреждении в Санкт-Петербурге и Москве государственных банков для их обмена. К тексту манифеста приложена государственная ассигнация достоинством пятьсот рублей образца 1769 г.² (Рис. 1); манифест Екатерины II от 16 марта 1786 г. о выпуске в обращение новых государственных ассигнаций³. К манифесту приложена ассигнация достоинством сто рублей⁴; высочайше утвержденные 2 июня 1796 г. пробные односторонние оттиски медных монет⁵ (Цв. вкл. XXII); указ Павла I от 18 декабря 1797 г. об учреждении Вспомогательного банка для дворянства⁶; манифест Александра I от 8 сентября 1802 г. об учреждении министерств, в том числе Министерства финансов⁷; манифест Александра I от 9 апреля 1812 г. о введении повсеместно единообразного обращения государственных банковских ассигнаций⁸; манифест Николая I от 1 июля 1839 г. об устройстве денежной системы⁹; манифест Николая I от 1 июля 1841 г. о выпуске в народное обращение кредитных билетов на сумму в 30 миллионов рублей серебром¹⁰; манифест Николая I от 7 июня 1843 г. о замене государственных ассигнаций кредитными билетами¹¹; именной указ Александра II от 31 мая 1860 г. об учреждении Государственного банка¹²; высочайше утвержденный 31 мая 1860 г. устав Государственного банка с резолюцией Александра II: «Быть по сему»¹³; высочайше утвержденный 7 июня 1899 г. Монетный устав¹⁴.

В фонде Общей канцелярии министра финансов (Ф. 560) наибольший интерес для изучения представляют следующие документы: первый всеподданнейший отчет министра финансов А. В. Васильева за 1803 г.¹⁵;

¹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 96. Л. 305.

² Там же. Д. 125. Л. 549 об.–550.

³ Там же. Д. 160. Л. 194, 195а.

⁴ Там же. Л. 195г.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 124. Л. 2.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 200. Л. 135–148 об.

⁷ Там же. Д. 252. Л. 78 об.–79.

⁸ Там же. Д. 352. Л. 58.

⁹ Там же. Д. 555. Л. 55.

¹⁰ Там же. Д. 573. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 591. Л. 201.

¹² Там же. Д. 722. Л. 50–58 об.

¹³ Там же. Л. 59.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 1015. Л. 1025.

¹⁵ Там же. Ф. 560. Оп. 38. Д. 208. Л. 1.

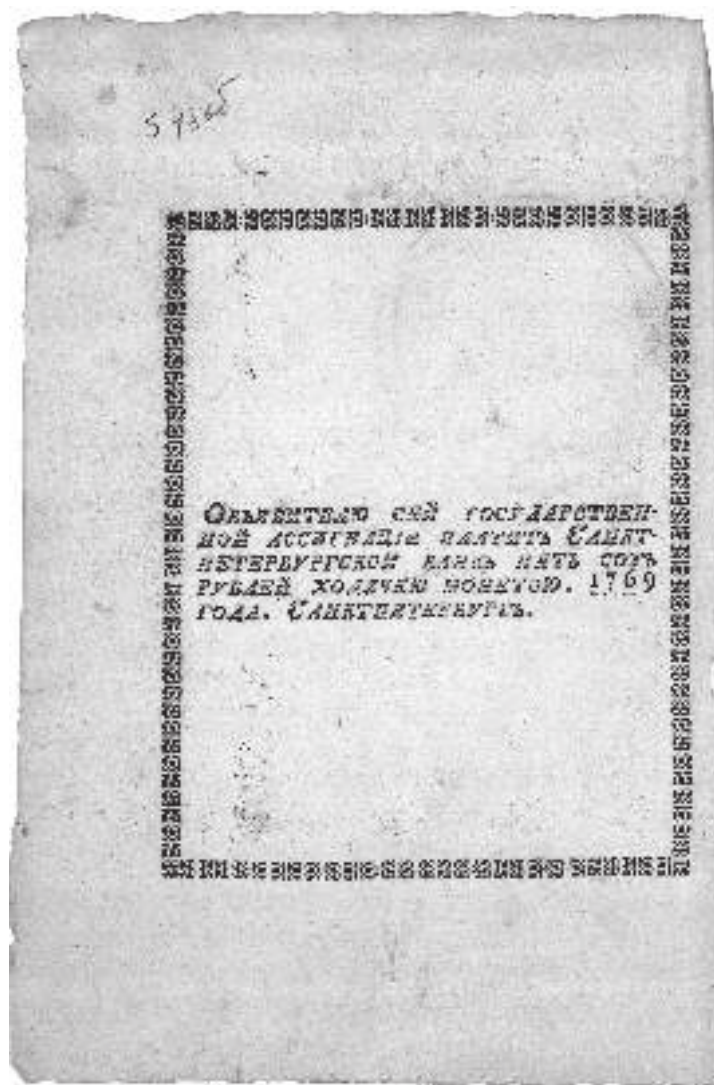

Рис. 1. Государственная ассигнация достоинством пятьсот рублей образца 1769 г. Пробный оттиск. (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 125. Л. 548 об.)

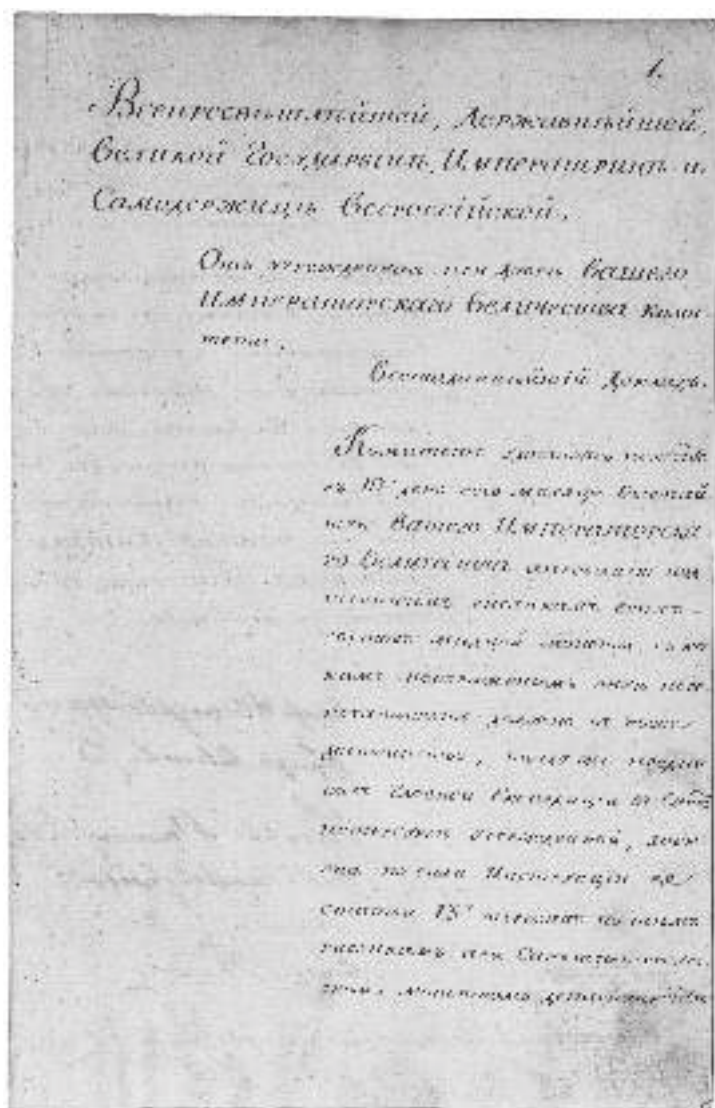

Рис. 2. Всеподданнейший доклад Комитета при высочайшем дворе от 31 мая 1796 г. с представлением образцов медных монет. (РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 124. Л. 1, 1 об.)

1
8

интересом и елика ст. оноек —
 елика, поведи ихъ отъ Кюммию;
 воторые оныя пох. пия Скотиде
 ция и представляются.

Кюммиюне гюбематерия ои
 ватски, поведи ихъ по ономъ
 едическимъ съ воготийше —
 атеробанискиа растияны; и
 для оубе на оставани оминте
 ши 157 стании Митискиа Соп
 ши Скотидиа, поведи ихъ
 ны семъ великому Имперя
 норскому Величестия по бы
 соданитю инициатю.

Гуаф Кле гурбейфур
 Гуаф Кле гурбейфур
 Кле Кле гурбейфур
 Гуаф Кле гурбейфур
 Гуаф Кле гурбейфур
 Гуаф Кле гурбейфур

1796го Септ
 25го Маи
 Губернаторъ Кавказскаго Нормалъ Гуаф Кле гурбейфур

отчет министра финансов Е. Ф. Канкрин за десять лет с 22 апреля 1823 г. по 22 апреля 1833 г.¹; высочайше утвержденный 17 июля 1915 г. доклад министра финансов П. А. Барка о внесении в Государственную думу проекта закона о расширении предоставленного Государственному банку эмиссионного права²; корректура обращения Министерства финансов о введении денег нового образца 1917 г.³

В фонде Комитета финансов (Ф. 563) хранятся документы о денежных реформах конца XIX в. В основном это документы о введении золотого стандарта министром финансов С. Ю. Витте. Среди документов: всеподданнейший доклад министра финансов Н. Х. Бунге от 3 сентября 1882 г. о мерах по повышению курса кредитного рубля с резолюцией: «Приказано хранить с секретными делами»⁴; высочайше утвержденный 10 июня 1887 г. доклад членов Комитета финансов о мерах к упрочению вексельного курса и упорядочению денежного обращения с резолюцией императора Александра III: «Исполнить»⁵; высочайше утвержденное 26 мая 1895 г. описание внешнего вида золотых и серебряных монет, разработанное Комитетом финансов⁶; высочайше утвержденный 26 мая 1895 г. «рисунок монеты золотой 10 и 5 рублевой, серебряной в 1 рубль, 50 и 25 копеек»⁷; журнал Комитета финансов от 20 февраля 1896 г. об изменении обозначения достоинства золотой монеты с резолюцией императора Николая II: «Исполнить»⁸; высочайше утвержденный 8 августа 1896 г. журнал Комитета финансов от 24 июля 1896 г. об установлении на 1897 г. цены для покупок и продаж золотой монеты Государственным банком с резолюцией императора Николая II: «Исполнить»⁹; высочайше утвержденный 20 декабря 1896 г. журнал заседания Комитета финансов 14 декабря 1896 г. о рассмотрении записки министра финансов С. Ю. Витте о понижении платы за чеканку русской золотой монеты с резолюцией императора Николая II: «Исполнить»¹⁰; высочайше утвержденный 3 января 1897 г. журнал заседания Комитета финансов 2 января 1897 г. о чеканке и выпуске в обращение золотой

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 70. Л. 1.

² Там же. Оп. 38. Д. 192. Л. 47.

³ Там же. Оп. 26. Д. 1456. Л. 2.

⁴ Там же. Ф. 563. Оп. 2. Д. 251. Л. 1.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 344. Л. 10–10 об.

⁷ Там же. Л. 11.

⁸ Там же. Д. 351. Л. 4.

⁹ Там же. Д. 358. Л. 5–5 об.

¹⁰ Там же. Д. 363. Л. 5.

монеты достоинством империял — 15 рублей, полуимпериял — 7,5 рублей с резолюцией императора Николая II: «Исполнить»¹; высочайше утвержденное 3 января 1897 г. описание внешнего вида золотой монеты²; указ императора Николая II от 14 ноября 1897 г. о чеканке и выпуске в обращение пятирублевой золотой монеты достоинством в 1/3 часть империяла³; указ императора Николая II от 14 ноября 1897 г. об изменениях надписей на кредитных билетах⁴; указ императора Николая II от 27 марта 1898 г. об обязательном приеме серебряной высокопробной монеты во всех казенных платежах⁵.

В фонде Особенной канцелярии по кредитной части (Ф. 583) хранятся всеподданнейшие доклады министров финансов: высочайше утвержденный 29 марта 1818 г. доклад министра финансов Д. А. Гурьева об описании внутренних знаков и наружного вида новых государственных банковских ассигнаций⁶; всеподданнейший доклад министра финансов А. М. Княжевича от 20 июня 1859 г. о мерах к лучшему устройству банковской и денежной системы с резолюцией императора Александра II: «Обсудить в Ком [итете] фин [ансов]»⁷; высочайше утвержденный 11 сентября 1881 г. всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов Н. Х. Бунге о введении в обращение металлической монеты⁸; всеподданнейший доклад министра финансов П. Л. Барка от 7 мая 1914 г. о финансовых и биржевых кризисах за последние 20 лет с резолюцией министра: «Его императорскому величеству благоугодно было высочайше повелеть поместить статью в печати о финансовых и биржевых кризисах»⁹.

В фонде Государственного банка (Ф. 587) имеется объявление Государственного банка о приеме и выдаче золотой монеты: империял по курсу 15 рублей кредитными билетами, полуимпериял — 7,5 рублей кредитными билетами¹⁰ и журнал заседания Совета Государственного банка от 2 октября 1908 г. о причинах преобразования Государственного банка¹¹, а в фонде Петроградского (Петербургского) монетного двора (Ф. 570) имеется ко-

¹ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 365. Л. 2.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Д. 373. Л. 12–13.

⁴ Там же. Д. 372. Л. 10–11.

⁵ Там же. Д. 382. Л. 32–33 об.

⁶ Там же. Ф. 583. Оп. 4. Д. 219. Л. 145 а, 145 д.

⁷ Там же. Д. 329. Л. 41.

⁸ Там же. Д. 291. Л. 164.

⁹ Там же. Д. 327. Л. 49 об.–50.

¹⁰ Там же. Оп. 56. Д. 298. Л. 62.

¹¹ Там же. Оп. 60. Д. 20. Л. 2.

пия рапорта управляющего медальной и вспомогательной частями Н. Пербаскина начальнику Монетного двора П. В. Клебеку от 25 августа 1914 г. об изменении надписи «С.П.Б.» на монетных штемпелях для чеканки серебряной и медной монеты в связи с переименованием г. Санкт-Петербурга в Петроград¹.

Личные фонды государственных деятелей являются богатым источником для исследования денежных реформ. В личном фонде министра финансов С. Ю. Витте (Ф. 1622) хранится письмо экономиста и издателя газеты «Русский труд» С. Ф. Шарапова С. Ю. Витте от 3 мая 1899 г. с критикой проводимой им денежной реформы², а в личном фонде государственного контролера Д. М. Сольского (Ф. 694) хранятся доклады министров финансов Н. Х. Бунге Государственному совету от 17 февраля 1883 г. о восстановлении обращения звонкой монеты³ и И. А. Вышнеградского в Комитет финансов об упрочении курса денежной единицы за 1887 г.⁴

В личном фонде члена советов Государственного контроля и Управления Главного общества российских железных дорог А. В. Васильева (Ф. 1566) хранятся мнения членов высочайше учрежденной 6 октября 1895 г. Особой комиссии о предполагаемой денежной реформе министра финансов С. Ю. Витте — действительных статских советников П. П. Цитовича⁵ и П. П. Кауфмана⁶ и записка члена Государственного совета Б. П. Мансурова⁷ по тому же вопросу.

Все эти уникальные документальные материалы РГИА являются основой для изучения истории денежных реформ. Их источниковедческое исследование обогатит любой научный труд.

¹ РГИА. Ф. 570. Оп. 11. Д. 1015. Л. 1.

² Там же. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 485. Л. 1.

³ Там же. Ф. 694. Оп. 2. Д. 59. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 63. Л. 1.

⁵ Там же. Ф. 1566. Оп. 1. Д. 394. Л. 1–9.

⁶ Там же. Д. 403. Л. 1–9.

⁷ Там же. Д. 409. Л. 5–10.

Раздел VII

ИСТОРИЯ
КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ
И ИЗУЧЕНИЯ
МОНЕТ И БАНКНОТ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ИТАЛЬЯНСКИХ МОНЕТ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Т. И. Слепова (Санкт-Петербург)

В собрании западноевропейских монет ОН ГЭ хорошо представлены монеты итальянских городов, чеканившихся в период средневековья и нового времени, — это знаменитые гроссо, флорины, дженовины, дукаты. Всего 17 167 монет. Особое место среди них занимают венецианские золотые монеты. Серебряные и золотые монеты Венеции оказали большое влияние на становление европейской монетной структуры в XII–XV вв. Дукаты чеканились до прекращения существования Венецианской республики (1797 г.) из золота одинаковой пробы (958°) и одного типа. В XV в. дукат становится синонимом любой золотой монеты Европы и Азии. Венецианские монеты часто встречаются в кладовом материале Восточного Средиземноморья и Северного Причерноморья. Известны многочисленные подражания венецианским дукатам. В собрании Эрмитажа имеется всего 2505 монет. Из них дукатов — 458.

Цель нашего исследования — проследить происхождение некоторых венецианских дукатов эрмитажного собрания. Основным источником являются материалы архива Эрмитажа, куда входит и информация о кладах, поступивших в Эрмитаж.

Происхождению итальянских монет уделил несколько строк И. Г. Спасский в своей общей работе, посвященной отделу нумизматики¹. Основа итальянской коллекции западноевропейского собрания Эрмитажа определилась в той или иной степени после получения большой Рейхелевской коллекции монет в 50-х гг. XIX в. Якоб Рейхель (1780–1856) служил в Петербурге в ЭЗГБ. Он по частям или целиком скупил многие распавшиеся к тому времени русские коллекции². О бывшей коллекции Я. Рейхеля можно получить представление по систематическому каталогу, изданному в 1842–1847 гг.³ Венецианские дукаты были представлены в ней следующим образом:⁴

¹ Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики//НЭ. [Т.] 8. М., 1970. С. 123–234.

² Там же. С. 166.

³ Die Reichelische Munzsammlung in St. Petersburg. SPb., 1842–1847. Bd. 1–9.

⁴ Ibid. Bd. 9. S. 409–449.

Таблица 1.

Дожи Венеции	Период правления
Бартоломео Градениго	1339–1343
Андреа Даноло	1343–1354
Джованни Дольфино	1356–1361
Лоренцо Челси	1361–1365
Марко Корнaro	1365–1368
Андреа Контарини	1368–1382
Антонио Веньер	1382–1400
Томмазо Мочениго	1413–1423
Франческо Фоскарини	1423–1457
Кристофоро Моро	1462–1471
Андреа Гритти	1523–1538
Марко Антонио Меммо	1612–1615
Франческо Молино	1646–1655
Марко Антонио Джустиниани	1684–1688
Карло Руццини	1732–1735
Марко Фоскарини	1762
Паоло Реньеро	1779–1789

Как видно из приведенного списка, в собрании Рейхеля отсутствовали дукаты конца XIII — начала XIV в., хорошо представлены монеты второй половины XIV в, частично — XV и XVII вв., в единичном экземпляре — XVI в. (дукат Андреа Гритти).

Значительно пополнили эрмитажное собрание дукатов приобретения у торговца монетами из Афин Г. Ламброса. 1 декабря 1860 г. у него были куплены несколько монет¹. 18 июня 1862 г. им были присланы в Эрмитаж еще монеты, в числе которых находились дукат Андреа Вендрамина и ¼ дуката Джованни Корнарo, которые являются редкими².

Итак, у Ламброса хранителями монетного кабинета были приобретены дукаты, которые отсутствовали в Рейхелевской коллекции.

Во второй половине XIX в. велось планомерное выравнивание коллекции итальянских монет, в основном, за счет передававшихся из Археологической комиссии дукатов, из кладов, найденных в южных землях России — на территории Украины, Молдавии, Крымского полуострова. Позиция заведующего Минцкабинетом А. К. Маркова была таковой:

¹ Архив ОН ГЭ. «Реестр монетам и медалям...» (1847–1862). № 1035. С. 115.

² Там же № 1082. С. 130.

следуя правилам нумизматической науки того времени, он считал дублетами «аналогичные монеты». Не учитывалось то, что монеты были отчеканены различными штемпелями, не принимались во внимание и монетные дворы и знаки монетчиков.

Автором статьи составлена топография находок венецианских монет в Северном Причерноморье и Восточном Средиземноморье. Находки венецианских дукатов на территории Северного Причерноморья были достаточно регулярными. И вполне возможно, что члены Археологической комиссии приобретали из раскопок только те дукаты, которые были представлены в эрмитажной коллекции недостаточно полно.

В 1891 г. Археологическая комиссия передает Эрмитажу дукаты Франческо Доната (1545–1553) и Доменико Контарини (1659–1675). Они были найдены в Чернигове¹. В 1892 г. вместе с прочими западноевропейскими монетами, найденными в Ямпольском уезде Подольской губернии, были приобретены венецианские дукаты, к сожалению, пока еще не идентифицированные². 17 июня 1898 г. в Эрмитаж поступили «два червонца» дождей Франческо Даноло (1328–1339) и Андреа Контарини (1368–1382)³. От 12 июня 1899 г. находим в книге поступлений: «Из венецианских монет, найденных в [городе] Старый Крым и доставленных императорской Археологической комиссией в Имп [ераторский] Эрмитаж, выбраны 6 червонцев дождей: Франческо Даноло (1328–1338), Бартоломео Градениго (1339–1342) Андреа Даноло (1343–1354)»⁴. 1 декабря 1908 г. приобретены из клада, найденного в Феодосии (Кафа) два венецианских дуката Андреа Даноло (1343–1354) и Марко Корнаро (1365–1368)⁵. В 1913 г. из клада, найденного в Бендерах, куплен дукат 1614 г. (дож Марко Антонио Мемо (1612–1615))⁶.

Особо следует отметить Лаврский клад, найденный в Киево-Печерской лавре в 1898 г.⁷ Из 6190 золотых монет для Эрмитажа были отобраны 1671 экз. (Всего в составе клада было 16 079 монет). К сожалению, они растворены в основном собрании, нередко без указания происхождения. Итальянских монет — 80, из них 79 — венецианские дукаты.

¹ АГЭ. Оп. 17. Ч. I, 1892. Л. 63

² Там же. Оп. 8. 1892. Л. 71, 71 а, 72.

³ Там же. Оп. 5. № 8. 1898 Л. 33–96.

⁴ Архив ОН ГЭ. «Императорская Эрмитажная книга поступлений». Кн. 8. Январь 1893 — февраль 1910. № 3194. С. 101.

⁵ Там же. Кн. 44. № 127.

⁶ Там же. Кн. 169. С. 121.

⁷ Потин В. М. Сокровища монастырской казны (Киево-Печерский клад 1898 г.)// Нумизматика і фалеристика. 2000. № 4. С. 30–33.

Самым последним приобретением венецианских дукатов является Могилевский клад, найденный в 1936 г. в деревне Ильинка Могилевского района. Идентификацию этого клада блестяще провела А. А. Маркова¹. В числе 476 монет находились 15 золотых венецианских дукатов. Наиболее ранняя монета — Джованни Мочениго (1478–1485), поздняя — Лодовико Манина (1789–1797).

Находки западноевропейских монет XVI–XVII вв. и в Белоруссии, и на Украине отмечались неоднократно. Относительно многих из них известно, что они принадлежаликладам, но последние, как правило, сразу расходились по рукам и делались недоступными для изучения. К счастью, Лаврский и Могилевский клады попали в руки исследователей и дополнили коллекцию Эрмитажа.

НУМИЗМАТИКА НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ (по материалам нумизматической библиографии С. И. Чижова)

П. Г. Гайдуков (Москва), М. А. Смирнова (Санкт-Петербург)

Имя Сергея Ивановича Чижова (15.03.1870–14.02.1921) стоит в первом ряду русских нумизматов конца XIX — первой четверти XX в. Ученик и последователь А. В. Орешникова, С. И. Чижов в 1903–1921 гг. состоял секретарем Московского нумизматического общества², в 1912 г. избран членом-корреспондентом Московского археологического общества³.

¹ Маркова А. А. Могилевский клад дукатов XVI–XVII вв. // Нумизматика. [Вып.] 2. (Труды ГЭ. [Т.] 4). Л., 1961. С. 39–43.

² О биографии С. И. Чижова см.: Гайдуков П. Г. Сергей Иванович Чижов (К 130-летию со дня рождения) // Нумизматический альманах. М. 2000. № 4. С. 10–11; Гайдуков П. Г., Васильева Р. В. Сергей Иванович Чижов и его «Библиография русской нумизматики» // Нумизматика в Историческом музее: НС ГИМ. Ч. 15 (Труды ГИМ. Вып. 115). М., 2001. С. 365–370; Гайдуков П. Г. С. И. Чижов и судьба его неопубликованного библиографического труда // 1917 год: Российская археология на переломе эпох: Материалы Международной науч. конф./Отв. ред. И. А. Сорокина. М., 2017. С. 15–17; Гайдуков П. Г., Смирнова М. А. Материалы к биографии С. И. Чижова и его семьи // НЧ [ГИМ] 2017 года. Москва, 23 и 24 ноября 2017 г.: Материалы докладов и сообщений. М., 2017. С. 297–304.

³ Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). М., 1915. Т. 2. С. 339.

Перу С. И. Чижова принадлежит ряд капитальных трудов по русской нумизматике и медальерному искусству XV–XVIII вв.¹, однако один из его важнейших трудов — «Русская нумизматика. Библиографический опыт» — так и остался неопубликованным. В 1904 г. нумизмат начал собирать библиографические материалы. Толчком к этой работе послужила рукопись А. К. Маркова «Каталог сочинений и статей по русской нумизматике», доведенная автором до конца 1880-х гг. В течение 15 лет Чижев активно собирал материал, занимаясь в различных государственных и частных библиотеках². С конца 1919 г. началась подготовка к изданию этой работы в Российской академии истории материальной культуры (РАИМК, позже ГАИМК, ныне ИИМК РАН), однако она прервалась в связи с его арестом и скорой смертью в 1921 г. В дальнейшем следы рукописи затерялись, лишь в 2009 г. в Рукописном отделе ИИМК РАН была обнаружена сама картотека³.

Библиографическая картотека С. И. Чижова значительна по объему. Она насчитывает более 4000 карточек (в набранном виде рукопись насчитывает около 30 а. л.), выстроенных в алфавитном порядке, и содержит около 4500 наименований трудов по нумизматике, медальерному делу и другим смежным дисциплинам, изданным в России и за рубежом с начала XVIII в. до 1918 г. включительно. Литература на иностранных языках датируется 1700–1914 гг., на русском языке — 1739–1918 гг. В библиографии учтены труды около 1050 российских и зарубежных авторов.

В компендиуме насчитывается 2255 наименований трудов на русском языке, 1834 — на иностранных языках (по большей части зарубежные работы), 39 описаний архивных материалов, 309 описаний из раздела «*Personalia*» (разделы выделены авторами. — П. Г., М. С.). Чижевым учтены и описаны книги, публикации в продолжающихся изданиях, журнальные и газетные статьи.

Особенно ценен труд С. И. Чижова с подробной росписью специальной археологической и нумизматической периодики. Его библиография насчитывает 384 периодических и продолжающихся изданий, в числе которых 194 на русском и 190 на иностранных языках.

В XVIII в. отечественные научные издания выходили, преимущественно, на иностранных языках. Прежде всего, это труды Император-

¹ Список печатных трудов и протокольных записей С. И. Чижова/Сост. П. Г. Гайдук//Нумизматический альманах. М. 2000. № 4. С. 13–14.

² Гайдук П. Г., Васильева Р. В. Сергей Иванович Чижев и его «Библиография русской нумизматики». С. 365.

³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 7. № 336 (А–М), 337 (Н–Я).

ской Академии наук. В их число входит официальное издание на латинском языке «Комментарии Академии наук»¹ (6 статей Г. З. Байера за 1729–1741 гг. и 7 статей И. Г. Шульце 1751 г.), «Новые акты Академии наук»² (3 статьи П. С. Палласа 1788 г.), а также русскоязычные «Академические известия»³ («Опыт о древних русских монетах М. М. Щербатова» в 1780–1781 гг.). Несколько заметок опубликовано в издании «Neues St. Petersburgisches Journal»⁴, а также в «Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям»⁵.

В первой половине XIX в. количество научных периодических изданий в России возрастает, что также отражено в нумизматической картотеке. Появляются различные научные общества, занимающиеся изучением прошлого, в том числе археологических и нумизматических памятников Российской империи. В 1804 г. основано Общество истории и древностей российских при Московском университете (ОИДР). В картотеке учтено более 60 статей и заметок за период 1815–1913 гг. из изданий общества: «Записок и трудов»⁶, «Временника»⁷, «Чтений»⁸. Значительное число заметок — описания коллекций и отдельных нумизматических памятников, принесенных в дар обществу.

Одесское общество истории и древностей (ООИД) основано в 1839 г. и ставило задачу изучения истории Южной России. В «Записках»⁹ общества, помимо прочего, публиковались исследования по археологии и нумизматике. С. И. Чижовым учтено более 70 статей из этого издания за 1844–1915 гг., посвященных нумизматике античных поселений Северного Причерноморья. В числе авторов «Записок» работы основателя общества Н. М. Мурзакевича, а также А. Л. Бертье-Делагарда, В. В. Григорьева, В. Н. Юргевича и др.

Наибольшее число работ в картотеке относится к изданиям Русского археологического общества (РАО), основанного в 1846 г. в Петербурге и первоначально называвшегося Археологическо-нумизматическим обществом (АНО). В картотеке подробно расписаны статьи из различных изданий общества: «Mémoires de la Société d'Archéologie et de Numisma-

¹ Commentarii Academiae scientiarum imperiali. 1728–1751. Т. 1–14.

² Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. 1787–1806. Т. 1–15.

³ Академические известия. 1779–1781. Ч. 1–8.

⁴ Neues St. Petersburgisches Journal. 1781–1786.

⁵ Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям. 1728–1742.

⁶ Записки и труды ОИДР. 1815–1837. Ч. 1–8.

⁷ Временник ОИДР. 1849–1852. Кн. 1–25.

⁸ Чтения ОИДР. 1846–1848, 1858–1918. Кн. 1–264.

⁹ Записки ООИД. 1844–1919. Т. 1–34.

tique de St. Petersburg» (более 130 статей за 1847–1852 гг.)¹, «Записки Санкт-Петербургского АНО» (ок. 60 статей за 1849–1856 гг.)², «Записки РАО» (более 110 статей за 1851–1901 гг.)³, «Известия РАО» (более 150 статей за 1859–1884 гг.)⁴, «Записки Восточного отделения РАО» (более 60 статей за 1886–1912 гг.)⁵, «Записки Нумизматического отделения РАО» (более 70 статей за 1906–1913 гг.)⁶. В этих публикациях отражен самый широкий спектр тем отечественной нумизматики.

Одним из ведущих научных обществ России второй половины XIX в. являлось Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Особое внимание в публикациях, помещавшихся в «Известиях»⁷ общества, уделялось истории Поволжья. С. И. Чижов включил в библиографию около 30 статей из этого издания за 1878–1911 гг., посвященных преимущественно нумизматике Золотой Орды, а также описанию новонайденных монетных кладов.

По несколько нумизматических работ выявлено составителем в «Чтениях» Киевского общества Нестора-летописца⁸, «Сборнике» Харьковского историко-филологического общества⁹ и ряде других научных изданий.

Особое внимание уделил С. И. Чижов трудам Московского археологического общества (МАО). В издании «Древности. Труды МАО»¹⁰ он выявил и описал более 50 статей за 1865–1916 гг., а в «Археологических известиях и заметках»¹¹ — 21 статью за 1893–1899 гг. Учтены им также и многочисленные рецензии на издания по археологии и нумизматике, помещенные в этих изданиях.

В 1888 г. на базе кружка московских нумизматов возникло Московское нумизматическое общество (МНО). Бессменным его членом и секретарем был сам С. И. Чижов, опубликовавший к его 25-летию подробный

¹ Mémoires de la Société d'Archéologie et de Numismatique de St. Petersburg. 1847–1854. Т. 1–8.

² Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества. 1847–1858. Т. 1–14.

³ Записки РАО. 1851–1865. Т. 1–12; Новая серия. 1886–1901. Т. 1–12.

⁴ Известия РАО. 1859–1884. Т. 1–10.

⁵ Записки Восточного отделения РАО. 1886–1921. Т. 1–25.

⁶ Записки Нумизматического отделения РАО. 1906–1913. Т. 1–2.

⁷ Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1878–1929. Т. 1–34.

⁸ Чтения в историческом обществе Нестора летописца. 1879–1914. Т. 1–24.

⁹ Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1886–1914. Т. 1–21.

¹⁰ Древности. Труды Московского археологического общества. 1865–1917. Т. 1–25.

¹¹ Археологические известия и заметки. 1893–1901. Т. 1–8.

очерк истории общества¹. В издании общества («Труды МНО»²) опубликовано более 70 статей, учтенных в картотеке. Подробно отражены в библиографии Чиждова материалы «Нумизматического сборника»³ — другого издания МНО, выходявшего под редакцией А. В. Орешникова. В картотеку включены не только описания отдельных статей, но дана также полная роспись содержания всех трех томов.

Отдельная работа проведена исследователем с «Трудами» Археологических съездов и «Известиями» Ученых архивных комиссий. В библиографии учтено более 50 нумизматических публикаций из изданий материалов I–XV АС за 1869–1911 гг., а также 42 публикации из «Известий» различных УАК за 1888–1918 гг. (19 статей из Таврической УАК, шесть — из Саратовской, по четыре — из Полтавской и Рязанской, по три — из Оренбургской и Черниговской, по одной — из Владимирской, Ставропольской и Тверской УАК).

Для библиографической картотеки составителем изучены материалы научных обществ и периодические издания Польши и Прибалтики. Прежде всего, это журнал «Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne», издававшийся в Кракове на польском языке, а также немецкоязычные материалы научных обществ Риги и Митавы.

Немалое количество публикаций по нумизматике вышло на страницах журналов общей направленности, таких как «Вестник Европы» (23 статьи за 1804–1830 гг.), «Журнал министерства народного просвещения» (более 70 статей за 1834–1907 гг.), «Журнал министерства внутренних дел» (10 статей за 1840–1851 гг.), «Исторический вестник» (13 статей за 1888–1916 гг.), а также в популярном журнале «Старая монета». Множество мелких заметок, информационных сообщений и рецензий извлечено составителем из газет: «Санкт-Петербургские ведомости», «Правительственный вестник», «Биржевые ведомости» и др.

Труд С. И. Чиждова «Русская нумизматика. Библиографический опыт» максимально полно учитывает исследования по русской нумизматике, помещенные в периодических и продолжающихся изданиях дореволюционной России. В настоящее время ведется подготовка к изданию этой нумизматической картотеки, а также биографического очерка об ее составителе. Книга закроет существующий пробел в отечественной библиографии и будет способствовать дальнейшему развитию русской нумизматики.

¹ Чиждов С. И. Записка о деятельности Московского нумизматического общества за первые 25 лет его существования. 1888–1913. М., 1913.

² Труды МНО. 1898–1905. Т. 1–3.

³ Нумизматический сборник [МНО]. 1911–1915. Т. 1–3.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ИЗДАНИЕ АЛЬБОМА К 250-ЛЕТИЮ ЛЕНИНГРАДСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА

Е. В. Лепёхина (Санкт-Петербург)

В 1968 г. исполнилось 150 лет со дня основания Гознака, наследника основанной в составе Министерства финансов 21 августа 1818 г. ЭЗГБ. На сегодняшний день в ведении Гознака восемь предприятий, в том числе два ныне действующих монетных двора — старейший Санкт-Петербургский и Московский, основанный в 1942 г. К юбилею было подготовлено издание, рассказывающее о предприятиях Гознака, его истории и развитии, снабженное разнообразным иллюстративным материалом¹.

Как выяснилось, к 250-летию Ленинградского монетного двора, отмечаемому в 1974 г., планировалось издание подобного альбома с рабочим названием «Ленинградский монетный двор». Для участия в подготовке издания был приглашен И. Г. Спасский, известный своими работами по истории Петербургского монетного двора². В архиве И. Г. Спасского, хранящемся в ОН ГЭ, имеется текст вступительной статьи (67 машинописных страниц) и макеты 64 фототаблиц несостоявшегося альбома, а также деловая переписка ученого связанная с этой работой, за период 1974–1979 гг., в том числе с редактором Гознака Г. А. Мокрушевой и художником Ю. И. Шаковым, которому в 1976 г. Главное управление Гознака поручило художественное оформление альбома.

Как следует из материалов, замысел альбома возник в 1973 г. В январе 1974 г., планируя его структуру, И. Г. Спасский писал редактору: «Мне он представляется в максимальной мере подчиненным истории предприятия и в наименьшей мере — вкусам нумизматической любительщины. Поэтому я распределял бы любой материал, подчиняя его лишь периодизации истории М[онетного] Д[вора] и совершенно пренебрегая нумизматической классификацией: т. е. в определенные пе-

¹ Гознак за 150 лет. Издание Главного управления Гознака Министерства финансов СССР. М., 1969.

² Спасский И. Г. Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX века. Л., 1949; *Он же*. Изобретатель Неведомский. К двухсотдвадцатипятилетию Монетного двора. Л., 1949; *Он же*. Новые материалы для биографии И. А. Неведомского // Русская культура и искусство. [Вып.] 1. (Труды ГЭ. [Т.] 3). Л., 1959. С. 188–210.

Рис. 1, 2. Торжественное заседание в честь 250-летия ЛМД. 1974 г. (Архив ОНГЭ)

риоды входили бы и монеты, и медали, и вообще все то, что делалось в данный момент — скажем для 2-[й] пол[овины] XVIII в. смены монетного типа, тут же медали на современные события и медали ретроспективные, т. е. на события далекого прошлого; тут же — образцы «новоделов» — подобий старинных монет, которые М[онетный] двор вынужден был делать в угоду двору и придворным коллекционерам; тут же образцовые монеты для Сибири, Молдавии и т. п. — Такой состав сделает таблицы более динамичными и подстрахует от скуки — для нормального читателя (оголтелых коллекционеров я считаю ненормальными!)».

Обговаривался формат издания: вступительная часть объемом 2 авторских листа. Иллюстративная часть — 50–60 цветных и черно-белых репродукций, на паспарту, в папке. Формат 230 × 310 мм. Издание несброшюрованное, что могло облегчить его выпуск. Способ печати — автотипия или офсет, 4 краски. Изготовитель — Московская печатная фабрика Гознака.

Большое внимание уделялось подготовке иллюстраций. И. Г. Спасский вместе с главным инженером Ленинградского монетного двора В. Е. Мигачевым отбирал материал для таблиц в музее предприятия. Кроме И. Г. Спасского подбор материала для таблиц в Государственном Эрмитаже осуществляли хранители собрания медалей — Е. С. Щукина и орденов — М. А. Добровольская. Со всеми участниками подготовки альбома в декабре 1974 г. был заключен договор и трудовые соглашения: с И. Г. Спасским на подготовку вступительной статьи, подбор около двух десятков иллюстраций, а также предоставление для фотографирования 161 предмета, с Е. С. Щукиной — на предоставление 150 и с М. А. Добровольской — 114 предметов. Было оговорено и участие в создании альбома В. Е. Мигачева.

К июню 1974 г. был закончен макет первых 24-х таблиц. И. Г. Спасский писал редактору: «Раздел рукописи 1724–1917 [гг.] на днях отдам в переписку, считаю его законченным. Вероятно, будет страниц 45 (без примечаний, которые в массе очень короткие и наберутся в два столбца), последняя часть пишется». С самого начала работы над статьей И. Г. Спасский отмечал, что наибольшие сложности для него представляет вторая, послереволюционная, часть истории монетного двора. В апреле 1974 г. в письме Г. А. Мокрушевой он писал: «Самая трудная для меня часть — начальные годы и весь XVIII век в рукописи уже позади. Впереди трудности другого порядка — в непривычном мне материале, полученном от В. Е. Мигачева. Поскольку уже как-то можно

Рис. 3. Заседание Ученого совета в Эрмитажном театре в честь 70-летия со дня рождения И. Г. Спасского. Главный инженер ЛМД В. Е. Мигачев вручает юбиляру памятную медаль. 14 марта 1974 г. (Архив ОН ГЭ)

представить себе работу в целом, смущает меня, как соединятся часть, напичканная сносками, ссылками на литературу и источники, с последней частью, где их нет. Пожалуй, придется, все-таки, ограничиться перечнем литературы и источников в конце — тогда это как бы ко всему тексту отнесется, иначе бросаться в глаза будет». 2 июля 1974 г. И. Г. Спасский обратился с письмом к бывшему управляющему монетным двором в 1935–1941 гг.¹ (по уставу в эти годы монетный двор действовал на правах треста) П. А. Пирогову: «... На мою долю выпала приятная, но нелегкая работа над статьей к задуманному Гознаком альбому, посвященному 250-летию Монетного двора. Уже несколько месяцев занимаюсь ею и в настоящее время добрался до наиболее трудного для меня раздела — Отечественной войны. Мне представляется необходимым в таком издании упомянуть тех, кто оставался в Ленинграде. Мне кажется, что просто невозможно не коснуться этого. Не можете ли Вы подсказать мне такие имена?

¹ Орлов С. В., Бакарев А. В. Монетный двор. История и современность. К 285-летию Санкт-Петербургского монетного двора Гознака. СПб., 2009. С. 154.

Еще интересует меня такой вопрос: сыграл ли какую-нибудь роль при создании Московского монетного двора опыт и люди Ленинградского: казалось бы, это было бы естественным: как когда-то, при Петере, московские монетчики заводили дело в Петербурге, так и тут могло быть что-то подобное».

Обращение И. Г. Спасского неудивительно, учитывая, что П. А. Пирогов в 1942 г. был переведен в Москву на должность заместителя начальника Гознака по монетно-орденскому производству, а в 1944 и 1948 гг. одновременно назначался директором Московского монетного двора¹.

П. А. Пирогов ознакомился с рукописью, что видно по его недатированным замечаниям к страницам 57–65, а также комментарий: «В рукописи недостаточно полно освещена деятельность Ленинградского монетного двора после революции. Этот 55-летний период изобилует многими интересными событиями и большими делами, которые приходилось выполнять монетному двору по специальным заданиям Совета Министров СССР до Великой Отечественной войны и после. Особенно много было сделано по росту производительности труда и изготовлению целого ряда новых наименований орденов и медалей СССР. Для того, чтобы более или менее осветить этот период деятельности монетного двора, я бы рекомендовал привлечь тт. [В. К.] Иванова — быв[шего] начальника технического отдела, [Г. И.] Фейгину — быв[шего] гл[авного] технолога Ленинградского монетного двора, [В. Е.] Мигачева — быв[шего] начальника цеха и гл[авного] инженера Ленинградского монетного двора и др.».

Экземпляры готовой рукописи были также переданы В. Е. Мигачеву, внесшему добавления в текст, описывающий современное состояние монетного двора и директору ЛМД (в 1969–1976 гг.)² Л. К. Макарьеву.

В том же 1974 г. И. Г. Спасский в письме к крупнейшему исследователю в области античной истории и археологии, ответственному редактору издания «Нумизматика и эпиграфика» Д. Б. Шелову, пишет о недоразумении, произошедшем с рукописью альбома: «... по уговору должен был дать прочесть на Монетный двор, кто там читал, не знаю, но представить себе можно, но — там явно испугались — хотя текст самый невинный, но нехорошо подробно описаны плутни Меншикова с поддельным серебром, разобрана история с чеканкой в течение 100 лет голландской монеты, и т. п. все это “бросает тень”; много нехороших имен — все

¹ Глейзер М. М. Работа предприятий Гознака в 1933–1985 годах // Миниатюра. 2001. 15 мар. Вып. 11 (51), приложение «Бонистика». С. 6–8.

² Орлов С. В., Бакарев А. В. Монетный двор... С. 154.

Шлаттеры, да Гаскойны какие-то и медальеры XVIII в., все немцы. В общем, на днях будет разговор окончательный. Похоже, что рукопись я заберу, оставив, в крайнем случае, страничек 10 — Революция и Гражданская война, тут у них возражений нет — в виде отдельной статьи». Однако опасения И. Г. Спасского не оправдались, и работа продолжилась.

В связи с сокращением штатов Гознака в конце 1975 г. в издательской группе, возглавляемой О. М. Абрамовым, была сокращена должность редактора, оставлены только художник и технический редактор. В связи с этим, к сожалению, была уволена Г. А. Мокрушева, с которой И. Г. Спасский конструктивно сотрудничал, а на ее место по договору был взят сторонний редактор. К счастью, к этому времени вся основная работа над рукописью была закончена, и участникам этой работы даже выплачено по 60 % гонорара.

К июлю 1976 г. Г. Д. Васюкевичем были выполнены все фотоработы и согласовано количество таблиц — вместо первоначальных 61 в связи с перегруженностью и для удобства печати было решено расположить материал на 64 (*Цв. вкл. XXIII, XXIV*). Обговаривались детали композиции на таблицах, подписи к предметам. К таблице с цветными изображениями предметов, выполненных, по возможности, в натуральную величину, прилагалась та же композиция, но уменьшенная и в черно-белом исполнении, снабженная нумерацией предметов и в отдельном поле — подписями к ним. 30 июля 1976 г. И. Г. Спасский пишет Ю. И. Шакову: «Если бы мы как-нибудь могли обойтись без обозначения стороны вообще, было бы совсем неплохо, т. к. будет назойливо бросаться в глаза, что на дореволюционных монетах и медалях мы избегаем портретов, гербов и т. д., да и на советских медалях, когда на другой стороне находится Сталин. Умный читатель без разъяснений понимал бы, что изображена лишь одна сторона...».

Летом 1977 г. речь шла уже о верстке альбома. В октябре Л. К. Макарьев снова просматривает рукопись, из которой в процессе редактирования было вычеркнуто 78 строк и 110 примечаний.

В конечном итоге издание альбома, утратив юбилейную актуальность, так и не было осуществлено. Возможно, это было связано и с тем, что в октябре 1977 г. был назначен новый директор ЛМД Л. Н. Бурлаков. В том же году И. Г. Спасский опубликовал в СГЭ статью к 250-летию ЛМД, в которой подробно рассмотрел первые годы его работы¹.

¹ Спасский И. Г. Петербургский монетный двор в 1724–1727 годах (К 250-летию Ленинградского монетного двора) // СГЭ. [Вып.] 42. Л., 1977. С. 58–60.

В начале 1979 г. руководство Гознака планировало новое издание, приуроченное, по-видимому, к 255-летию ЛМД. Часть работы должна была быть написана В. Е. Тогатовой¹, а текст И. Г. Спасского предполагалось значительно сократить. Как он писал О. М. Абрамову 10 января 1979 г.: «... я получил принесенную т. Тогатовой рукопись. <...> Как считает и она сама, она не способна самостоятельно написать требуемое, надежд на удовлетворительную рукопись нет. Мне кажется, что есть возможность получить в границах приличия соответствующий текст, если привлечь к делу недавнего директора Мон[етного] двора Л. К. Макарьева. <...> Я не отказался бы помочь ему советами и отредактировать, что у него получится, но ставить свою подпись под половиной текста книги, конечно, не могу. Пусть будет Макарьев и Спасский, может быть, с соответствующей оговоркой — упоминанием о моей помощи. <...> Сокращение подобного масштаба прямо по рукописи с первых же страниц оказалось невозможным, и я пишу начисто: приходится перекомпоновывать».

Собранный И. Г. Спасским материал по ранней истории Санкт-Петербургского монетного двора вошел в раздел, посвященный денежному обращению XVIII в. в большой совместной с А. И. Юхтом работе, опубликованной в 1987 г.²

История Санкт-Петербургского — Петроградского — Ленинградского монетного двора занимала значительное место в научном творчестве И. Г. Спасского. Опубликованные им работы остаются на сегодняшний день неоценимым источником для исследователей. Свидетельство этому — организованная в 1994 г. в Государственном Эрмитаже выставка «Петербургский монетный двор в научном наследии И. Г. Спасского», посвященная двум юбилейным датам: 270-летию ЛМД и 90-летию со дня рождения ученого.

Юбилейное издание все-таки состоялось, но лишь спустя 30 лет — в 2009 г., к 285-летию СПМД его тогдашний директор С. В. Орлов

¹ В архиве Н. С. Моисеенко находятся следующие рукописи по истории монетного двора: *Тогатова В. Е.* История производства на Монетном дворе. Рукопись. 38 с.; *Она же.* Основные мероприятия, проводимые на ЛМД в 1946–1974 гг. Рукопись. 27 с.; *Смирнов М. И.* Материалы по истории Санкт-Петербургского монетного двора в XVIII — начале XXI века. СПб., 2004. Рукопись. 108 с. См.: *Моисеенко Н. С.* Советские иррегулярные монеты (1921–1991): История, источники и методы изучения. Дисс ... к. и. н. СПб., 2010. Список литературы диссертационного исследования. № 227, 237, 238. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/sovetskie-irregulyarnye-monety-1921-1991-istoriya-istochniki-i-metody-izucheniya#ixzz5PZbqN9VВ> (дата обращения 01.09.2018).

² *Спасский И. Г., Юхт А. И.* Финансы. Денежное обращение // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 109–151 (Раздел «Денежное обращение» — с. 131–151).

и А. В. Бакарев опубликовали обширный очерк, посвященный истории завода от возникновения до современности, предназначенный для широкого круга читателей. Эта публикация содержит богатый фактический и иллюстративный материал¹.

ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ В ОТНОШЕНИИ МОНЕТ И БАНКНОТ В ЭКС — ФИЛИАЛЕ ЦЭКТУ г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

И. А. Мозолева (Санкт-Петербург)

Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление Федеральной таможенной службы России (далее — ЦЭКТУ) осуществляет судебно-экспертную, экспертно-криминалистическую, экспертно-исследовательскую, научно-исследовательскую и научно-методическую деятельность в интересах обеспечения экономической безопасности государства.

Таможенная экспертиза позволяет выявить те незаконно перемещаемые предметы, которые представляют культурную ценность, имеют национальное значение, являются исторической ценностью. Таким образом, государство с помощью специально разработанных нормативно-правовых актов регулирует выявление, сохранение и законное перемещение культурных ценностей. «Перемещение через таможенную территорию Таможенного союза культурных ценностей характеризуется определенной спецификой <...>. Административные барьеры на путях прохождения предметов данного рода оправданы задачами защиты государственных интересов, охраны национального культурного достояния, борьбы с неправомерными посягательствами на культурные ценности»².

Данный доклад посвящен практическим вопросам, связанным с экспертной деятельностью таможенных органов при работе с объектами нумизматики и бонистики на базе ЭКС — филиала ЦЭКТУ г. Санкт-Петербург. Актуальность вопроса определена значительным объемом

¹ Орлов С. В., Бакарев А. В. Монетный двор...

² Москвина И. К. Государственный контроль за перемещением культурных ценностей через таможенную границу Таможенного союза: учеб. пособие. СПб., 2012. С. 45.

ввозимых и вывозимых через границы государств объектов культурного наследия, в частности в Северо-Западном регионе Российской Федерации, и соответственно, растущим количеством экспертиз культурных ценностей, проводимых таможенными органами. В частности, объекты нумизматики составляют наибольшую часть среди исследуемых.

Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования» устанавливает сроки и категории, по которым предметы признаются культурными ценностями. Монеты, боны, банкноты и ценные бумаги признаются культурными ценностями, если их возраст составляет 100 лет и более.

Из этого следует, что главной задачей исследования объектов нумизматики и бонистики является формирование объективного вывода о времени их создания и установление подлинности. В ходе проведения экспертизы культурных ценностей по установленной форме производится атрибуция объектов нумизматики и бонистики, определяется их рыночная стоимость.

В таможенной экспертизе эксперты по культурным ценностям не имеют профилировки и работают с широким кругом памятников, в т. ч. с предметами нумизматики и бонистики. По этой причине большое внимание в ЦЭКТУ уделяется развитию инструментальной и научно-методической базы. В настоящее время разработано более 160 методик идентификации товаров по различным направлениям, в том числе методики для проведения экспертизы культурных ценностей. Одна из таких методик посвящена экспертизе объектов нумизматики.

В данной методике содержится как теоретическая часть (законодательная основа, термины и определения, история формирования денежной системы, информация о пробах металлов и т. д.), так и практическая (регламент проведения исследования, методические рекомендации по выявлению подделок, образцы монет и т. д.).

При проведении экспертизы монет в обязательном порядке определяются и отражаются по установленной форме в исследовательской части заключения их идентификационные признаки: диаметр, вес, толщина. Далее определяются номинал, государство, год чеканки, монетный двор, тип, характеристики аверса, реверса, гурта, знаки минцмейстеров и т. д.

Важнейший фактор, устанавливаемый в ходе исследования и влияющий на рыночную стоимость, — это сохранность монеты. При проведении экспертиз на базе ЦЭКТУ и его подразделений используются общепринятые международные стандарты оценки состояния монет.

На сегодняшний день экспертные подразделения ЦЭКТУ имеют необходимую укомплектованную приборную базу для исследования монет с помощью неразрушающих методов (рентгенофлуоресцентный анализ для определения состава металла, микроскопия для анализа деталей).

Рентгенофлуоресцентный анализ помогает идентифицировать сплав с высокой точностью без разрушения путем определения комбинации элементов в указанных композиционных диапазонах. Полученные результаты сопоставляются с эталонными образцами. В случае выявления несоответствия объект не может рассматриваться как подлинный.

Экспертные подразделения обеспечены литературой для проведения сравнительного анализа. Важным элементом является и сотрудничество со специалистами из иных организаций (Министерство культуры РФ, музеи) для проведения консультаций и сравнений с оригинальными образцами монет.

При работе с объектами бонистики используются неразрушающие оптико-электронные методы, реализуемые с помощью таких приборов, как криминалистические лупы, цифровые микроскопы, экспертные приборы контроля подлинности документов и т. д., характерные для технико-криминалистической экспертизы документов.

Стоит отметить, что чаще всего на таможенную экспертизу в ЭКС — филиал ЦЭКТУ г. Санкт-Петербург поступают монеты, пересылаемые в международных почтовых отправлениях в небольших количествах, зачастую это кладовые монеты, отправляемые одним отправителем различным адресатам. Среди них преобладают распространенные монеты массового выпуска (например, медные пятаки периода правления Екатерины II, монеты Финляндии в составе Российской империи и т. д.). Однако встречаются и крупные коллекции монет, «мешковые» монеты середины — второй половины XX в. и т. д.

В силу географических и исторических особенностей региона, в ЭКС — филиал ЦЭКТУ г. Санкт-Петербург редко поступают монеты допетровского времени. Кроме того, в силу близости границы с Финляндией, нередко на экспертизу поступают русско-финские монеты второй половины XIX — начала XX в. Например, в 2017 г. была проведена экспертиза в отношении медной монеты достоинством 5 пенни 1873 г. (Рис. 1)¹.

¹ Уздеников В. В. Монеты России. 1700–1917. М., 2011. С. 351. № 4699.

Рис. 1. Монета для Финляндии достоинством 5 пенни. 1873 г.

В качестве примера экспертизы нечасто встречающейся монеты приведем пятикопеечник 1727 г.¹ Вес поступившей на экспертизу монеты — 18,81 г, диаметр 31 мм, материал — медь. Исследование данной монеты осложнялось ее сохранностью, не позволяющей при визуальном осмотре увидеть обозначение монетного двора и точки. При исследовании применялась лупа.

При исследовании бумажных денег, как было сказано ранее, применяются методы, сходные с технико-криминалистической экспертизой документов (для установления подлинности определяется наличие водяных знаков, нанесение подписи от руки и т. д.). При определении рыночной стоимости кредитных билетов в обязательном порядке учитывается сочетание подписи управляющего с подписью кассира.

Среди исследованных в ЭКС — филиале ЦЭКТУ г. Санкт-Петербург встречались следующие объекты.

– Государственный кредитный билет достоинством 100 рублей образца 1910 г. Подписи управляющего И. П. Шипова и кассира Я. Метца. Серия и номер: ЕН 137016. Судя по подписям и номеру, банкнота выпущена при императорском правительстве в период с 1914 по 1917 г.

– Государственный кредитный билет достоинством 3 рубля образца 1905 г. Подписи управляющего И. П. Шипова и кассира Гр. Иванова. Серия и номер: ЭЯ 558624. Судя по подписям и номеру, банкнота выпущена при Временном правительстве в 1917 г. Таким образом, на момент проведения экспертизы (2016 г.) данный кредитный билет не относил-

¹ Там же. С. 181. № 2463.

ся к категории культурных ценностей. Этот пример указывает на необходимость тщательного анализа серийных номеров, подписей управляющих и кассиров при проведении экспертного исследования.

Таким образом, становится очевидным, что перед таможенными экспертами при проведении экспертиз в отношении объектов нумизматики и бонистики встает ряд вопросов, требующих значительных познаний. Важную роль играет наличие методического, научного и справочного материала, а также укомплектованной универсальной технической базы. Экспертиза объектов нумизматики и бонистики в таможенных органах динамично развивается, о чем свидетельствует создание методического пособия и взаимодействие с иными государственными организациями.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАТОЧНИКИ СУЗУНСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА В СОБРАНИИ АГКМ¹

КАТАЛОГ

А. О. Пронин, Ю. А. Абрамова

В настоящем каталоге даны детальные характеристики комплекса маточников Сузунского монетного двора.

Наименования предметов, учетные номера и весовые характеристики маточников и штемпелей для удобства сведены в таблицу (см. с. 45 наст. издания), ниже публикуются подробные описания маточников сибирских монет 1770-х гг. и общегосударственных медных монет образца 1830 г. Описания рабочих штемпелей будут опубликованы отдельно.

Маточники сибирской монеты

Маточники изготовлены из цельных массивных металлических болванок, имеющих восьмигранное сечение. Их размеры варьируются в зависимости от размера монеты, для изготовления которой они предназначены. Каждый маточник имеет на одной из боковых граней по два прямоугольных клейма, расположенных друг над другом. Клейма прочитать не удалось.

Важной особенностью маточников сибирской монеты является отсутствие последних цифр в датах. На маточниках две (реже одна) последние цифры отсутствуют («17 »), и оставлено место для нанесения цифр непосредственно на рабочих штемпелях при помощи пунсонов. Такая технология позволяла использовать один и тот же дорогостоящий и сложный в изготовлении маточник в течение длительного времени.

Нижняя часть и боковые грани всех маточников имеет многочисленные следы ударных нагрузок, вмятины, забоины; по краю донца болванки сняты фаски. Все маточники корродированны и покрыты оксидной пленкой темного цвета, в нижней части — ржавчиной.

1. Маточник о. с. сибирской монеты номиналом 10 копеек

Размеры 106 × 94 × 96,5 мм, где 106 мм — высота. Диаметр рабочей части — 65 мм. Клейма на боковой грани имеют размеры: 11,1 × 13,5 (вер-

¹ О них см. статью в наст. сборнике. С. 41–46. — *Прим. ред.*

хнее) и 13,5 × 12 мм (нижнее). Рабочая часть маточника сохранилась плохо. Различимы лишь буквы «ДЕ» в слове «ДЕСЯТЬ» и «КОП» в слове «КОПЕЕК», а также фигуры соболей. Дату различить невозможно¹.

2. Маточник о. с. сибирской монеты номиналом 5 копеек

Размеры 92 × 84,5 × 87 мм, где 92 мм — высота. Диаметр рабочей части — 60 мм. Клейма на боковой грани имеют размеры: 11,8 × 13,5 (верхнее) и 13,5 × 12 мм (нижнее). В дате две последние цифры отсутствуют («177 »).

3. Маточник о. с. сибирской монеты номиналом 2 копейки

Размеры 93 × 78 × 78 мм, где 93 мм — высота. Диаметр рабочей части — 59 мм. Клейма на боковой грани имеют размеры: 13 × 15 (верхнее) и 6 × 11 мм (нижнее). В дате последняя цифра отсутствует («177 »), предпоследняя сильно корродированна.

4. Маточник о. с. сибирской монеты номиналом 1 копейка

Размеры 82 × 72 × 70 мм, где 82 мм — высота. Диаметр рабочей части — 59 мм.

Клейма на боковой грани имеют размеры: 6 × 11 (верхнее) и 13 × 15 мм (нижнее). На грани с клеймами присутствуют вмятины. В дате последняя цифра отсутствует («177 »), предпоследняя сильно корродированна.

5. Маточник о. с. сибирской монеты номиналом денга

Размеры 88 × 71 × 71,5 мм, где 88 мм — высота. Диаметр рабочей части — 51 мм. Клейма на боковой грани имеют размеры: 9 × 13 (верхнее) и 13 × 15 мм (нижнее). Обозначение номинала и дата не читаются (забиты?).

6. Маточник о. с. сибирской монеты номиналом полушка

Размеры 82 × 67 × 66 мм, где 82 мм — высота. Диаметр рабочей части — 60 мм.

Клейма на боковой грани имеют размеры: 10 × 15 (верхнее) и 13 × 16 мм (нижнее). В дате последняя цифра отсутствует («177 »). Следы коррозии рабочей части незначительны. Маточник сохранился значительно лучше, чем другие маточники этой группы.

Рабочие штемпели сибирской монеты конструктивно и визуально близки к описанным выше маточникам.

¹ Возможно, рабочая часть маточника была забита, чтобы его было невозможно использовать по назначению — *Прим. ред.*

Маточники медных общегосударственных монет образца 1830 г.

Маточники этой категории имеют более сложную конструкцию. Они представляют собой цилиндрические стальные болванки, запрессованные в массивные восьмигранные обоймы. Донца болванок и восьмигранных обойм в большинстве случаев корродированны и имеют следы токарной обработки, ударных нагрузок.

Маточники л. с. датированы 1830 г. (кроме 10-копеечника, на котором последние цифры даты не читаются). Это позволяет предположить, что они были сделаны на Санкт-Петербургском монетном дворе (возможно, вместе со штемпелями) и отправлены в Сузун в качестве образцов¹. Медные монеты нового образца со знаком Сузунского двора и датой «1830» не известны, их массовая чеканка началась в 1831 г.

Маточники о. с. имеют обозначение Сузунского монетного двора «С. М.» (кроме 2-копеечника, где первая буква не читается). Конструктивно они полностью соответствуют маточникам л. с., однако теоретически могли быть изготовлены до 1839 г. включительно, после чего сменился монетный тип.

7. Маточник л. с. монеты образца 1830 г. номиналом 10 копеек

Размеры 48 × 86 × 87 мм, где 48 мм — высота. Диаметр болванки по нерабочему торцу — 59 мм. Диаметр рабочей части — 44 мм. На некоторых боковых гранях имеются квадратные технологические засечки.

Маточник сильно корродирован, детали рабочего рельефа читаются плохо. На рабочем поле имеются значительные утраты, особенно в нижней части. Последние три цифры даты не читаются. На донце и на боковых поверхностях имеются следы ударных нагрузок, сильной коррозии. Слева над орлом — трещина.

8. Маточник л. с. монеты 1830 г. номиналом 5 копеек

Размеры 35 × 85 × 86 мм, где 35 мм — высота. Диаметр круглой болванки по нерабочему торцу — 59 мм. Диаметр рабочей части — 32 мм. На боковой грани со стороны, соответствующей расположению короны гербового орла, крупная метка X-образной формы.

Маточник корродирован (имеются каверны), однако детали рабочего рельефа читаются. Донце болванки выступает над плоскостью обой-

¹ Семенов В. Е. Монетное дело Российской империи. СПб., 2010. С. 130.

мы и расклепано (деформировано) вследствие ударных нагрузок в процессе использования.

9. Маточник л. с. монеты 1830 г. номиналом 2 копейки

Размеры 44 × 68 × 69 мм, где 44 мм — высота. Диаметр круглой болванки по нерабочему торцу — 40 мм. Диаметр рабочей части — 28 мм.

Маточник корродирован (имеются каверны), однако детали рабочего рельефа читаются. Донце болванки выступает над плоскостью обоймы и расклепано (деформировано) вследствие ударных нагрузок в процессе использования штемпеля, имеет дугообразные трещины по окружности болванки. Трещина обоймы.

10. Маточник о. с. монеты 1830 г. номиналом 10 копеек

Размеры 52 × 88 × 87 мм, где 52 мм — высота. Диаметр болванки по нерабочему торцу — 59 мм. Диаметр рабочей поверхности — 42 мм.

Общая сохранность очень хорошая, детали рабочего рельефа матрицы читаются полностью. На рабочем поле незначительные каверны. Со стороны рабочей поверхности в обойме две незначительные трещины и следы токарной обработки. Донце болванки выступает над плоскостью обоймы и расклепано (деформировано) вследствие ударных нагрузок в процессе использования.

11. Маточник о. с. монеты образца 1830 г. номиналом 5 копеек

Размеры 47,5 × 83 × 87 мм, где 47,5 мм — высота. Высота обоймы 40,5 мм. Диаметр круглой болванки по нерабочему торцу — 60 мм. Диаметр рабочей части 38,5 мм.

На боковой грани обоймы, со стороны, соответствующей расположению цифры «5» на, имеется крупная метка X-образной формы.

Маточник корродирован (имеются каверны, ржавчина), однако детали рабочего рельефа читаются. Донце болванки выступает над плоскостью обоймы и значительно расклепано (деформировано) вследствие ударных нагрузок в процессе использования. На боковых гранях обоймы — вмятины от ударов и каверны от коррозии.

12. Маточник о. с. монеты образца 1830 г. номиналом 2 копейки

Размеры 45 × 64 × 65 мм, где 45 мм — высота. Диаметр круглой болванки по плоскому нерабочему торцу — 41 мм. Диаметр рабочей части 20 мм.

На боковой грани обоймы, со стороны, соответствующей расположению обозначения монетного двора на матрице имеется крупная метка X-образной формы.

Маточник сильно корродирован (имеются каверны, ржавчина), однако детали рабочего рельефа матрицы читаются. Не читается первая буква обозначения монетного двора.

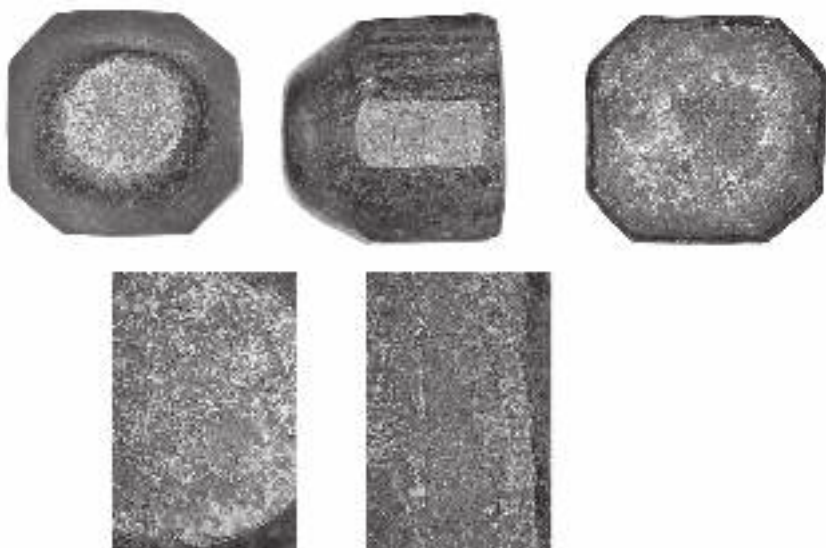
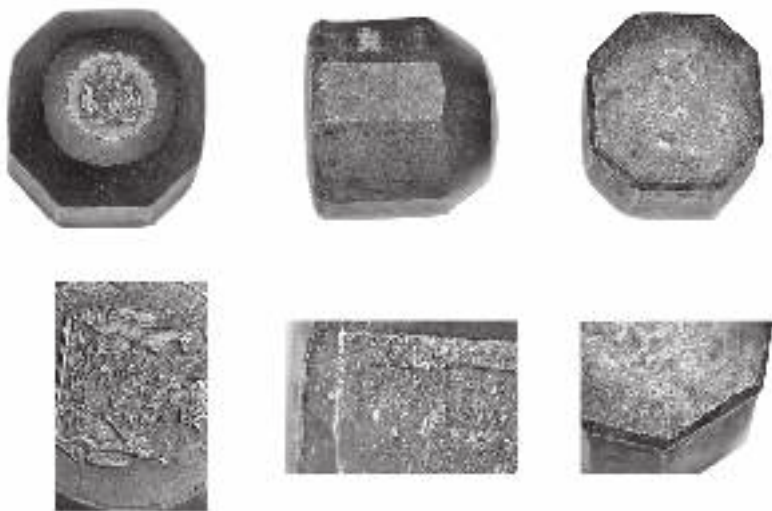
На донце болванки имеется трещина по краю. Оно значительно расклепано (деформировано) вследствие ударных нагрузок в процессе использования, имеет дугообразные трещины по окружности болванки.

13. Маточник о. с. монеты обр. 1830 г. номиналом 1 копейка

Размеры $47 \times 72 \times 65$ мм, где 47 мм — высота. Диаметр круглой болванки по плоскому нерабочему торцу — 65 мм. Диаметр рабочего торца — 43 мм.

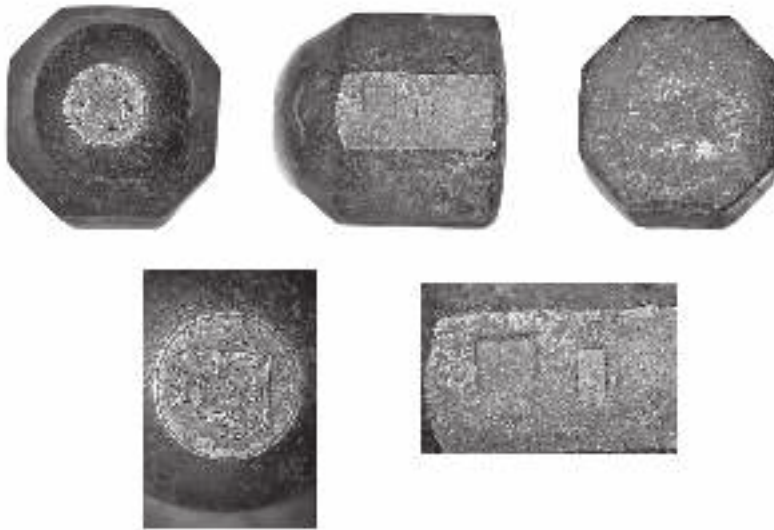
На боковой грани обоймы, со стороны, соответствующей расположению цифры «1» на рабочем поле имеется крупная метка X-образной формы.

Маточник корродирован (имеются каверны, ржавчина), однако общая его сохранность хорошая, и детали рабочего рельефа матрицы читаются. На донце — трещина по краю. Донце болванки выступает над плоскостью обоймы и расклепано (деформировано) вследствие ударных нагрузок в процессе использования. На болванке и обойме — характерные следы токарной обработки.

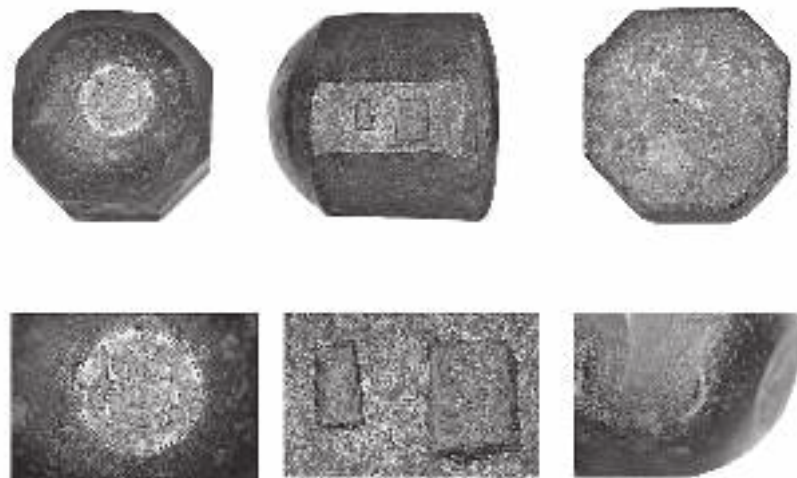
Кат. 1

0 100 мм

Кат. 2

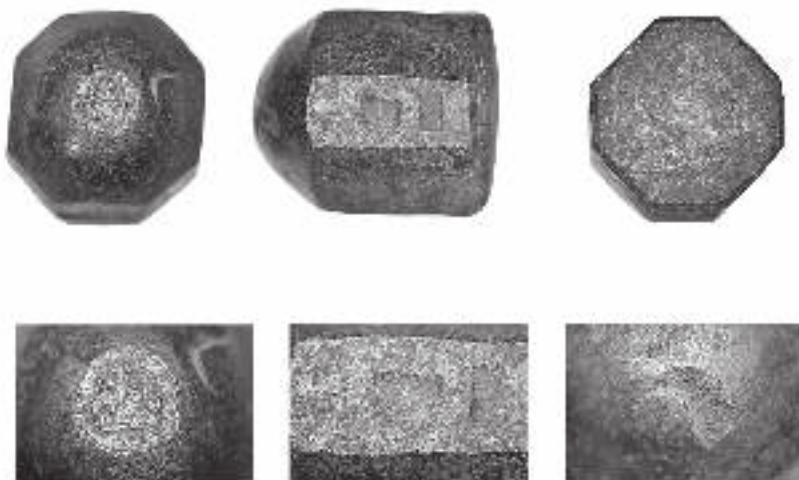

Kam. 3

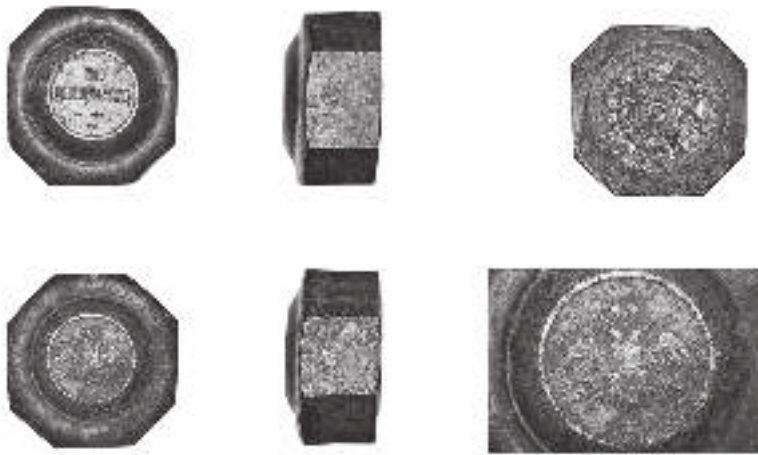
0 100 мм

Kam. 4

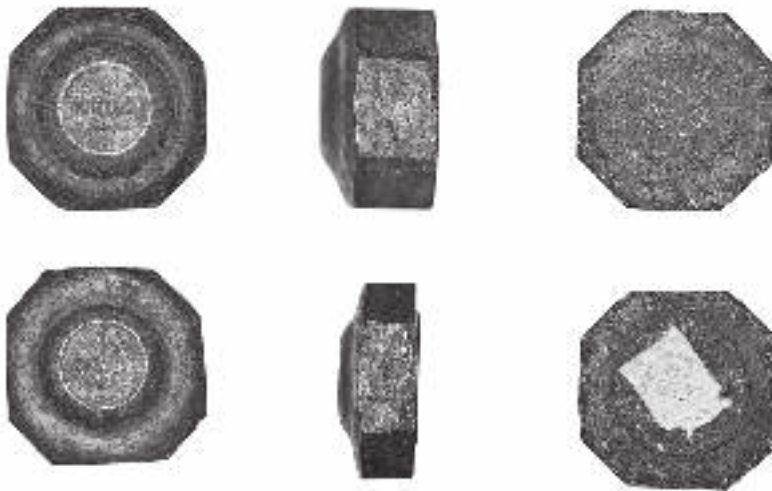
Кат. 5

0 100 мм

Кат. 6

Кам. 7, 8

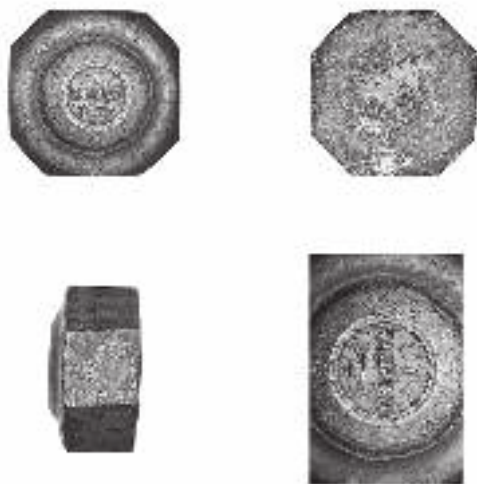

0 100 мм

Кам. 9, 10

Кам. 11, 12

0 100 мм

Кам. 13

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а. л.	— авторский лист
АГКМ	— Алтайский государственный краеведческий музей
АГЭ	— Архив Государственного Эрмитажа
АН СССР	— Академия наук СССР
АНО	— Археологическо-нумизматическое общество (после 1849 г. см. РАО)
АО	— акционерное общество
АС	— Археологический съезд
в. (вв.)	— век(а)
ВКЛ	— Великое княжество Литовское
ВКП (б)	— Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВНК	— Всероссийская нумизматическая конференция
ВСЮР	— Вооруженные силы Юга России
ВЦИК	— Всероссийский центральный исполнительный комитет
Вып.	— выпуск
г.	— год; город
г. (гг.) р.	— год (ы) рождения
г. (гг.) х.	— год (ы) Хиджры
гг.	— господа
ГААК	— Государственный архив Алтайского края (Барнаул)
ГАИМК	— см. РАИМК
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области (Иркутск)
ГАСО	— Государственный архив Свердловской области (Екатеринбург)
ГАТО	— Государственный архив Тверской области (Тверь)
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ГМПИР	— Государственный музей политической истории России (Санкт-Петербург)
ГРМ	— Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)
губ.	— губерния
ГЭ	— Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
Д.	— дело
д.	— деревня
ДРЗ	— Дом Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва)
ДСЛ	— Дела старых лет (РГАДА)
ед.	— единица

ЕИВ	— его (ее) императорское величество
ИАИ РГГУ	— Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета (Москва)
изд.	— издание
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург)
Ипат.	— Ипатьевская летопись
Кат.	— каталог
КИМ	— Кимрский музей (г. Кимры, Тверская обл.)
коп.	— копейка
КП	— книга поступлений
л. с.	— лицевая сторона
Лавр.	— Лаврентьевская летопись
Ленгорсовет	— Ленинградский городской совет депутатов трудящихся
ЛМД	— Ленинградский (Санкт-Петербургский) монетный двор
МИД	— Министерство иностранных дел
млн	— миллион
млрд	— миллиард
МНО	— Московское нумизматическое общество
МССР	— Молдавская Советская Социалистическая Республика
НС	— Нумизматический сборник (изд.)
НЧ	— Нумизматические чтения (изд.)
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика (изд.)
о. с.	— оборотная сторона
обл.	— область
облисполком	— областной исполнительный комитет
ОИДР	— Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОН	— отдел нумизматики
ООИД	— Одесское общество истории и древностей
Оп.	— опись
ОР РНБ	— отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
ОСВАГ	— осведомительное агентство при дипломатическом отделе руководителя Добровольческой армии генерала М. В. Алексеева
ПВА	— Повесть временных лет
ПК	— Петербургский коллекционер (изд.)
ПСЗ-1	— Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825. В 40 т. СПб., 1830. (изд.)
ПСЗ-2	— Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1825–1881. В 55-ти т. СПб., 1830–1884. (изд.)

- ПСЗ-3 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1881–1913. В 33-х т. СПб., 1885–1916. (изд.)
- ПСРА — Полное собрание русских летописей (изд.)
- р. — река
- РАИМК — Российская (Государственная) академия истории материальной культуры
- РАО — Русское археологическое общество (до 1849 г. — Археологическо-нумизматическое общество)
- РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург)
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (ранее — Центральный государственный архив древних актов, Москва)
- РГАЭ — Российской государственный архив экономики (Москва)
- РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
- рис. — рисунок
- РКМ — Рыльский краеведческий музей (Курская обл.)
- РО НА ИИМК РАН — рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- РСФСР — Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
- руб. — рубль
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа (изд.)
- СНВЕ — Средневековая нумизматика Восточной Европы (изд.)
- СНК — Совет народных комиссаров
- Совнарком — см. СНК
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- СПМД — Санкт-Петербургский монетный двор
- ст. — статья
- СУ-1921 — Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М., 1944. (изд.)
- СУАР — Синьцзян-Уйгурский автономный район (Китайская народная республика)
- т — тонна

Т	— труды, том
табл.	— таблица
ТГОМ	— Тверской государственный объединенный музей
Туркреспублика	— Туркестанская республика
тыс.	— тысяча
УАК	— ученая архивная комиссия
ул.	— улица
УНР	— Украинская Народная Республика
Ф.	— фонд
финотдел	— финансовый отдел
ФХ	— Фонд хранения
Хл.	— Холмогорская летопись
ЦБ РФ	— Центральный банк Российской Федерации
цв. вкл.	— цветная вклейка
ЦГА ИПД СПб	— Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦГА РК	— Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦГА РУ	— Центральный государственный архив Республики Узбекистан
ЦГА СПб	— Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГАДА	— см. РГАДА
ЦГАЛИ СПб	— Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб	— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦИК	— Центральный исполнительный комитет
ЦК КПСС	— Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦПКиО	— Центральный парк культуры и отдыха
Ч.	— часть
ЭЗГБ	— Экспедиция заготовления государственных бумаг
экз.	— экземпляр
ЭКС — ЦЭКТУ г. Санкт-Петербург	— Экспертно-криминалистическая служба — региональный филиал Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления г. Санкт-Петербург
ABNC	— American Bank Note Company
CNPA	— Centraal Nederlands Papierhistorisch Archief (Апелдорн, Нидерланды)
ИРН	— Международная ассоциация историков бумаги

<i>Е. В. Лепёхина.</i> Несостоявшееся издание альбома к 250-летию Ленинградского монетного двора	247
<i>И. А. Мозолевская.</i> Практика проведения экспертиз в отношении монет и банкнот в ЭКС — филиале ЦЭКТУ г. Санкт-Петербург	254
Приложение. <i>А. О. Пронин, Ю. А. Абрамова.</i> Маточники Сузунского монетного двора в собрании Алтайского государственного краеведческого музея. Каталог	261
Список сокращений	271
Алфавитный указатель авторов	275

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

- Абрамова Юлия Алексеевна 41, 261
Акопян Александр Владимирович 46
Алямкин Андрей Викторович 139
Балаченкова Александра Петровна 58
Баранов Александр Геннадьевич 94
Березина Вера Анатольевна 99
Богданов Андрей Альбертович 72
Богданова Татьяна Васильевна 229
Брагина Надежда Викторовна 203
Волков Иван Владимирович 14
Гайдуков Петр Григорьевич 242
Горлов Константин Вячеславович 118
Дуцмане Кристине 89
Зайцев Василий Васильевич 7
Зверев Сергей Викторович 18
Калинин Виталий Александрович 30
Козлов Ярослав Александрович 194
Краснов Ростислав Владимирович 222
Крицук Роман Иванович 114
Кручинин Андрей Сергеевич 170
Кудзеевич Леонид Владимирович 157
Кузнецов Александр Юрьевич 166
Кулешов Вячеслав Сергеевич 217
Латушкова Юлия Павловна 162
Лейбов Валерий Леонидович 10
Лепёхина Екатерина Витальевна 247
Мещеряков Владимир Николаевич 37
Мозолевская Ирина Алексеевна 254
Назаренко Кирилл Борисович 124
Новиков Максим Дмитриевич 177
Озолина Анда 150
Парамонов Олег Вадимович 83
Пронин Алексей Олегович 41, 261
Пулин Александр Дмитриевич 134
Рязанцева Татьяна Владимировна 102
Свирина Екатерина Михайловна 129
Седых Валерий Никандрович 187
Семилетникова Елена Сергеевна 211
Слепова Татьяна Ивановна 239
Смирнова Мария Александровна 242
Стародубцев Геннадий Юрьевич 204
Степанова Ольга Андреевна 122
Травкин Сергей Николаевич 109
Трегубов Николай Викторович 141
Фурасьева Татьяна Михайловна 196
Ходяков Михаил Викторович 65
Храменков Александр Владимирович 23
Чекунина Надежда Владиславовна 207
Чернышёва Нина Сергеевна 146
Чистикова Екатерина Александровна 68
Шиканова Ирина Семёновна 154
Шишанов Валерий Алексеевич 53
Шишков Игорь Юрьевич 199
Ярмолич Фёдор Кузьмич 181

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
--------------------------	---

Раздел I. История монетного производства

<i>В. В. Зайцев.</i> К атрибуции одного из ранних типов монетных надчеканок Великого княжества Московского	7
<i>В. Л. Лейбов.</i> К вопросу об организации денежного производства в Великом княжестве Тверском во второй половине XV века: монеты с именами Федота и Орефия	10
<i>И. В. Волков.</i> Об организации монетного производства в Великом Новгороде при Иване III	14
<i>С. В. Зверев.</i> Севские чехи 1686 года. Варианты оформления и их авторы	18
<i>А. В. Храменков.</i> «Четвероугольные жеребейки» для дела фальшивых полушек образца 1718 года.	23
<i>В. А. Калинин.</i> Первые монетные дворы Санкт-Петербурга	30
<i>В. Н. Мецгеряков.</i> Исторический словарь российского монетного передела XVIII века. Предварительное сообщение	37
<i>А. О. Пронин, Ю. А. Абрамова.</i> Маточники и рабочие штемпели Сузунского монетного двора в собрании Алтайского государственного краеведческого музея	41
<i>А. В. Акопян.</i> История функционирования монетного двора Панахабад (1794–1822) до и после вхождения в состав Российской империи	46

Раздел II. История производства банкнот: технологии и художественное оформление

<i>В. А. Шишанов.</i> Операция «перемены ассигнаций» 1801–1803 годов и замысел создания «всегдашней для дела ассигнаций типографии»	53
<i>А. П. Балаченкова.</i> Об одном опыте франко-русского технического сотрудничества: черпальная машина системы А. Дюпона (1878) в Экспедиции заготовления государственных бумаг	58
<i>М. В. Ходяков.</i> Проблема утилизации кредитных билетов в конце XIX — начале XX века	65
<i>Е. А. Чистикова.</i> Проектные рисунки кредитных билетов, выполненные А. И. Шарлеманем: основные сюжеты	68
<i>А. А. Богданов.</i> Братья «катеньки» и «петеньки»: проекты «императорской серии» кредитных билетов, выполненные Рудольфом Рёсслером	72
<i>О. В. Парамонов.</i> Дело Леона Варнерке. Документальные свидетельства крупнейшей экономической диверсии, связанной с подделкой в Лондоне российских кредитных билетов во второй половине XIX века	83

<i>К. Дуцмане.</i> Деятельность Рихарда Заррина в Латвии с 1919 по 1939 год	89
<i>А. Г. Баранов.</i> Неосуществленный выпуск расчетных знаков РСФСР достоинством 5000 и 10000 рублей образца 1921 года с белым купоном . . .	94
<i>В. А. Березина.</i> «Передовой представитель рабочего класса»: проекты бумажных денег 1920-х — 1930-х годов с изображениями рабочих	99
<i>Т. В. Рязанцева.</i> Банкнота зовет в историю (создание и символика современной 1000-рублевой купюры)	102

Раздел III. Обращение и бытование монет и банкнот (XVII — начало XX века)

<i>С. Н. Травкин.</i> Об использовании монет Шведского королевства мелких достоинств на территории Восточной Европы в XVII столетии	109
<i>Р. И. Крицук.</i> Мировой кризис серебра и медные кредитные деньги в Восточной Европе XVII века (Реформы Яна II Казимира и Алексея Михайловича)	114
<i>К. В. Горлов.</i> Новые источники о жаловании служилых людей XVII века	118
<i>О. А. Степанова.</i> Наборы для взвешивания монет в собрании отдела нумизматики Государственного Эрмитажа	122
<i>К. Б. Назаренко.</i> Монеты в описях имущества русских моряков первой половины XVIII века	124
<i>Е. В. Свирина.</i> Денежное обращение Сибири XIX века: рассуждения по поводу медных разменных денег	129
<i>А. Д. Пулин.</i> Купоны ценных бумаг в денежном обращении России XIX — начала XX века	134

Раздел IV. Обращение и бытование монет и банкнот (XX век)

<i>А. В. Алямкин.</i> Задачи изучения «образцов» бумажных денежных знаков в России: постановка проблемы	139
<i>Н. Л. Трегубов.</i> «Бумажный золотой»: взрослая жизнь игрушечных денег в России	141
<i>Н. С. Чернышёва.</i> Реакция населения на введение в обращение денег-марок в 1915 году (по материалам донесений управляющих местными отделениями Государственного банка)	146
<i>А. Озолия.</i> Российский рубль на территории Латвии во время Первой мировой войны и до 1920 года	150
<i>И. С. Шиканова.</i> «Деньги для дураков»: пропагандистские надпечатки на кредитных билетах образца 1918 года	154
<i>Л. В. Кудзеевич.</i> Символы государственной власти на денежных знаках периода Гражданской войны в России	157
<i>Ю. П. Латушкова.</i> Денежное обращение на территории Беларуси в период советско-польской войны (на материалах Минска)	162
<i>А. Ю. Кузнецов.</i> Выпуск обеспеченных опием денежных знаков в Семиреченской области в период обострения денежного кризиса 1918–1920 годов . . .	166

- А. С. Кручинин.* Путешествие «керенок» за три моря: секретная командировка генерала В. В. Нагаева (1919) 170
- М. Д. Новиков.* Реакция населения Ленинграда на проведение государственных займов IV пятилетки (по материалам информационных сводок партийных работников) 177
- Ф. К. Ярмолич.* Деньги в жизни ленинградца в 1950-е годы (по материалам протоколов партийных собраний) 181

Раздел V. Клады: проблемы атрибуции, описания, сохранения

- В. Н. Седых.* Сокрытие кладов монет в ранний период истории Руси: традиции и чрезвычайные обстоятельства 187
- Я. А. Козлов.* Денежные клады Музея археологии Москвы 194
- Т. М. Фурсьева.* Фальшивые медные копейки времени Алексея Михайловича в составе кладов, хранящихся в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа 196
- И. Ю. Шишкова.* Клад монет конца XVII века из Дмитровского района Московской области 199
- Н. В. Брагина.* Клад начала XX века из деревни Шатрище Кимрского района Калининской (Тверской) области 203
- Г. Ю. Стародубцев.* Клад времен Гражданской войны из города Рыльска (Курская область): предварительное сообщение 204
- Н. В. Чекунина.* Клад бумажных денежных знаков со сберкнижкой из фондов Тверского музея 207
- Е. С. Семилетникова.* Клады бумажных денег из собрания отдела нумизматики Государственного исторического музея 211

Раздел VI. Письменные источники по истории производства и обращения монет и банкнот

- Вяч. С. Кулешов.* Нумизматическая лексика и нумизматические ситуации в «Повести временных лет»: синтагматические и парадигматические аспекты 217
- Р. В. Краснов.* Пробные медные монеты в переписке дьяка А. А. Беляева и Ф. М. Апраксина за 1710 год 222
- Т. В. Богданова.* Материалы по истории денежных реформ в Российской империи второй половины XVIII — начала XX века в фондах Российского государственного исторического архива 229

Раздел VII. История коллекционирования и изучения монет и банкнот

- Т. И. Слепова.* Происхождение некоторых итальянских монет из собрания Государственного Эрмитажа 239
- П. Г. Гайдук, М. А. Смирнова.* Нумизматика на страницах российских периодических изданий (по материалам нумизматической библиографии С. И. Чижова) 242

Научное издание

ДЕНЬГИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА,
ОБРАЩЕНИЯ, БЫТОВАНИЯ

Выпуск I

Сборник материалов
Первой международной научной конференции
(18–19 октября 2018 г., Санкт-Петербург)

Редакторы — В. А. Березина, Е. А. Жданкова, Н. С. Чернышева
Оригинал-макет и дизайн обложки — А. И. Бранделис

Подписано в печать 26.09.2018 г.
Формат 60×90/16. Печ. л. 17,5. Вкл. 24 л.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Вклейка — бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 8-8664-1v

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в Типографии Фурсова
196084, Санкт-Петербург, ул. Заставская 14А
Тел./факс (812) 646-33-77
www.er-print.ru

К статье В.В. Зайцева
**К атрибуции одного из ранних типов монетных надчеканок
 Великого княжества Московского**

1. Великокняжеские монеты с
 надчеканками в виде буквы «Д»
 коломенской группы,
 конец 70-х – середина 80-х гг. XIV в.
 Увеличено в 2 раза

2. Монеты князя Дмитрия
 Ольгердовича с надчеканками в
 виде буквы «Д», вписанной в круг,
 переславской группы, 80-е гг. XIV в.
 Увеличено в 2 раза

3. Великокняжеские монеты с надчеканками в виде буквы «Д» заокской группы, 80-е гг. XIV в.
Увеличено в 2 раза

4. Великокняжеские монеты с прямоугольными надчеканками с изображением четвероногого хищника, изготовившиеся в Переславле-Залесском в конце 80-х гг. XIV в.
Увеличено в 2 раза

К статье А. В. Храменкова
«Четвероугольные жеребейки»
для дела фальшивых полушек образца 1718 года

Фальшивая полушка (а) и медные пластины со следами оттиска штампов фальшивой полушки (б, в). Увеличено в 2 раза

К статье В. А. Шишанова

**Операция «перемены ассигнаций» 1801–1803 годов
и замысел создания «всегдашней для дела ассигнаций типографии»**

Пробный оттиск ассигнации достоинством 5 рублей. 1801 г.
Вариант без указания даты начала эмиссии со знаком «№». Л. и о. с. (АО «Гознак»).

Уменьшено

Односторонний пробный оттиск ассигнации достоинством 5 рублей. 1801 г.
Вариант без указания даты начала эмиссии, без знака «№» и без вензеля на о. с.
(АО «Гознак»). Уменьшено

К статье Е. А. Чистиковой
 Проектные рисунки кредитных билетов, выполненные
 А. И. Шарлеманем: основные сюжеты

1

2

1, 2. А. И. Шарлемань. Эскизы государственных кредитных билетов. 1884–1890 гг.
 (АО «Гознак»). Уменьшено

3

4

3–5. А. И. Шарлемань. Эскизы государственных кредитных билетов. 1881–1890 гг. (АО «Гознак»). Уменьшено

5

К статье А. А. Богданова
Братья «катеньки» и «петеньки»: проекты «императорской серии»
кредитных билетов, выполненные Рудольфом Рёсслером

Р. И. Рёсслер. Эскизы л. и о. с. государственного кредитного билета достоинством 1 рубль. 1894 г. (АО «Гознак»). Уменьшено

Р. И. Рёсслер. Эскизы л. и о. с. государственного кредитного билета достоинством 3 рубля. 1894 г. (АО «Гознак»). Уменьшено

Р. И. Рёсслер. Эскизы л. и о. с. государственного кредитного билета достоинством 5 рублей. 1894 г. (АО «Гознак»). Уменьшено

Р. И. Рёсслер. Эскизы л. и о. с. государственного кредитного билета достоинством 10 рублей. 1895 г. (АО «Гознак»). Уменьшено

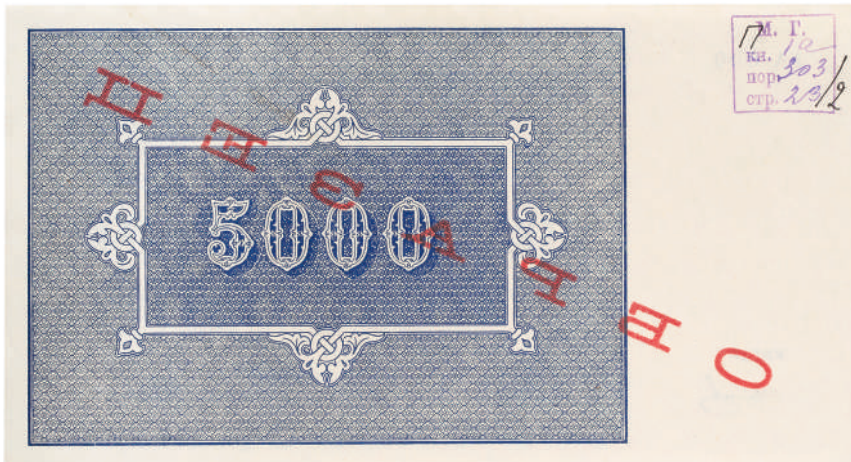

Р. И. Рёсслер. Эскизы л. и о. с. государственного кредитного билета достоинством 25 рублей. 1894 г. (АО «Гознак»). Уменьшено

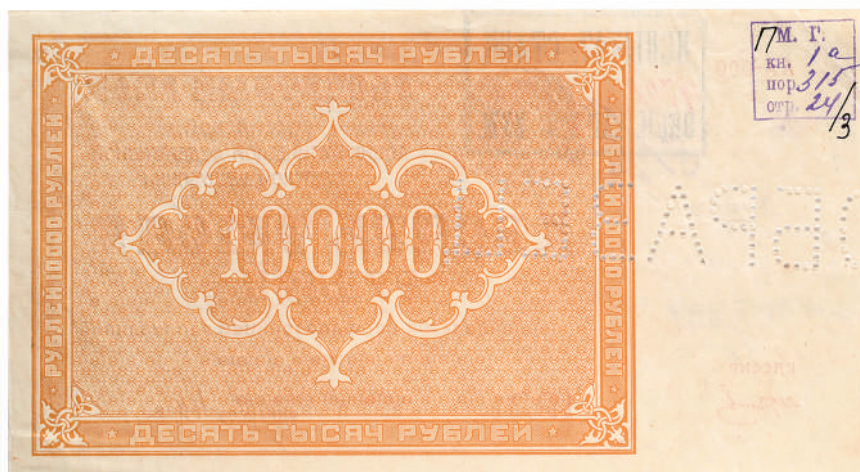

Р. И. Рёсслер. Эскизы л. и о. с. государственного кредитного билета достоинством 100 рублей. 1894 г. (АО «Гознак»). Уменьшено

К статье А.Г. Баранова
**Неосуществленный выпуск расчетных знаков РСФСР
 достоинством 5000 и 10 000 рублей образца 1921 года
 с белым купоном**

Оттиск расчетного знака РСФСР образца 1921 г. достоинством 5000 рублей с белым купоном. (АО «Гознак»). Уменьшено

Оттиск расчетного знака РСФСР образца 1921 г. достоинством 10 000 рублей с белым купоном. (АО «Гознак»). Уменьшено

К статье В. А. Березиной
 «Передовой представитель рабочего класса»: проекты бумажных денег
 1920-х – 1930-х годов с изображениями рабочих

1. П. С. Ксидиас (?). Пробный оттиск металлографской печати о. с. государственного денежного знака достоинством 25 000 рублей. 1921 г. (Собрание АО «Гознак»). Уменьшено

2. В. К. Куприянов. Эскиз государственного кредитного билета достоинством 100 рублей. 1922 г. (АО «Гознак»). Уменьшено

1. Я. Б. Дрейер. Эскизы государственных казначейских билетов СССР достоинством 3 и 5 копеек золотом. 1924 г. (АО «Гознак»). Уменьшено

2. Эскиз билета Государственного банка СССР достоинством 5 червонцев. 1924 г. (АО «Гознак»). Уменьшено

С. Я. Антонов. Эскизы государственных денежных знаков достоинством 5 и 50 рублей. [1923 г.] (АО «Гознак»). Уменьшено

И. И. Дубасов. Эскизы государственных казначейских билетов СССР достоинством 1 рубль. 1936 г. (АО «Гознак»). Уменьшено

К статье О. А. Степановой
Наборы для взвешивания монет
 в собрании отдела нумизматики Государственного Эрмитажа

Набор для взвешивания монет. Амстердам. Мастерская Мартина де Бакера (?).
 XVII–XVIII вв. (ОНГЭ). Уменьшено

К статье Л. В. Кудзеевича
**Символы государственной власти на денежных знаках
 периода Гражданской войны в России**

1. Билет 3,6 % займа Государственного казначейства Украинской державы.
 1918 г. Фрагмент

2. Знак государственного казначейства Украинской державы образца 1918 г.
 достоинством 1000 карбованцев. Фрагмент

3. Билет Ростовской-на-Дону конторы
 Государственного банка достоинством
 50 копеек. [1918 г.] Фрагмент

4. Государственный кредитный билет
 образца 1917 г. достоинством
 1000 рублей. Фрагмент

5. Разменный билет города
Одессы образца 1917 г.
достоинством 25 рублей.
Фрагмент

6. Бона Грузинской демократической
республики образца 1921 г. достоинством
5000 рублей. Фрагмент.

К статье И. Ю. Шишкова
Клад монет конца XVII века
из Дмитровского района Московской области

1

2

1, 2. Сосуды, в которых находился клад:
поливная чернильница и чернолощенная фляга-кубышка. XVII в.

К статье Т. В. Богдановой
**Материалы по истории денежных реформ в Российской империи
 второй половины XVIII – начала XX века**
 в фондах Российского государственного исторического архива

Односторонние оттиски медных монет, утвержденные императрицей Екатериной II
 2 июня 1796 г. (РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 124. Л. 2)

К статье Е. В. Лепехиной
 Несостоявшееся издание альбома
 к 250-летию Ленинградского монетного двора

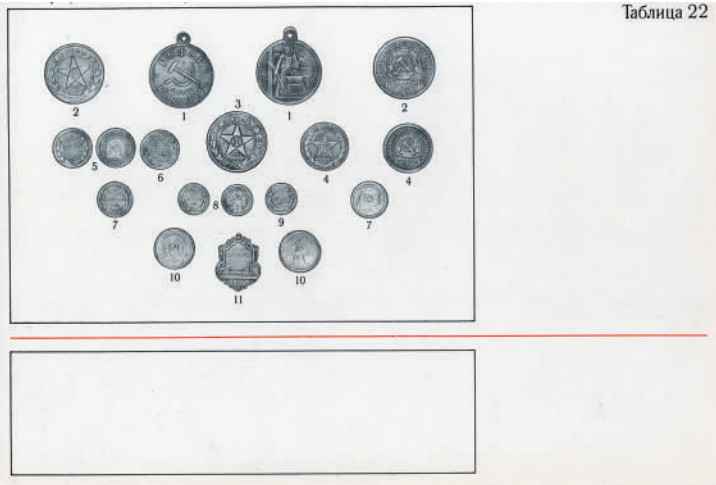

Таблица № 22 несостоявшегося альбома «Ленинградский монетный двор».
 (Архив ОН ГЭ). Уменьшено

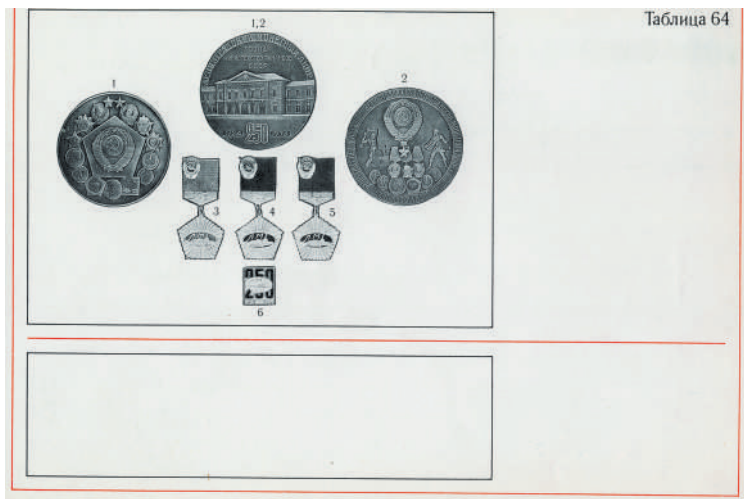

Таблица № 64 несостоявшегося альбома «Ленинградский монетный двор».
(Архив ОНГЭ). Уменьшено

ISBN 978-5-6041299-1-3

9 785604 129913